ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

6 (4) 2020

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ
RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Социологическое измерение проблем управления: прорывные направления и практики
THEME OF THE ISSUE: Sociological Dimension of Management Problems: Breakthrough Directions and Practices

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.
включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК
Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017
Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 6, №4. 2020

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-9338

Volume 6, № 4. 2020

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: ***Шаповалова И. С.,*** доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ***Лебедев С. Д.,*** кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: ***Кисиленко А. В.,*** кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: ***Ляшенко И. В.,*** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

MANAGING EDITOR: ***Inna Shapovalova,*** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: ***Sergey Lebedev,*** Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: ***Anastasey Kisilenko,*** Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: ***Igor V. Lyashenko***, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for

политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю.В., *доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.*

Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarion, *Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia*

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020
© Belgorod State National Research University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Тихонов А. В. Предисловие. Социологическое измерение проблем управления: прорывные направления и практики 4

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики 10

Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Практики социально-гуманитарного сотрудничества российских регионов с молодыми соотечественниками за рубежом 26

Леньков Р. В. Проблема целеполагания социокультурной модернизации российских регионов: закономерности, регуляторы, субъектность 42

Хрипкова Д. В., Начкебия М. С., Реутова М. Н., Хрипков К. А. Ценностные основания гражданской активности 55

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Миграционный потенциал населения республики Башкортостан: основные факторы и направления миграции 69

Просянюк Д. В., Кислицина И. Д. Компаративный анализ оценок значимости проблем социально-экономического развития регионов России 87

Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Что мешает «прорывному» российскому проекту «Наука» стать действительно прорывным? 112

Шмарион Ю. В., Насонова М. А. Сравнительный анализ социальных портретов лидеров и активистов профсоюзных организаций 128

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Богданов В. С., Смирнова А. С. Проблема социологического измерения социально-сетевого группообразования в условиях реализации российских национальных проектов 146

Гусейнова К. Э. Проблема организации коммуникативного пространства российских регионов в условиях реализации национального проекта «Наука» 169

Певная М. В., Шуклина Е. А., Черникова-Бука М., Каземирчик Е., Телепаева Д. Ф. Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран 184

CONTENTS

Aleksandr V. Tikhonov Foreword. Sociological dimension of Management problems: breakthrough directions and practices 4

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Pavel P. Deryugin, Lubov A. Lebedintseva, Olga V. Yarmak, Roman A. Travin Values and human capital of the employees of the corporation: experience in network troubleshooting 10

Elena I. Vasileva, Tatiana E. Zerchaninova Practices of social and humanitarian cooperation between Russian regions and young compatriots abroad 26

Roman V. Len'kov The problem of targeting socio-cultural modernization of Russian regions: patterns, regulators, subjectivity 42

Dianna V. Khripkova, Mayya S. Nachkebia, Marina N. Reutova, Kirill A. Khripkov Value bases of civic engagement 55

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Rim M. Valiakhmetov, Marcel S. Turakayev Migration potential of the population of the republic of Bashkortostan: main directions and factors 69

Daria V. Prosyanyuk, Irina D. Kislitsyna Significance of problems of socio-economic development of Russian regions and their comparative analysis 87

Aleksandr V. Tikhonov, Andrey A. Merzlykov What prevents the “breakthrough” Russian project “Science” from becoming a real breakthrough? 112

Yuri V. Shmarion, Marina A. Nasonova Comparative analysis of social portraits of leaders and activists of trade union organizations 128

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Vladimir S. Bogdanov, Anastasiia S. Smirnova Problems of sociological measurement of social and network group formation in the context of Russian national projects implementation 146

Ksenia E. Guseynova The problem of organizing the communicative space of Russian regions in the context of the national project “Science” 169

Maria V. Pevnaya, Elena A. Shuklina, Mariana Cernicova-Bucă, Jerzy Kazmierczyk, Daria F. Telepaeva Management of youth participation in the socio-cultural development of cities in Russia and post-Soviet countries 184

Вступительное сообщение редактора

Тихонов А. В.

Предисловие. Социологическое измерение проблем управления: прорывные направления и практики

Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
alvast39@mail.ru

Editor's opening remarks

Aleksandr V. Tikhonov

Foreword. Sociological dimension of Management problems: breakthrough directions and practices

Center for Sociology of Management and Social Technology,
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
alvast39@mail.ru

В очередном выпуске журнала «Научный результат. Социология и управление» представлены материалы на такую актуальную тему как «Социологическое измерение проблем управления: прорывные направления и практики».

В качестве содержательного «ядра» номера к изданию подготовлено несколько материалов, можно сказать, прямо с рабочего стола сотрудников Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН: 1) Тихонова А.В. и Мерзлякова А.А., 2) Богданова В.С. и Смирновой А.С., 3) Просянюк Д.В. и Кислицыной И.Н., 4) Ленькова Р.В. и 5) Гусейновой К.Э.

Статья Тихонова Александра Васильевича и Мерзлякова Андрея Александровича «ЧТО МЕШАЕТ «ПРОРЫВНОМУ» РОССИЙСКОМУ ПРОЕКТУ «НАУКА» СТАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОРЫВНЫМ?» продолжает исследование Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН проблем готовности регионов к инновационной деятельности с учётом их причастности к различным уровням социокультурной модернизации. Но если целью первого этапа было получение предварительных данных о барьерах, препятствующих реализации целей и задач системы научного-технического развития (СНТР), связанных с информационно-коммуникативными каналами обратной связи и с механизмами контроля за реализаций стратегических программ в регионах с использованием метода дистанционного анализа сайтов региональных органов власти, то на новом этапе мы получали данные от специально подобранных групп экспертов не только о ситуации в регионах, но и о сопоставлении

первичной информации по отдельным программам с реализацией программы «Наука».

В ходе анализа контента сайтов региональных органов власти и материалов экспертизы в регионах оказалось возможным понять интенцию систем управления и то, на что, преимущественно, направлены интересы руководства: на дело или на отчётность, получить более полные данные о содержании и структуре социальных условий в регионах, непосредственно влияющих на процесс реализации стратегически важных для страны решений, на основе таких документов как Концепция, Стратегия и Программа инновационного развития. Однако в отношении проекта «Наука» сложилась неоднозначная ситуация: с одной стороны, эксперты ставят данный национальный проект в качестве одного из ключевых (80%), а с другой, отмечают, что население вряд ли будет сильно его поддерживать (34%), и неизвестно, как справится с этой задачей администрация регионов, находящихся на разных этапах социокультурной модернизации. Для более полного выяснения проблемной ситуации был сформулирован и изучен перечень специфических факторов (условий), способствующих превращению национального проекта «Наука» в драйвер осуществления других национальных проектов, таких как административно-управленческие, финансовые, экономические, политические и социальные, и сделаны предложения организационно-управленческого характера. Это позволило сделать выводы о необходимости создания в регионах специальных оргструктур для более полного использования потенциала национального проекта «Наука».

Следующие две статьи посвящены промежуточным результатам исследовательского проекта Российского научного фонда № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

В статье Богданова Владимира Сергеевича и Смирновой Анастасии Сергеевны «ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОГО ГРУППООБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ представлены результаты апробации измерения социального сетевого группообразования (далее – «ССГ») в рамках реализации национальных проектов, как нового способа установления в онлайн сетевом пространстве процессов формирования и взаимодействия коллективных субъектов (стейкхолдеров), заинтересованных в качестве разработки и конкретных результатах проектных решений. Выявление и интерпретация сущностных характеристик коллективных субъектов, имеющих общие или разные интересы, стратегии поведения, а также цели, может социологически измеряться в рамках процесса группообразования, результатом которого может стать фиксация зарождения деятельности новой коллективной субъектности или новых социальных групп. В ходе разработки и реализации проектных решений имеются группы решения, которые отвечают за постановку проблемы, установление целей и выбор средств их достижения. Характер и контуры деятельности групп решения в рамках национальных проектов, по сути, определяют органы власти и управления, которые задают критерии процессов соучастия или отчуждения заинтересованных лиц в решении социально значимых проблем и возможности наполнения конкретным содержанием проектных решений.

Апробация ССГ проведена на основе материалов поискового онлайн исследования (2019 г.), проведенного в 4-х субъектах РФ. Исследование актуализировано в контексте академического проекта, реализуемого Центром социологии управления и соци-

альных технологий ИС ФНИСЦ РАН при поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345). Акцентируется внимание на эмпирическом измерении общих тенденций ССГ через специально разработанные индексы социально-сетевой субъектности, выражающейся в онлайн сетевом взаимодействии региональных стейкхолдеров по поводу постановки и решения проблем, поиска конструктивных решений их разрешения или трансляции протестных настроений в ходе реализации национальных проектов. Предложены три критерия для диагностики социально-сетевой субъектности: 1) наличие, содержание и распространение целевой информации со стороны органов власти, достаточной для активизации и конструктивного включения населения в управленческие решения; 2) наличие/отсутствие онлайн и оффлайн форм включения населения (использование его потенциала: информации, знаний, ресурсов) в реализацию национальных проектов на основе организации социальной обратной связи; 3) характер взаимодействия (нейтральный, оппозиционный, организационно-конструктивный) органов власти и населения в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов.

Выявлено, что каждый регион имеет свой характер и тенденции организации ССГ, а также свои критерии социальной субъектности. Отмечается низкий уровень удовлетворенности населения ходом реализации национальных проектов из-за определенных барьеров и трудностей, в том числе из-за слабо организованной социально-ориентированной обратной связи в части исполнения проектных решений. То есть сегодня ССГ как процесс активизации онлайн коммуникативного взаимодействия стейкхолдеров для выработки социально-ориентированных решений в рамках национальных проектов, слабо регулируется органами власти. Население практически не рассматривается одним из главных исполнителей проектных мероприятий.

Апробация методики социологического измерения ССГ будет продолжена в 2021 году в ходе сетевого мониторинга реализации нацпроектов.

Вторая статья по проекту РНФ (авторы Просянюк Дарья Вячеславовна и Кислицина Ирина Николаевна) «КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОК ЗНАЧИМОСТИ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ» посвящена апробации методики анализа региональных средств массовой информации на предмет изучения управляемости социального группообразования, а также сравнению полученных результатов с данными массового и экспертного опросов. Практика внедрения инструментов управления бизнесом в деятельность органов власти диктует необходимость адекватного применения сопутствующих инструментов, в частности, информационного обеспечения управленческой деятельности. Актуальность изучения содержания и структуры повестки дня средств массовой информации, как основного источника знаний об окружающем мире для большинства населения, обусловлена их ключевой ролью в процессах модернизации экономики и общества: сегодня медиа являются одновременно источниками информационной повестки и координаторами обратной связи между обществом и органами власти.

Целью исследования является выявление и сравнение информации о состоянии социально-значимых проблем в регионах с точки зрения различных субъектов – средств массовой информации, населения и экспертного сообщества. Для её достижения была разработана методика компаративного измерения социальных процессов группообразования, результаты апробации которой показали ее высокую эффективность для решения задачи оценки реальной проблем-

ной ситуации в регионах в условиях реализации нацпроектов. В результате были зафиксированы существенные недостатки информационного обеспечения процессов управления: дисбаланс оценок значимости проблем социально-экономического развития региона различными субъектами, недостаточное и неадекватное информационное освещение хода реализации национальных проектов в средствах массовой информации.

В статье Ленькова Романа Викторовича «ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ, РЕГУЛЯТОРЫ, СУБЪЕКТНОСТЬ» актуализируется проблема целеполагания социокультурной модернизации регионов Российской Федерации в плане выявления её потенциала в территориальных региональных сообществах как организационных системах с разным уровнем развития, а также обоснования регуляторов для организации процесса целеполагания при выстраивании отношений заинтересованных лиц с субъектами систем управления. Рассматривается история становления понятия «цель», раскрывается практический опыт целевого управления и планирования (на примере СССР), основанный на результатах теоретических исследований по осознанию роли цели и целенаправленности в системах организационного управления. Характеризуется закономерность эквифинальности и её использование при целеобразовании на региональном уровне. В основу работы положен опыт изучения управляемости регионального развития, полученный учёными Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2015-2020 гг. Особое внимание уделено научным результатам исследования интеллигенции как латентной группы в контексте управляемости социокультурной модернизации регионов, включая развитие систем управления и роль высшего образования. В заключение специфицирован ряд оставшихся за рамками исследования проблемных вопросов для дальнейшего анализа значения современной интеллигенции с акцентом на «сборку» субъектности в условиях спонтанных и целерациональных изменений в саморазвивающихся сообществах.

В статье Гусейновой Ксении Эльдаровны «ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «НАУКА»» анализируется специфика терминов «коммуникативное пространство», «инновационное развитие», «национальные проекты», «модернизация». Здесь рассматривается особенность оценки региональным экспертным сообществом проблем реализации национального проекта «Наука», способность регионов оценить его научно-технологический потенциал для коммуникационного развития региона. Раскрывается суть типологии Н.И. Лапина об уровне модернизированности субъектов Российской Федерации с учетом их региональных различий. Также сделана попытка оценить возможности организации коммуникативного пространства в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и эффективность использования региональных ресурсов для инновационного развития.

Помимо блока статей, представленных учёными Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН, в номере опубликован также ряд работ учёных из российских регионов и их коллег из стран дальнего зарубежья, прямо или косвенно связанных с вопросами социологического измерения различных аспектов проблематики социального управления. Их авторами выступили: Дерюгин П.П. (Санкт-Петербург), Лебединцева Л.А. (Санкт-

Петербург), Ярмак О.В. (Севастополь) и Травин Р.А. (Белгород); Шмарион Ю.В. и Насоновой М.А. (Липецк); Певная М.В., Шуклина Е.А., Телепаева Д.Ф. (Екатеринбург) в соавторстве с М. Черникова-Бука (Тимишоара, Румыния) и Е. Каземирчик (Познань, Польша); Валиахметов Р.М. и Туракаев М.С. (Уфа), а также коллектив авторов в составе Хрипковой Д.В., Начкебии М.С., Реутовой М.Н. и Хрипкова К.А. (Белгород).

Статья Дерюгина Павла Петровича, Лебединцевой Любовь Александровны, Ярмак Ольги Валерьевны и Травина Романа Андреевича «ЦЕННОСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОТРУДНИКОВ КОРПОРАЦИИ: ОПЫТ СЕТЕВОЙ ДИАГНОСТИКИ» посвящена оценке сетевого моделирования социодинамики корпоративных ценностей и их связи с человеческим капиталом корпорации. Доказывается, что между ценностями и человеческим капиталом персонала в рамках корпораций с различным уровнем человеческого капитала складываются непрямые зависимости. Тем не менее, авторами прослеживается положительная связь между уровнем человеческого капитала персонала корпорации и его ценностным единством, а также между уровнем человеческого капитала персонала корпорации и поддержкой им рыночных ценностей. Социальная среда внутри корпорации с высоким уровнем человеческого капитала сотрудников, по мнению П.П. Дерюгина, Л.А. Лебединцевой, О.В. Ярмак и Р.А. Травина, развивает и поддерживает рыночные ценности и является школой рыночных отношений.

Статья Певной Марии Владимировны, Шуклиной Елены Анатольевны, Телепаевой Дарьи Фёдоровны, Марианы Черникова-Бука и Ежи Каземирчик «УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ УЧАСТИЕМ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН» ставит целью определить характеристики феномена социального участия и обозначить теоретические положения концепции управления молодежным участием через критическую оценку существующих исследовательских ракурсов вовлеченности городской молодежи в социокультурное развитие городов. Авторы формулируют теоретические положения концепции управления на основе вторичного анализа значительного числа публикаций по результатам представительных тематических исследований. Такой анализ и систематизация научных работ по проблематике социального участия, в частности, участия молодёжи в жизнедеятельности сообщества в рамках городского пространства, оценка международных и российских социологических проектов даёт возможность описать структуру социального участия как исследовательского концепта.

Статья Хрипковой Дианны Вазгеновны, Начкебия Майи Северияновны, Реутовой Марины Николаевны и Хрипкова Кирилла Александровича «ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ» рассматривает ценностный (аксиологический) фундамент гражданской активности населения с позиций методологии социального капитала. Социальный капитал определяется авторами как «сети социальных отношений, характеризующиеся нормами доверия и взаимности» и рассматривается ими в связи с такими явлениями и концептами, как гражданское общество и социальные сети. Опираясь на эмпирическую базу исследования в рамках научного проекта № 20-011-31451 базу при поддержке РФФИ и ЭИСИ «Габитус гражданской активности в системе социальных взаимоотношений», авторы приходят к выводам: для реализации должного уровня гражданской активности необходимо, во-первых, наличие механизмов и процедур включения граждан в решение общественно-значимых вопросов; во-вторых – наличие существенной пробле-

мы, затрагивающей интересы большей части граждан; в-третьих – наличие солидаристских ценностей; в-четвертых – наличие в обществе единой системы ценностей, которая обеспечивает консенсус по основным направлениям развития страны, региона или муниципального образования.

В статье Шмариона Юрия Васильевича и Насоновой Марины Александровны «СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ ЛИДЕРОВ И АКТИВИСТОВ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ» поднимаются важные вопросы воспроизводства кадров для проффесиональных общественных объединений, вовлечения молодежи в деятельность профсоюзов, становления профсоюзных лидеров. Подчеркивается значимость молодых кадров профсоюза, как носителей актуальных знаний, заинтересованных в развитии долгосрочных отношений в трехстороннем союзе социального взаимодействия. Авторы приходят к выводу, что сложившаяся практика назначения молодых лидеров и активистов, традиционные программы подготовки кадров для профсоюзов не эффективны. Эмпирически обоснованный сравнительный анализ социальных портретов актуального лидера профсоюза и претендента на роль лидера профсоюза, позволил авторам определить структуру и содержание подготовки кандидатур на роль профсоюзного лидера. Неудивительно, что результаты исследований и рекомендаций авторов были востребованы в управленческой практике.

В статье Валиахметова Рима Марсовича и Туракаева Марселя Салаватовича «МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ» рассматриваются основные факторы и векторы горизонтальной мобильности и миграции населения, поднимаются вопросы связи регионального резвития, качества жизни и миграционной готовности региональных жителей. Наряду с известными физическими направлениями миграции, авторы обращают свое внимание на такие содержательные аспекты миграционного выбора, как желание получить доступное и качественное образование, повысить материальное благосостояние, стремление к профессиональной самореализации. Большое внимание уделено анализу социально-экономических и социально-трудовых факторов, в том числе уровню жизни, наличию собственного жилья, социально-трудовой статус, смена места работы или специальности, тип населенного пункта, характер работы и соблюдение трудовых прав работников. Авторы приходят к выводу, что образовательная и трудовая миграция из республики приобретает массовый характер и перерастает в тенденцию, негативно сказывающуюся на конкурентоспособности региона, что требует не просто детального изучения, но и внимания лиц, ответственных за принятие решений.

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН.

Alexander V. Tikhonov, Doctor of Sociology, Professor, Chief Scientific Officer, Head of the Center for Sociology of Management and Social Technology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1

Дерюгин П. П.[1]
Лебединцева Л. А.[2]
Ярмак О. В.[3]
Травин Р. А.[4]

Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики

[1)] Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Смольного, 1/3, подъезд 9, Санкт-Петербург 191060, Россия
Санкт-Петербургский электротехнический государственный университет
ул. Попова, 5, Санкт-Петербург, 191060, Россия
ppd333@rambler.ru

[2)] Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Смольного, 1/3, подъезд 9, Санкт-Петербург 191060, Россия
Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Россия
llebedintseva879@gmail.com

[3)] Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Россия
olga_yarmak@inbox.ru

[4)] Белгородский государственный национальный иследовательский университет
ул. Победы, Белгород, 85, 308015, Россия
romantravin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические подходы и методические принципы исследования взаимосвязей между ценностями личности и ее человеческим капиталом на основе сетевых методов. Показано, что адекватные теоретические основания такого исследования выстраиваются на интеграции принципов понимающей социологии М. Вебера и его последователей, а также принципов диспозиционной теории регуляции социального поведения личности В. А. Ядова. Проанализированы базовые положения социологической науки о ценностях и человеческом капитале личности как о взаимозависимых элементах целостной структуры личности. Выдвинуты и апробированы гипотетические предположения о таких взаимосвязях. В эмпирической части исследования

показано, что в российских корпорациях концентрируется персонал с различным уровнем человеческого капитала, и что различному уровню человеческого капитала соответствуют различные уровни ценностной солидарности и социального единства сотрудников корпораций. Сделаны обобщающие выводы о взаимозависимостях между человеческим капиталом и ценностным единством персонала корпораций, показано, что такое единство присуще корпорациям с высоким уровнем человеческого капитала. Обоснованы центральные положения о сетевых методиках эмпирического исследования взаимосвязи человеческого капитала и ценностей личности и проведена апробация такой методики на трех объектах – в корпорациях с высоким и невысоким уровнем человеческого капитала, а также среди респондентов региона, где действуют эти корпорации. Предложены практические рекомендации и некоторые новые направления разработки заявленной темы.

Ключевые слова: человеческий капитал; ценности; корпорации; сетевые методы

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»».

Информация для цитирования: Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.

Original article

Pavel P. Deryugin[1]
Lubov A. Lebedintseva[2]
Olga V. Yarmak[3]
Roman A. Travin[4]

Values and human capital of the employees of the corporation: experience in network troubleshooting

[1)] Saint Petersburg State University
1/3, Smolny St., Saint Petersburg, 191060, Russia
Saint Petersburg Electrotechnical State University (LETI)
5, Popov St., Saint Petersburg, Russia
ppd333@rambler.ru

[2)] Saint Petersburg State University
1/3, Smolny St., Saint Petersburg, 191060, Russia
Sevastopol State University
33, Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia
llebedintseva879@gmail.com

[3)] Sevastopol State University
33, Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia
olga_yarmak@inbox.ru

[4)] Belgorod State National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
romantravin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theoretical approaches and methodological principles of studying the relationship between the values of an individual and their human capital on the basis of network methods. It is shown that the adequate theoretical foundations of such a study are built on the integration of the principles of the sociology of understanding developed by M. Weber and his followers, as well as the principles of the dispositional theory of regulation of the social behavior of a person by V.A. Yadov. The article analyzes the basic provisions of sociological science regarding the values and human capital of the individual as interdependent elements of the integral structure of the individual. The authors put forward and test some hypothetical assumptions about such relationships. The empirical part of the study shows that Russian corporations concentrate personnel with different levels of human capital, and that different levels of human capital correspond to different levels of value solidarity and social unity of corporate employees. Generalizing conclusions about the interdependencies between human capital and the value unity of the personnel of corporations were made; it was shown that such unity is inherent in corporations with a high level of human capital. The central statements about the network methods of empirical research of the relationship between human capital and personal values were substantiated and such methodology was tested at three sites: in corporations with high and low levels of human capital, as well as among respondents of the region where these corporations operate. The authors propose a number of practical recommendations and some new directions for the development of the stated topic.

Keywords: human capital; values; corporations; network methods

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of Scientific Project No. 19-29-07443 / 19 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format of creating world-class scientific and educational centers in accordance with the Presidential Decree "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"”.

Information for citation: Deryugin, P. P., Lebedintseva, L. A., Yarmak, O. V. and Travin, R. A. (2020), “Values and human capital of the employees of the corporation: experience in network troubleshooting”, Research Result. Sociology and management, 6 (4), 10-25, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.

Введение (Introduction). Постиндустриальное общество – общество глобальной социальной динамики, непрерывных изменений, потрясений и кризисов, которые неизменно сказываются на формировании человеческого капитала сотрудников корпораций (Фридман, 2006). К экономической неустойчивости общества добавляются вирусные пандемии, которые, как показывает последнее время, все чаще становятся одним из значимых факторов трансформации социального развития, формирования новых трендов и новой направленности развития ценностей и человеческого капитала. Такие социальные потрясения неизменно затрагивают

ценности всего населения страны, включая сотрудников корпораций.

Ценности любого человека определяют направленность личности, отношение к миру и самому себе, в целом выступают «философией жизни» любого человека (Rokeach, 1972). Сотрудники корпораций – люди, живущие в одной социальной среде среди миллионов сограждан, и миры ценностей сотрудников корпораций в той или иной степени соприкасается с мирами ценностей других людей. При этом общество, социум неизменно привносит в ценностный мир сотрудников корпораций свое влияние и оказывает на них свое специфическое воздействие (Бузгалина, Колганова, 2006). Взаимодействие ценностей сотрудников корпораций и ценностей сограждан социума выражается не только в солидарном единстве, но и в известной степени в противопоставлениях и конфликтности (Шейн, 2002). Более того, ценности очерчивают социальное пространство идентичностей людей различных социальных групп. Как отмечает Н. Луман, «Ценности не суть формулы согласия, напротив, они побуждают к критическому наблюдению наблюдения» (Луман, 2009). В кризисных социальных обстоятельствах ценностные конфликты возникают повсеместно. Как на бытовом уровне, а также по данным ряда эмпирических социологических исследований в рамках корпораций, фиксируется рост противоречий и конфликтности между ценностями сотрудников корпораций и тех людей, кто в таких корпорациях не трудится. При определенных условиях разрыв ценностного единства общества и корпораций может становиться такой незаметной мягкой социальной силой, но которая на самом деле способна обладать сокрушительным негативным потенциалом для солидарности общества в перспективе. Еще более важно подчеркнуть, что разрыв ценностей между сотрудниками корпораций и согражданами на бытовом уровне чреват многочисленными фактами межличностного бытового недопонимания и противоречий – зависти, ссор, ненависти пр.

Проблемность исследуемого вопроса заключена еще и в том, что корпорации – это особый социальный институт рыночного общества и ему принадлежит возможно одна из центральных ролей в формировании рыночных ценностей и рыночной направленности развития человеческого капитала. Для этого в рамках внутренней среды корпораций создаются специальные условия, разрабатываются специальные технологии и процедуры, которые нацеливаются на формирование специфических корпоративных ценностей. Не случайно в американском и европейском менеджменте предпринимаются усилия по обоснованию т.н. стратегии управления по ценностям как актуального современного управленческого подхода важного для развития ценностей корпораций (Dolan, Garcia, 2002), (Dolan, Garcia, Auerbach, 2003), (Dolan, Garcia, Richley, 2006).

В настоящее время в корпорациях трудится значительная часть занятого населения России. Однако опыт корпоративной организации трудовой деятельности в России, где общинный труд был главной формой самоорганизации россиян вплоть до середины XIX в., – незначительный. В отличии от Западной Европы, где такой опыт на тысячи лет больше. Современные исследования показывают, что в российских корпорациях концентрируется персонал с высоким уровнем человеческого капитала (Аникин, 2017) и в этих корпорациях происходит активная адаптация постсоветского населения России к новым экономическим реалиям рынка – формирование ценностей с особыми характеристиками и особыми свойствами. Поэтому исследование связи

ценностей сотрудников корпораций с их человеческим капиталом, связи их ценностей с ценностями других категорий россиян, составляет определенный научный интерес для настоящего исследования.

Цель работы. В теоретическом отношении цель статьи заключена в выявлении взаимосвязи ценностей и человеческого капитала как элементов целостной структуры личности, находящихся единстве и взаимосвязи. В методическом отношении цель работы состоит в формировании и апробации методики сетевого анализа ценностей сотрудников корпораций с различным уровнем развития человеческого капитала. Эмпирическая часть предполагает выявление и изучение единства и противопоставления ценностей сотрудников корпораций, обусловленных особенностями их человеческого капитала.

Методология и методы (Methodology and methods). На российском рынке действует около 6-ти млн экономических корпоративных организаций. Представления об идеальном (требуемом) типе человеческого капитала корпораций формируется на основе анализа стратегий, целей и миссии таких организаций. Однако фактическая система человеческого капитала корпорации интегрируется из объединения характеристик реального человеческого капитала ее сотрудников (Бородин и др., 2013). Другими словами, от того, какими знаниями, навыками и умениями фактически обладают сотрудники корпорации, от этого зависит и на базе этого формируется реальный человеческий капитал корпорации. Человеческий капитал в современных исследованиях рассматривается как многогранное и многоуровневое образование, в котором интегрированы самые различные компоненты личности. При этом следует особо подчеркнуть, что прежде всего человеческий капитал формируется на основе специальных знаний, способных создавать капиталы и приносить прибыль (Устинова, 2015). Здесь прослеживается связь ценностей и человеческого капитала. Так, экономические знания, а также навыки и умения по мнению С. Долана относятся к экономическим ценностям и наряду с сырьем и материалами направлены на выживание и компании и повышение ее прибылей (Dolan, Garcia, 2002). Похожую позицию формулирует Н. Луман, подчеркивая, что ценности происходят из мира экономический жизни и сложившись как особые установки и ориентации, ценности влияют на экономику социума (Луман, 1991).

Обобщенный анализ научной литературы показывает наличие ряда отличающихся точек зрения, где соотношение человеческого капитала и ценностей личности решается по-разному (Критский, 1992). В частности, человеческий капитал рассматривается:

- как результат воздействия социальных институтов на личность, чаще всего, – семьи, школы, университетов и других, наконец, – государства;
- как результат инвестирований в образование, без чего возникновение и развитие человеческого капитала признается практически невозможным;
- как результата проявления заложенных природой врожденных свойств, врожденных способностей и талантов;
- как реальность, которая конкретна в своем проявлении в специфической области приложения усилий, например, мастерство производства какого-то продукта;
- как затратный элемент деятельности корпорации, например, когда уходят работники, которых готовили на фирме, что автоматически ведет к потере всех выгод от вложенных в них затрат;
- как преимущества наличествующего человеческого капитала, которые возвращаются в виде заработков или дополнительных бонусов.

Нетрудно заметить, что в показанных точках зрения на человеческий капитал собственно внутренний мир личности, – ее мотивы, интересы, ценности и пр., – в данном случае в расчет не берутся. Характеризуя такие научные позиции следует подчеркнуть, что они были актуальными в более ранние периоды исследований по теории человеческого капитала. В современной литературе, напротив, человеческий капитал все чаще начинают изучать в совокупности со всеми иными социальными и психологическими характеристиками личности (включая, например, в совокупность факторов формирования человеческого капитала, в том числе мир эмоций человека (Симонова, 2016): в действительности внутренний мир личности гармонизирует в неразрывной связи качества, обеспечивающие реализацию человеческого капитала со всеми иными элементами своей внутренней структуры, в том числе и с ее ценностями. Основания представленного подхода к пониманию ценностей закладывались в работах Дж. Дьюи и Р. Перри, считавших, что ценности следует изучать эмпирически, наблюдая их проявление в самых массовых фактах и актах поведения людей, во взаимосвязях со всеми иными компонентами личности (Schwartz, 1992). Такая гармонизация всех потенциалов сотрудников в современной европейской и американской социологии признается одним из базовых положений успешности развития корпорации (Zhang, Dolan, Yu, Zhou, 2009).

Логика исследователей в таковых доказательствах выстраивается в следующей последовательности. Знания, как центральный элемент человеческого капитала, представляют собой не простое «накопление» информации или «наполнение» познавательных процессов личности какими-то конкретными беспристрастными данными. Знания (даже если это самые примитивные формы получения знания, т.е. – классификации явлений окружающей действительности, выделения, соотнесения и пр.) неизбежно и необходимо связаны с оценочным моментом для познающей личности: важно – не важно, значимо – не значимо и пр., что само по себе уже выступает реализацией отношения личности к изучаемому, познаваемому явлению, и, таким образом, включением ценностного элемента. В свою очередь оценочные суждения неизбежно связаны с убеждениями и установками личности (Rokeach, 1972), что уже теперь само по себе затрагивает всю совокупность мира ценностей сотрудников корпораций. Это тем более характерно для человека нового общества – человека постиндустриального общества. В исследованиях особенностей мировоззрения человека постиндустриального общества осуществленных В. А. Носковым и Н. В. Зайцевой подчеркивается: «признавая смысловую спецификацию веры и разума, нельзя игнорировать очевидный факт их тождественности, обусловленный заряженностью того и другого на трансформацию знаний в ценности, или, если угодно, придание статуса бытия (реальности) ценностно «отягощенным» знаниям», ибо без этого по большому счету невозможно капитальное обустройство человека в мире. В данной связи убеждение (вера) – ключевое звено, связующее абстрактные (в форме знания) и конкретные (в форме поведения) проявления социальной активности человека» (Носков, Зайцева, 2013: 276-277). Таким образом, обращаясь к исследованиям ценностей сотрудников корпорации, мы неизбежно фиксируем особые связи человека с социумом через ценностные взаимовлияния социума и личности.

Становится очевидным, что корпоративные ценности в системе человеческого капитала могут рассматриваться как особая социальная реальность, связанная со всеми иными элементами структуры

человеческого капитала личности. С одной стороны, такая диагностическая процедура предполагает учет социальных факторов, которые влияют на ценности корпорации. С другой, – она необходимо строится на изучении и анализе индивидуально-личностных особенностей сотрудников корпорации – их личных ценностей.

На основании представленного методологического анализа формулируется основная гипотеза эмпирического исследования. Ее смысл заключается в том, что в корпорациях с высоким уровнем человеческого капитала ценности, связанные с представлениями о позитивных и негативных эталонах поведения в условиях рыночного общества, окажутся более значимыми, более системными и более взаимосвязанными, чем это будет проявляться в среде сотрудников корпорации с невысоким уровнем человеческого капитала. Другая часть гипотезы заключена в подтверждении таких отличий в сравнении ценностей персонала в корпорациях с высоким уровнем человеческого капитала с ценностями россиян, не работающих в корпорациях.

Материалы и методы исследования. Методика эмпирического исследования предполагала моделирование системы ценностей сотрудников корпорации с различным уровнем человеческого капитала которыми они руководствуются при оценивании важного и значимого в характеристиках других людей. Теоретическими основаниями методики эмпирического исследования стали несколько принципиальных положений, вытекающих из идей понимающей социологии. В настоящем исследовании в понимании ценностей мы опирались на ряд принципиальных позиций.

Во-первых, на положения теории социального действия М. Вебера, а также его последователей У. Томаса и Ф. Знанецкого в понимании ценностей как внутриличностного образования – мотива социального действия, основанного на вере в некоторые идеалы, как ориентира, как «самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» (Вебер, 1990). Очевидно, что ценности в данном случае следует понимать, как внутренние ориентации индивида, сформированные на базе личного опыта и приобретающие эмпирическое значение при выборе чего-то значимого и важного. При этом основанием возникающей ценности могут становиться «любые факты»: «любой факт, имеющий доступные членам некой социальной группы эмпирическое содержание и значение» (Томас, Знанецкий, 1994), т.е., – факты любой социальной значимости, как позитивные, так и негативные. Важна не столько социальная обусловленность и направленность этих фактов (положительное, одобряемое или напротив, негативное, неподдерживаемое поведение и действия), сколько то, что сформировавшиеся ценности в ситуации определения альтернатив предстоящего действия становятся ведущими ориентирами, критерием, основой выбора. Таким образом, ценности личности формируются в ситуациях всей жизни человека, в социальном пространстве как материальной, так и духовной жизни, при этом главное, что, сложившись – они определяют выборы стратегий поведения в «континууме важности» (Rokeach, 1972).

Далее, во-вторых, исследование опирается на разработки принципиальных позиций о сущности ценностей личности в социологии, что нашло свое последующее развитие в «социализации» ценностей личности, – исследование взаимовлияний ценностей личности и ценностей общества, осуществленных группой российских ученых под руководством В. А. Ядова. Исследование взаимосвязи ценностей личности и ценностей общества в рассмотрении настоящего вопроса играет весьма важную

роль, а по оценкам Н. И. Лапина разработанную теорию ценностей следует рассматривать «основным вкладом Ядова в социологическую теорию» (Лапин, 2009). Главный смысл исследовательской позиции авторов в настоящем случае заключается в представлениях о том, что ядро всяческой социальности, всякой социальной организации, в том числе и корпоративной организации, всякого сообщества вообще, выражается в непрерывном «противоречии между ценностными ориентациями и реальным поведением индивидов» (Лапин, 2009), на базе чего складывается неформальная социальная группа и без чего невозможна ни одна формальная (официальная) организация, в том числе и корпоративная.

Разрешение ценностных противоречий по векторам личность – общество\общество – личность влияет на появление солидарности, единства и сплоченности людей в различных группах или, напротив, на усиление их конфронтации. Так формируется не только некоторое сообщество – социальные группы или неформальные организации, – но также это взаимодействие выступает центральной осью формирования и преобразования ценностей и сознания самой личности: «Под ценностными ориентациями мы понимаем установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества… Это тот компонент структуры личности, который представляет собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» (Здравомыслов, Ядов, 1965). В конечном итоге ценности некоторого сообщества интегрируют совокупность ценностей, включенных в них индивидов. Авторская позиция исследователей совпадает с представленной здесь позицией.

Под ценностями личности нами понимаются установки личности, возникающие процессе жизнедеятельности и выступающие основаниями-критериями эмпирического выбора значимых, важных, ценных материальных и духовных результатов, средств и целей, и определяющих стратегию и тактику поведения, общения и принятия решений. Ценности личности проявляются в системе отношений и социальных взаимодействий личности с окружающей средой и самим собой.

Человеческий капитал – это особая форма отношений человека с окружающей действительностью, отношений, направленных на использование всех своих потенциалов – совокупности свойств, способностей и характеристик личности, основанных на знаниях, навыках и умениях в интересах производства и воспроизводства чего-либо, а в конечном итоге предполагающих получение различных форм приращений – прибылей. Человеческий капитал не равен (не тождественен) человеческому потенциалу – приобретенным знаниям, навыкам и умениям, но которые не реализуются в действии.

Ценности и человеческий капитал взаимосвязаны. По отношению к человеческому капиталу личности ценности личности выполняют роль «пускового механизма» – мотиватора и регулятора, стимулируя и направляя человеческие потенциалы и ресурсы на освоение и преобразование среды в интересах достижения целей – превращают человеческий потенциал в человеческий капитал. Ценности являются побудителями и ориентирами, преобразуя человеческие потенциалы в человеческий капитал.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Индикаторы ценностей***.** По-нашему мнению универсальным индикатором ценностей личности может рассматриваться процедура оценивания качеств других людей и самого себя: человек – цель и мера всех и всего. Оценивая качества людей как важных и

значимых характеристик или, напротив, – неважных, респонденты будут раскрывать представления о своих ценностях, о своих представлениях о важном и значимом, в настоящем случае – определяясь что для них важно и значимо, т.е. проявлять свои установки-ценности. Методически это осуществлялось таким образом. Респондентам предполагалось охарактеризовать положительный эталон, т.е. реального человека, на которого респондент хотел бы быть похожим. Такие ценности признавались положительными. Вторая часть процедуры предполагала оценивание качеств другого человека, но уже отрицательного эталона, т.е. такого человека, на которого респондент не хотел быть похожим. Третьим шагом процедуры было оценивание самого себя по этим же параметрам.

Всего к оцениванию предлагалось 24 качества личности, которые были поделены на четыре группы: деловые, коллективистские, коммуникативные и качества хорошего человека. В данном случае мы понимали хорошего человека в спенсеровской трактовке, как человека, который своей свободой не нарушает свободу других людей (Воронцов, 2019). Качества положительного, отрицательного эталонов и самого себя респонденты оценивали в 5-ти балльной шкале. Далее процедура анализа предполагала проведение корреляционного анализа – соотнесения данных каждого респондента с каждым, т.е. выявление степени корреляционной связи ценностей одного респондента с другим. На основе полученных сравнений моделировались сети взаимосвязей (М. Гранноветер, Г. В. Градосельская). Более подробно о методике социологического исследования идет речь в публикациях авторов (Дерюгин, 2018).

Непосредственным объектом исследования (выборки) стали сотрудники госкорпорации (263 человека), сотрудники частной корпорации (266 человек) и жители северо-западного региона (243 человека), где действуют эти корпорации. Главным отличием респондентов этих групп респондентов было образование, которое согласно теоретическим принципам концепции человеческого капитала, составляют его основу, ядро человеческого капитала. Так, в госкорпорации среди респондентов было 92% людей с высшим образованием, в частной корпорации таковых насчитывалось меньше – 68%. Среди жителей региона людей с высшим образованием было 52% респондентов. Следует также подчеркнуть, что подбор персонала в госкорпорации отличался ориентацией на отбор специалистов высокого уровня, в госкорпорации был сформирован высокий уровень корпоративной культуры, работа с персоналом осуществлялась на принципах современного менеджмента, инновационно. Напротив, в частной корпорации работе с персоналом внимание уделялось эпизодически.

Сбор первичной информации осуществлялся путем интернет-опросов. Для обработки материалов было создано специальное программное обеспечение, моделирующее сетевые связи между ценностями (оцениваемыми качествами).

Результаты исследования и их обсуждение. Модели сетей ценностей и их статистический анализ показаны на рисунках 1 и 2 и на графиках 1 и 2. Всего было построено 9 сетей ценностей (три группы респондентов – госкорпорация, частная корпорация и жители региона по трем темам опроса – положительный, отрицательный эталоны и самооценка). На рисунках приведены в качестве примера только 2 сети. Приняты следующие обозначения. Сплошные линии и их толщина моделируют положительные связи между узлами – качествами. Пунктирные линии – это отрицательные или конфликтные связи. Кружочками показаны узлы сетей – качества, которые характеризуют их ценность для респондентов. В центре кружка цифрами обозначен вес ценности.

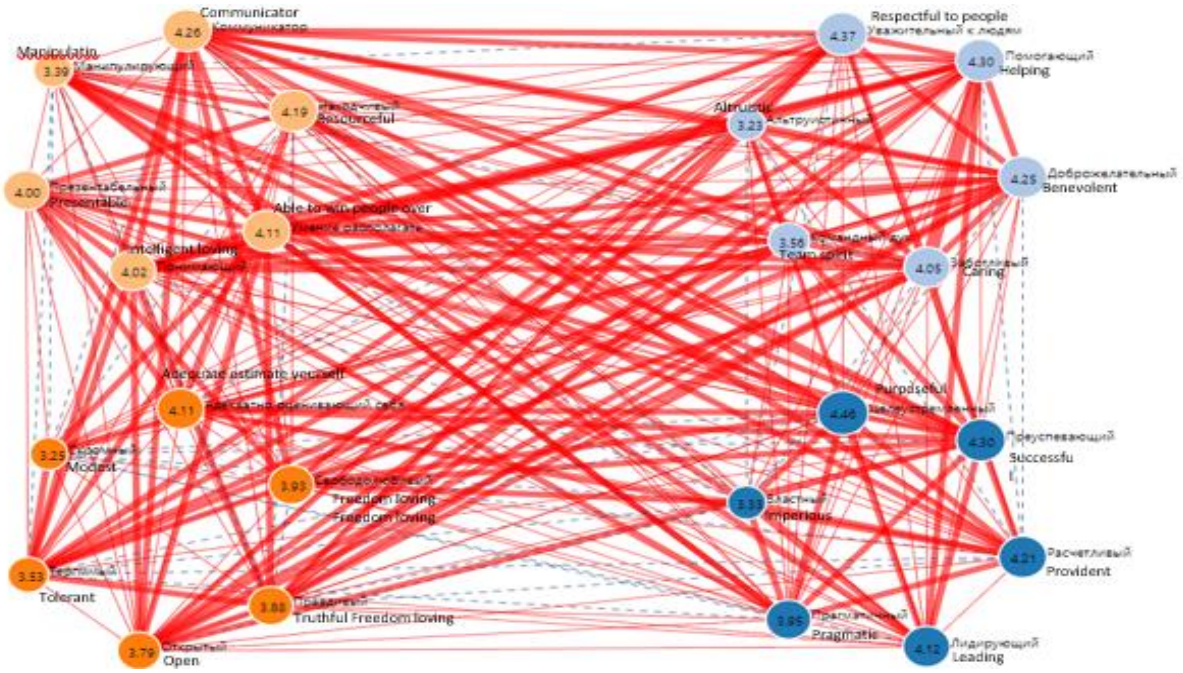


Рис. 1. Сети ценностей госкорпорации, организации с высоким уровнем человеческого капитала (позитивный эталон)

Fig. 1. The network values of a state corporation, an organization with high levels of human capital (a positive standard)

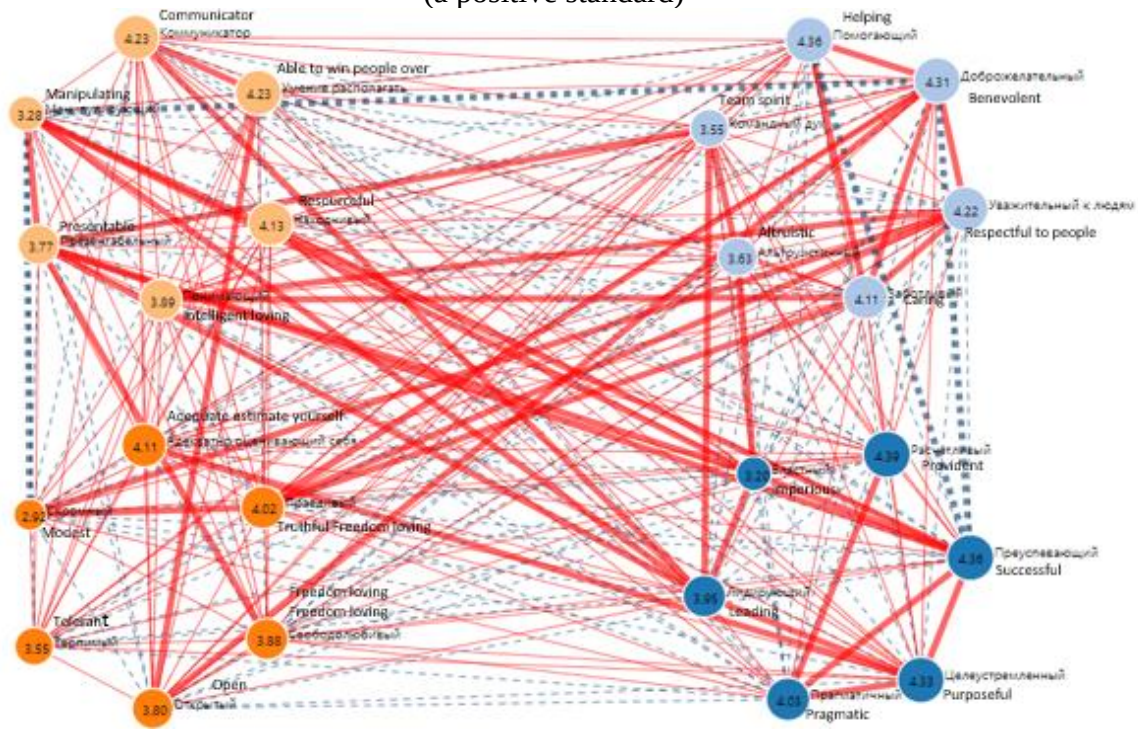


Рис. 2. Сети ценностей частной корпорации, организации с невысоким уровнем человеческого капитала (позитивный эталон)

Figure 2. Value networks of a private corporation, an organization with a low level of human capital (a positive benchmark)

Сравнение рисунков 1 и 2 наглядно показывает, что ценностная сеть в госкорпорации (см. рис. 1), где сконцентрирован персонал с более высоким образовательным уровнем, более высоким уровнем человеческого капитала, оказалась более плотная и более весомая. Здесь значительно меньше конфликтных ценностей, т.е. ценностей, исключающих взаимное сосуществование и отрицательные взаимосвязи. Например, можно подчеркнуть, что в госкорпорации преуспевание личности, достижение успеха воспринимается положительно, как качество, которое вполне согласуется со всеми иными качествами. Напротив, в частной корпорации качество преуспевания не коррелирует и находится в противопоставлении с несколькими другими важными качествами, но особенно с качествами помощь другим людям и уважительное отношение к другим. И таких противоречий выявлено немало

Для получения обобщенных результатов для анализа сетей рассчитывался ценностный потенциал узлов сетей. Настоящий коэффициент рассчитывался как произведение веса узла сети умноженного на силу положительных связей этого узла с другими узлами сети ценностей. Величины ценностного потенциала приведены на графиках 1 и 2.

На представленных графиках показаны особенности ценностей персонала корпораций с различным уровнем человеческого капитала, а также жителей региона, в представлениях о положительных и отрицательных эталонах подражания.

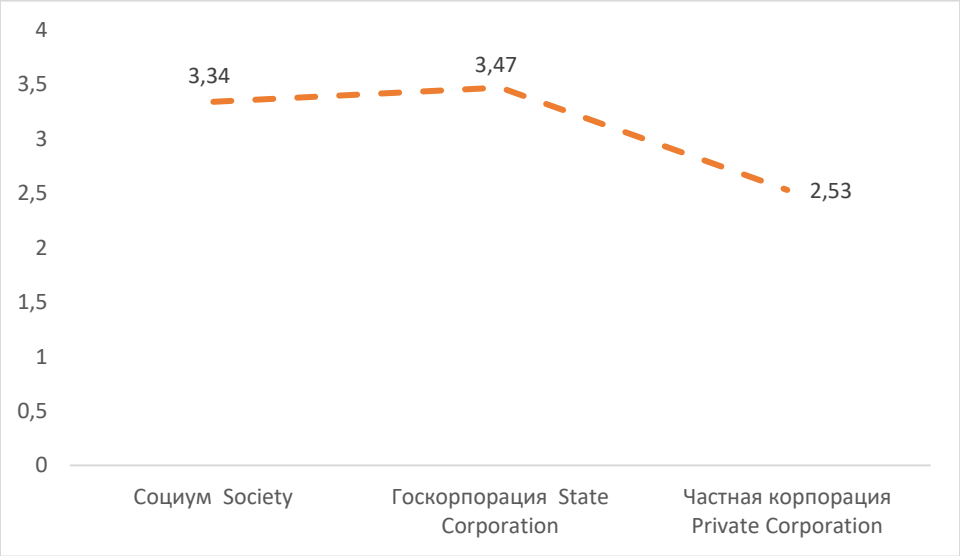


График 1. Ценностный потенциал положительного эталона
Graph 1. Value potential of a positive benchmark

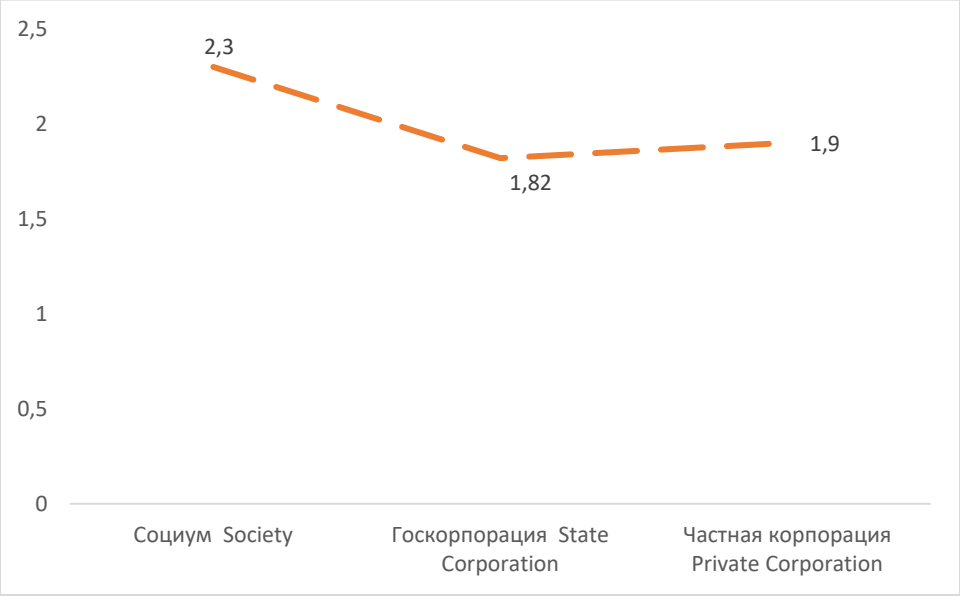


График 2. Ценностный потенциал негативного эталона
Figure 2. Value potential of the negative reference

Заключение (Conclusions). В корпорациях с высоким уровнем человеческого капитала зафиксировано самое высокое ценностное единство персонала в представлениях о положительных эталонах, т.е. в представлениях о перспективах и ценностных ориентирах. Персонал в таких корпорациях четче видит положительные ориентации и ценности, на которые следует равняться в рыночной среде. В частности, это касается роста значимости прагматических ценностей, что характерно и для других стран, в современной ситуации, например, для Китая (Дерюгин, 2018), где были проведены подобные исследования. В корпорациях с невысоким уровнем человеческого капитала представления о положительных эталонах подражания оказались даже ниже, чем в целом среди жителей северо-западного региона.

Более того, в корпорациях с невысоким уровнем человеческого капитала ценности сотрудников отражают большую осведомленность, скорее, о характеристиках негативных эталонов, о том, что запрещено, чего нельзя делать и т.д., чем это характерно для сотрудников корпораций с высоким уровнем человеческого капитала. В значительной степени этот факт раскрывает плохое представление сотрудников таких корпораций о ценностях современного общества.

Таким образом, в рамках корпораций между ценностями и человеческим капиталом персонала складываются непрямые зависимости: в корпорации с высоким уровнем человеческого капитала формируется социальная среда, развивающая и поддерживающая единые ценности. Такие корпорации ориентируют своих сотрудников на единые (корпоративные) эталоны поведения, и в этом смысле их можно расценивать школами корпоративных отношений, они более всего могут быть охарактеризованы как «особые», как идеальные корпорации: «можно определить идеальную корпорацию как обособленное единство лояльной группы участников-носителей корпоративных ценностей с единой миссией, целями, установками, принципами, которые нацелены на общий результат», – подчеркивают Л. Я. Дятченко и М. М. Озерова (Дятченко, Озерова, 2014).

В корпорациях с невысоким уровнем человеческого капитала укрепляются скорее негативные эталоны и ценности отношения к рынку, и регуляция деятельности в таких корпорациях осуществляется скорее на запретительных методах руководства.

В прикладном отношении настоящее исследование актуально по нескольким направлениям.

Во-первых, обращение к ценностям позволяет осуществлять сравнительный анализ и диагностику корпораций, находящихся на различных направлениях деятельности и на различных стадиях организационного развития, что является немаловажным с точки зрения управления (Dolan, Garcia, 2002);

Во-вторых, проведение диагностики ценностей на основе сетевого подхода позволяет практически реализовывать стратегию развития корпорации (Padaki, 2000) в условиях социальных трансформаций с учетом трендов развития ценностей социума, гармонизировать ценности корпорации и ценности окружающей среды;

В-третьих, во внутренней среде корпорации осуществление мероприятий по сетевой диагностике ценностей сотрудников позволяет выявлять наиболее противоречивые и проблемные локации в ценностях членов корпораций, находящихся на различных уровнях иерархии корпорации и занимающих различные социальные статусы. В свою очередь наличие такой информации позволяет разрабатывать социальные технологии, базирующиеся на актуальной информации, отражающей конкретные особенности сотрудников конкретных корпораций, что будет способствовать росту социальной солидарности корпораций как социальных организаций (Song, Gale, 2008);

В-четвертых, пожалуй, самым важным моментом практической актуальности исследования, следует признать появляющуюся возможность развития стратегии управления по ценностям на основе сетевых методов, стратегии, признаваемой в европейских исследованиях как одного из наиболее актуальных подходов в управлении корпорациями (Zhang, Dolan, Yu Zhou, 2009).

Проведенное исследование позволяет раскрыть *новые перспективы* разработок этой актуальной темы:

- *в отношении технологий построения процедур сетевой диагностики*. Важно осуществить включение сетевых процедур и методов диагностирования в процессы принятия управленческих решений, выявить и охарактеризовать сетевую диагностику ценностей как важный элемент принятия решений на основе цифровизации процедур диагностики, обращение к изучению и анализу социальных явлений (ценностей). По-существу проведение такого теоретического анализа составляет фундаментальную основу перехода к реальному управлению с учетом ценностных сетей сотрудников корпораций;

- *в отношении пересмотра роли, важности и значения ценностей персонала корпораций как базового элемента реально складывающейся корпоративной культуры.* Итоги проведенного исследования показывают, что корпоративную культуру нередко отождествляют с теми ценностями, которые сформулированы в уставных и других документах корпорации. Наряду с этим – в подлинности – корпоративное ценностное единство проявляется как интеграция истинных ценностей сотрудников корпорации, оно формируется на этих ценностях и могут самым существенным образом отличаться от нормативно закрепленного идеального типа корпоративной культуры. Начиная с работ Т. Парсонса, С. Паппера, В. Вильямса, К. Клакхана и в последующем развитых Э. Альбертом, М. Рокичем, Н. Ресчером ценностям в рамках социальных организаций и институтов уделялось самое пристальное внимание. При этом анализ результатов

взаимодействия ценности-социальной нормы и ценности-личностной установки остается слабо освещенной темой на прикладном уровне. Поэтому исследование взаимосвязей дихотомии «должно» и «есть», предложенной И. Ф. Девятко (Девятко, 2020), в самом непосредственном отношении касается и исследований ценностей сотрудников корпоративных структур.

В целом проведенное исследование на теоретическом и эмпирическом уровнях показывает, что между ценностями личности и человеческим капиталом выявлены связи и зависимости, которые раскрывают характер этого взаимовлияния: в корпорация с высоким уровнем человеческого капитала единство и солидарность ценностей оказалась выше, чем это было в корпорациях с невысоким уровнем человеческого капитала и среди респондентов региона не работающих в корпорациях. Полученный результат подтверждает актуальную роль высокоразвитых корпораций и их организационной культуры в формировании ценностей современного общества. С другой стороны, ценностный разрыв между респондентами в показанных структурах может становиться существенным и приобретать критические значения, поэтому обращение и анализ социального пространства внешней среды корпораций составляет актуальную проблему современного этапа становления российских корпораций.

Список литературы

Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. № 4.

Бородин А. И., Сорочайкин А. Н., Шаш Н. Н. Человеческий капитал компании: проблемы идентификации // Основы ЭУП. 2013. № 4 (10).

Бузгалин А., Колганов А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3. С. 125-141.

Вебер М. Мотивы социального действия. В сб.: Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Воронцов А. В. История социологии: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019.

Девятко И. Ф. Понятие ценности в социологической теории: влияние и (недооцененные) возможности его интерпретации с позиций гештальт-психологии // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 10. С. 3-12.

Дерюгин П. П., Рассказов С. В., Лебединцева Л. А., Сивоконь М. В. Два методических подхода к диагностике ценностей в современных корпорациях // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции. СПб., 2018. С. 158-161.

Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Веселова Л. С. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиций // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 124-134.

Дятченко Л. Я., Озерова М. М. Социальная природа корпорации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180).

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. М.: Мысль, 1965. Т. 2.

Критский М. М. Человеческий капитал в системе экономических отношений: дис. ... д-ра эконом. наук. СПб., 1992.

Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. № 3.

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Пер. с нем. и публ. А. Ф. Филипова // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. М., 2009.

Носков В. А., Зайцева Н. В. Мировоззрение человека информационного общества: экзистенциальный аспект // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. №23 (166). С. 276-277.

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 4.

Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки (1918) // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд. МГУ, 1994.

Устинова К. А., Губанова Е. С., Леонидова Г. В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Монография. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015.

Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006.

Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. Построение, эволюция, совершенствование. СПб.: Питер, 2002.

Dolan S. L., Garcia S. Managing by values: Cultural redesign for strategic organizational change at the dawn of the twenty-first century // Journal of Management Development. 2002. № 21 (2). P. 101-117.

Dolan S. L., Garcia S., Auerbach A. 2003. Understanding and managing chaos in organizations // International Journal of Management. 2003. № 20 (1). P. 23-35.

Dolan S. L., Garcia S., Richley B. Managing by Values. London, 2006.

Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. A theory of organization and change. San Francisco, 1972.

Padaki V. Coming to grips with organizational values // Development in Practice. 2000. № 10 (3/4). P. 420-435.

Schwartz S. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. № 25. P. 1-65.

Song S-R., Gale A. Investigating project managers' work values by repertory grids interviews // Journal of Management Development. 2008. № 027 (6). P. 541-553.

Zhang Y., Dolan S., Yu Zhou. Management by values: A theoretical proposal for strategic human resource management in China // Chinese Management Studies. 2009. № 3 (4). P. 272-294.

References

Anikin, V. A. (2017), "Human capital: the formation of the concept and basic interpretations", *Economic sociology*, (4). *(In Russian).*

Borodin, A. I., Sorochaykin, A. N. and Shash, N. N. (2013), "Human capital of the company: identification problems", *Fundamentals of EUP*, (4). *(In Russian).*

Buzgalina, A. and Kolganova, A. (2006), "Man, market and capital in the economy of the twentieth century", *Economic issue*, (3). *(In Russian).*

Weber, M. (1990), "Motives of social action", in *The collection: Selected works*, Progress, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Vorontsov, A. V. (2019), *History of Sociology: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree*, Yurayt Publishing House, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Devyatko, I. F. (2020), "The concept of value in sociological theory: the influence and (underestimated) possibilities of its interpretation from the standpoint of Gestalt psychology", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 46 (10), 3-12.

Deryugin, P. P., Rasskazov, S. V., Lebedintseva, L. A. and Sivokon, M. V. (2018), "Two methodological approaches to the diagnosis of values in modern corporations", *The fourth industrial revolution: realities and modern challenges. X anniversary St. Petersburg sociological readings collection of materials of the International scientific conference*, Saint Petersburg, 158-161. *(In Russian).*

Deryugin, P. P., Lebedintseva, L. A. and Veselova, L. S. (2018), "The vectors of formation of Chinese sociology: pragmatic orientation, preservation of traditions", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (7), 124-134. *(In Russian).*

Dyatchenko, L. Ya. and Ozerova, M. M. (2014), "Social nature of the Corporation", *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, (9). *(In Russian).*

Zdravomyslov, A. G. and Yadov, V. A. (1965), "Attitude to work and value orientations of the individual", in *Sociology in the USSR*, Mysl, Moscow, Russia, Vol. 2. *(In Russian).*

Kritsky, M. M. (1992), "Human capital in the system of economic relations", D. Sc. Thesis, St. Petersburg, Russia. *(In Russian).*

Lapin, N. I. (2009), "The problem of values in the research of V. A. Yadov and his colleagues", *Economic sociology*, (3). *(In Russian).*

Luman, N. (1991), "Tautology and paradox in self-descriptions of modern society", Transl. by

Filipova, A. F., in *Sociologos*, Vol. 1, Progress, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Luman, N. (2009), *Tautology and paradox in self-descriptions of modern society*, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Noskov, V. A. and Zaitseva, N. V. (2013), "Human worldview of the information society: an existential aspect", *Scientific sheets of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right*, (23), 276-277. *(In Russian).*

Simonova, O. A. (2016), "Basic principles of the sociology of emotions", *Vestnik SPBGU. Sociology*, (4). *(In Russian).*

Thomas, W. and Znanetsky, F. (1994), "Methodological notes (1918)", in Dobrenkov, V. I. (ed.) *American sociological thought: texts*, MSU Publishing house, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Ustinova, K. A., Gubanova, E. S. and Leonidova, G. V. (2015), *Human capital in an innovative economy: monograph*, Institute of Socio-economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia. *(In Russian).*

Friedman, M. (2006), *Capitalism and freedom*, Transl. from English, New Publishing House, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Shane, E. H. (2002), *Organizational culture and leadership. Construction, evolution, improvement*, Piter, St. Petersburg, Russia. *(In Russian).*

Dolan, S. L. and Garcia, S. (2002), "Managing by values: Cultural redesign for strategic organizational change at the dawn of the twenty-first century", *Journal of Management Development*, (21), 101-117.

Dolan, S. L., Garcia, S. and Auerbach, A. (2003), "Understanding and managing chaos in organizations", *International Journal of Management*, (20), 23-35.

Dolan, S. L., Garcia, S. and Richley, B. (2006), *Managing by Values*, London, UK.

Rokeach, M. (1972), *Beliefs, attitudes and values. A theory of organization and change*, San Francisco, USA.

Padaki, V. (2000), "Coming to grips with organizational values", *Development in Practice*, (10), 420-435.

Schwartz, S. (1992), "Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries", *Advances in Experimental Social Psychology*, (25), 1-65.

Song, S-R. and Gale, A. (2008), "Investigating project managers' work values by repertory grids interviews", *Journal of Management Development*, (027), 541-553.

Zhang, Y., Dolan, S. and Yu, Zhou (2009), "Management by values: A theoretical proposal for strategic human resource management in China", *Chinese Management Studies*, (3), 272-294.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2020 г. Поступила после доработки 27 ноября 2020 г. Принята к печати 01 декабря 2020 г.

Received 30 September 2020. Revised 27 Ноября 2020. Accepted 01 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского электротехнического государственного университета.

Pavel P. Deryugin, Doctor of Social Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg Electrotechnical State University.

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Севастопольский государственный университет.

Lubov A. Lebedintseva, Doctor of Social Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Sevastopol State University.

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент Севастопольского государственного университета.

Olga V. Yarmak, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University.

Травин Роман Андреевич, преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Roman A. Travin, teacher, Belgorod State National Research University.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.022.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-2

Васильева Е. И.[1]
Зерчанинова Т. Е.[2]

Практики социально-гуманитарного сотрудничества российских регионов с молодыми соотечественниками за рубежом

[1)] Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ул. 8 Марта, д. 66, г. Екатеринбург, 620144, Россия
vasilyeva-ekb@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ул. 8 Марта, д. 66, г. Екатеринбург, 620144, Россия
zerchaninova-te@ranepa.ru

Аннотация. Молодые российские соотечественники, проживающие за рубежом, рассматриваются как интеллектуальный и социокультурный ресурс развития гуманитарных связей с зарубежными странами и внешней политики России. В настоящее время практика взаимодействия с молодыми соотечественниками осуществляется не только на федеральном уровне, но и на уровне регионов. Однако это направление государственной политики в отношении соотечественников в регионах развито в меньшей степени, по сравнению с программами переселения соотечественников на территорию субъектов РФ. В статье рассматривается опыт социально-гуманитарного сотрудничества регионов с молодыми соотечественниками. Цель статьи состоит в изучении лучших практик социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в регионах России, а также в поиске возможностей расширения практики этого взаимодействия. Методология исследования основана на системно-деятельностном подходе к анализу лучших практик социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками. В работе использованы следующие методы исследования: анализ официальных документов, статистических данных, контента веб-сайтов организаций, осуществляющих социально-гуманитарное сотрудничество с молодыми соотечественниками, анализ контента специализированного журнала для соотечественников «Русский век» за 2019 год, экспертный опрос. В результате исследования определены лучшие практики социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в таких регионах как Москва, Санкт-Петербург, Татарстан и ЯНАО. Анализ контента журнала «Русский век» показал, что журнал уделяет слабое внимание информации для такой целевой аудитории как молодые соотечественники. На основе экспертного опроса выявлены возможности социально-гуманитарного сотрудничества регионов с молодыми соотечественниками. В

заключении сформулированы проблемы социально-гуманитарного сотрудничества регионов с молодыми соотечественниками и рекомендации по их решению. Выводы и предложения могут служить основой для совершенствования социально-гуманитарного сотрудничества регионов с молодыми соотечественниками.

Ключевые слова: соотечественники за рубежом; молодежь; молодые соотечественники; государственная поддержка; социально-гуманитарное сотрудничество; лучшие практики

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

Информация для цитирования: Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Практики социально-гуманитарного сотрудничества российских регионов с молодыми соотечественниками за рубежом // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 26-41. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-2.

Original article

Elena I. Vasileva[1]
Tatiana E. Zerchaninova[2]

Practices of social and humanitarian cooperation between Russian regions and young compatriots abroad

[1)] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia
vasilyeva-ekb@yandex.ru

[2)] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia
tatiana_z@ui.ranepa.ru

Abstract. Young Russian compatriots living abroad are viewed as an intellectual and sociocultural resource. Currently, the practice of interacting with young compatriots is carried out both at the federal and regional levels. However, this direction of state policy in relation to compatriots is less developed in comparison with the programs for the resettlement of compatriots. The article examines the experience of social and humanitarian cooperation of Russian regions with young compatriots. The purpose of the article is to study the best practices of social and humanitarian cooperation with young compatriots in the regions of Russia, as well as to search for opportunities to expand the practice of this interaction. The research methodology is based on a system-activity approach to the analysis of the best practices of social and humanitarian cooperation with young compatriots. The following research methods were used in the work: analysis of official documents, statistical data, content of websites of organizations engaged in social and humanitarian cooperation with young compatriots, analysis of the 2019 content of the specialized Russian Age magazine for compatriots, an expert survey. As a result of the study, the best practices of social and humanitarian cooperation with young compatriots in such regions as Moscow, St. Petersburg, Tatarstan and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug were revealed. Analysis of the content of the Russian Age magazine showed that the magazine pays little attention to information for such a target audience as young

compatriots. On the basis of an expert survey, the possibilities of social and humanitarian cooperation of Russian regions with young compatriots were revealed. In the conclusion, the problems of social and humanitarian cooperation with young compatriots and recommendations for their solution were formulated. Conclusions and suggestions can serve as a basis for improving social and humanitarian cooperation between regions and young compatriots.

Keywords: compatriots; youth; young compatriots; governmental support; social and humanitarian cooperation; best practices

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number № 20-011-00760.

Information for citation: Vasileva, E. I. and Zerchaninova, T. E. (2020), "Practices of social and humanitarian cooperation between Russian regions and young compatriots abroad", Research Result. Sociology and management, 6 (4), 26-41, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-2.

Введение (Introduction). В последние годы усилился негативный медиаобраз России в зарубежных СМИ[1]. В этих условиях особенно актуальным представляется развитие социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми российскими соотечественниками за рубежом как инструмента «мягкой силы».

Под социально-гуманитарным сотрудничеством в статье понимается взаимодействие органов власти и общественных организаций с молодыми российскими соотечественниками в области образования, культуры, русского языка, молодежных проектов и обменов, въездного туризма.

Еще в 2012 г. Президент России В.В. Путин подчеркнул важность работы с соотечественниками: «Россия нуждается в притоке новых сил… Нуждается в умных, образованных, трудолюбивых людях, которые … считают Россию своей родиной»[2]. Энергия и достижения соотечественников укрепляют влияние и репутацию России в мире. Чтобы сохранить и поддерживать данную тенденцию, важно наладить сотрудничество с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом. Взаимодействие с ними позволяет обогатить Россию и ее регионы, расширить присутствие России в мире, сформировать чувство принадлежности у многих молодых людей в других странах. Лучше всего для этих целей подходит социально-гуманитарное сотрудничество.

Взаимодействие с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, включает следующие направления:

• поддержка соотечественников в целях улучшения их жизни в странах их постоянного проживания;

• помощь российским соотечественникам и их потомкам в развитии и сохранении своей идентичности, а также их близости и связей с Россией;

• работа в партнерстве с российскими соотечественниками для обеспечения мира и процветания в России.

Каждое из указанных направлений в России реализуется как на уровне Российской Федерации, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Многоуровневый подход к работе с российской диаспорой в наибольшей степени отвечает ее многона-

[1] Россия в материалах иностранных СМИ. URL: https://xn--c1acbl2abdlkab1og.xn--p1ai/i/files/Rossiya_Segodnya_research.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

[2] Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 28.08.2020).

циональному характеру, позволяет выстраивать отношения субъектов РФ с соотечественниками напрямую. При этом рост внимания органов государственной власти к работе с российскими соотечественниками на современном этапе обусловлен значительным количеством лиц, эмигрирующих из России – около 400 тыс. человек ежегодно уезжают за пределы Российской Федерации, формируя так называемую «новую диаспору».

Кроме того, существенное изменение претерпели и каналы коммуникации, что особенно остро проявилось в условиях пандемии COVID-19. Современные средства мобильной связи и широкодоступные социальные сети позволяют выстраивать коммуникации более эффективно, быстро, развивать двусторонние каналы взаимодействия. Поэтому необходимо создавать новые и обновлять существующие каналы коммуникации с молодыми российскими соотечественниками.

Цель статьи состоит в изучении лучших практик социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в регионах России, а также в поиске возможностей расширения такого взаимодействия. Особый интерес представляют направления, содержание и формы работы органов государственной власти субъектов Российской Федерации с молодыми соотечественниками, а также каналы коммуникации с ними.

Методология и методы (Methodology and methods). Зарубежные исследователи уделяют достаточно большое внимание проблемам диаспор, их влиянию на процессы, происходящие в обществе, а также вопросам политики в отношении диаспор: (Clifford, 1994), (Levy, Weingrod, 2004), (Brubaker, 2005), (Cohen, 2008), (Brinkerhoff, 2008), (Brinkerhoff, 2009), (Knott, McLoughlin, 2010), (Kunz, 2012), (Gamlen, 2014), (Ragazzi, 2014), (Sinatti, Horst, 2015), (Tölölyan, 2017) и др.

Общие вопросы сотрудничества, взаимодействия и коммуникации с соотечественниками рассматривают в своих работах (Петухов, 2007), (Полетаев, 2010), (Грачев, Герцун, 2012), (Турко, Родионова, 2015), (Андреева, Дергунова, 2016), (Шарков, Аверин, 2018) и др.

Отдельной темой является сохранение и продвижение русского языка и культуры (Сибилёв, 2011), (Рамазанова, 2015), (Артемьева, Черноперов, 2017) и др. Авторы анализируют отдельные аспекты сохранения, развития и распространения русского языка среди соотечественников, проживающих за рубежом, изучаются проблемы обучения русскому языку российских соотечественников, методике его преподавания.

Региональный опыт взаимодействия с соотечественниками представлен в работах исследователей по следующим регионам: Калининградская область (Емельянова, 2009), Кемеровская область (Халиулина, Данько, 2014), Татарстана (Гиматдинов, Насыров, 2015), Тамбовская область (Струсов, Юхачёв, 2016), регионы Сибирского федерального округа (Безгачева, 2016), Санкт-Петербург (Прохоренко, Ильинская, 2016), Самарская область (Товченко, 2016) и др. В большинстве случаев на региональном уровне освещаются проблемы переселения соотечественников.

Публикаций, посвященных поддержке именно молодых соотечественников, чрезвычайно мало: до начала нашей работы над данной темой на сайте elibrary.ru нам удалось найти только две публикации (Асадов, 2014), (Юданов, 2017).

Таким образом, следует отметить достаточно высокую междисциплинарную проработанность проблемы государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Однако, несмотря на значительное число исследований в разных областях научного знания по проблемам соотечественников, приходится констатировать

небольшое количество российских научных работ, непосредственно посвященных изучению поддержки молодых соотечественников, особенно в региональном аспекте.

В работе рассматриваются лучшие практики социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в субъектах Российской Федерации: Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, ЯНАО. Для их анализа используется системно-деятельностный подход к социально-гуманитарному сотрудничеству.

Лучшие практики в области сотрудничества с соотечественниками, проживающими за рубежом, составляют не единичные мероприятия, а долгосрочные проекты в рамках реализации государственных программ субъектов Российской Федерации. Единственный субъект РФ, в котором работа ведется на основе специального закона, – город Москва[3].

Критериями отнесения региональных практик социально-гуманитарного сотрудничества к числу «лучших» являются: наличие законодательной региональной базы, масштаб проекта, число вовлеченных в проект молодежи, отклики в социальных сетях, упоминания в СМИ.

В работе использованы следующие методы исследования:

1. Анализ официальных документов (отчетных, информационных и аналитических) органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, реализующих мероприятия в сфере социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками.

2. Анализ статистических данных, характеризующих состояние социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в регионах России.

3. Анализ контента веб-сайтов органов власти и организаций, осуществляющих социально-гуманитарное сотрудничество с молодыми соотечественниками.

4. Анализ групп в социальных сетях ВКонтакте и Facebook.

5. Анализ контента специализированного журнала для соотечественников «Русский век» за 2019 год.

6. Экспертный опрос.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Зарождение международной деятельности субъектов Российской Федерации, как отдельного направления государственной политики, обусловлено трансформацией экономических процессов, интенсивным развитием внешнеэкономических связей в 1990-х гг. С 2000-х годов международное сотрудничество субъектов Российской Федерации приобрело культурно-гуманитарный характер. Как показывает контент-анализ сайтов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их аналитических материалов в области взаимодействия с соотечественниками, более трети мероприятий, реализуемых субъектами в области внешних связей, реализуются именно в области культурного и гуманитарного сотрудничества, в сферах науки, молодежной политики.

Для реализации мероприятий в области социального, культурного и гуманитарного сотрудничества с соотечественниками субъекты РФ создают специальные учреждения и унитарные предприятия. Например, в Москве функционируют Московский дом соотечественника (ГКУ), Московский центр международного сотрудничества (ГУП), Дома Москвы в Риге, Минске, Ереване, Сухуми, Вильнюсе, Бишкеке и Софии. Также создан «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» (ГБУ).

[3] О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы: Закон города Москвы от 23 сентября 2009 г. № 37 (в ред. от 20 февраля 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В Татарстане с 2010 года плодотворно работает Координационный совет по делам соотечественников при Президенте Республики Татарстан – межведомственный орган, который обеспечивает координацию реализации государственной политики в отношении соотечественников.

Рассмотрим более подробно направления социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в регионах России.

1. Проведение комплексных презентаций туристического и культурно-гуманитарного потенциала региона. Регионы России реализуют программы презентационных мероприятий за рубежом на базе российских центров науки и культуры в рамках соглашений о взаимодействии между Россотрудничеством и субъектом Российской Федерации. В их рамках представители субъектов РФ презентуют свои программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, объясняют порядок и условия переселения, в том числе показывают конкретные муниципалитеты как территории для вселения. Ряд субъектов проводит именные дни в зарубежных странах. Так, Правительство Москвы проводит «Дни Москвы» в ряде стран Балтии, Юго-Восточной Азии, Европы.

Так же органы государственной власти субъектов РФ при взаимодействии с МИД России, Россотрудничеством проводят свои мероприятия, направленные на ознакомление широкой общественности со спецификой регионов, на общих федеральных площадках за рубежом. Так, в рамках празднования 1000-летия присутствия русских на Святой горе Афон на российском стенде были представлены книги, рассказывающие о возрождении духовных традиций на Ямале[4].

Ведущие петербургские театры при содействии Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга проводят новогодние представления для детей дошкольного возраста и учеников средних учебных заведений из числа российских соотечественников[5]. Такие мероприятия проводятся в Нарве, Даугавпилсе, Вильнюсе.

2. Реализация молодежных проектов и обменов. Приоритетом в работе большей части регионов России с соотечественниками, проживающими за рубежом, определена поддержка молодежных инициатив и реализация проектов международного молодежного сотрудничества.

Признание, высокую оценку и поддержку МИД России ежегодно получает Международный форум-фестиваль молодежи «Мы за мир во всём мире!» (г. Китен (Республика Болгария)[6]. Форум, проводящийся ежегодно с 2009 г. в последнюю неделю августа, служит идеям развития интеллектуального и творческого потенциала молодого поколения соотечественников, проживающих за рубежом, продвижения идеи мира и содружества, укрепления роли русского языка и русской культуры. Международный форум-фестиваль молодёжи «Мы за мир во всём мире!» проводится в рамках реализации государственных программ Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодёжной политики, организация отдыха и оздоровления детей и молодёжи Ямало-Ненецкого автономного округа на 2014-2021 годы» и «Развитие международной, внешнеэкономической и межрегиональной деятельности на 2014-2021 годы».

[4] Донская С. Афон: 1000 лет русского монашества URL: https://russkiymir.ru/publications/203514/ (дата обращения: 28.08.2020).

[5] Новогодние представления для детей из стран Балтии. URL: http://spbrumir.ru/?p=3291 (дата обращения: 28.08.2020).

[6] Международный форум-фестиваль молодёжи «Мы за мир во всём мире!». URL: http://forumyamal.ru/ (дата обращения: 28.08.2020).

В Татарстане «организован Международный молодежный образовательный форум «Сәләт», который объединил 15 тыс. представителей талантливой молодежи из российских регионов, ближнего и дальнего зарубежья (Австралия, США, Канада, Германия, Испания, Чехия Финляндия, Турция, ОАЭ)»[7]. В целях более детального и углубленного изучения истории своей родины для младшего поколения соотечественников регулярно проводятся выставки, форумы, фестивали, кинопоказы и встречи с известными деятелями культуры.

Также оказывается поддержка социально незащищенным слоям российской диаспоры – студентам-соотечественникам, обучающимся в вузах с преподаванием предметов на русском языке в государствах Балтийского региона, Азербайджане, Армении, Молдавии и Приднестровье в рамках реализации специальных программ (например, «Стипендия Мэра Москвы»[8], Именные стипендии Правительства Санкт-Петербурга[9]). Необходимо отметить, что стипендии пользуются большой популярностью у студентов стран СНГ и Балтии. Так, программа «Стипендия мэра Москвы» позволила получить высшее образование почти 5000 наших соотечественников. Сегодня эту стипендию единовременно получают около 200 русскоязычных студентов[10].

3. Поддержка и популяризация русского языка и культуры народов России. Субъекты Российской Федерации осуществляют поддержку образовательных школ с преподаванием на русском языке, воскресных школ и курсов русского языка. Им оказывается помощь в обеспечении учебно-методической литературой и иными материалами по русскому языку, культуре и истории России. Для русистов-соотечественников, работающих в учебных заведениях ближнего и дальнего зарубежья, проводятся выездные семинары по повышению квалификации. Организуются круглые столы и конференции по вопросам преподавания русского языка, которые были организованы при содействии Правительства Москвы в семи странах: Мексике, Перу, Франции, Бельгии, Люксембурге, Ирландии, Узбекистане. Были выделены средства на закупку оргтехники, учебного оборудования для русских школ и библиотек в 12 странах. Учебно-методическая и другая литература предоставлена школам и детским садам в 15 странах[11].

Широкую популярность приобрел Международный Пушкинский конкурс для педагогов-русистов, живущих и работающих за рубежом, который проводится с 2000 года при участии Правительства Москвы, редакции «Российской газеты», Министерства иностранных дел, Россотрудничества, фонда «Русский мир». За все годы конкурса в нем приняли участие более 5000 русистов из многих стран мира, а 900 из них стали лауреатами. Всего в нем принимали участие представители 23 стран мира[12].

---

[7] Международный молодежный образовательный Форум Сәләт. URL: http://selet.biz/projects/vse-proekty/s-l-t-forumy/ (дата обращения: 28.08.2020).

[8] В странах Балтии отметили 20-летие программы «Стипендия Мэра Москвы». URL: https://www.ural.kp.ru/daily/26621.5/3638925/ (дата обращения: 28.08.2020).

[9] Подведены итоги конкурсов на право получения именных стипендий Правительства Санкт-Петербурга студентам образовательных организаций высшего образования и среднего профессионального образования. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_science/news/176277/ (дата обращения: 28.08.2020).

[10] VI Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом: Итоговый сборник материалов. URL: http://vksrs.com/upload/iblock/f02/f02be32a7dc7b2d8f01e9ad95a9edb04.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

[11] VI Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом: Итоговый сборник материалов. URL: http://vksrs.com/upload/iblock/f02/f02be32a7dc7b2d8f01e9ad95a9edb04.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

[12] Там же.

В рамках Международного форума-фестиваля молодежи «Мы за мир во всем мире!» при поддержке Россотрудничества была организована образовательная площадка «Русский язык в диалоге культур» с привлечением международных и российских экспертов в области русского языка[13]. Впервые за 8 лет существования Форума участники из числа соотечественников, проживающих в странах ближнего и дальнего зарубежья, смогли пройти курс основ изучения и преподавания русского языка в поликультурной среде. В число слушателей образовательной площадки были включены рекомендованные представительствами Россотрудничества студенты-филологи и преподаватели русского языка за рубежом из Армении, Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Казахстана, Китая, Таджикистана и Узбекистана. В формате стратегической дискуссии участникам Форума было предложено задуматься о судьбе русского языка в эпоху глобализации, рассмотрев его различные варианты в развивающейся системе русскоязычного мира.

Республики осуществляют взаимодействие с представителями соответствующих народов России, проживающих за рубежом. Так, при поддержке республики Татарстан проводится Всемирный форум татарской молодежи (с 2004 г.) [14]. Были организованы молодежные татарские организации в Казахстане, Великобритании, Германии, государствах Балтии. В августе 2018 г. успешно проведен Восьмой Всемирный форум с участием более 1 тысячи представителей 30 государств. Также интересен опыт проведения национального праздника Сабантуй в 27 государствах мира[15].

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга проводит ежегодный комплекс культурно-просветительских мероприятий «Театральный Петербург» для детей российских соотечественников, проживающих в настоящее время за рубежом и занимающихся в театральных студиях или кружках, в возрасте от 12 до 17 лет. «В VI культурно-образовательной программе по истории и культуре России и Санкт-Петербурга «Театральный Петербург» приняли участие российские соотечественники, проживающие в Армении, Германии, Греции, Иордании, Ирландии, Испании, Италии, Казахстане, Кипре, Латвии, Литве, Нидерландах, Словении, Украине, Финляндии, Франции и Эстонии»[16].

4. Участие молодых соотечественников в региональных проектах гражданско-патриотической направленности. Большое значение при взаимодействии с соотечественниками уделяется сохранению исторической памяти. Регулярно проводится Всемирный молодёжный форум российских соотечественников.

Правительство ЯНАО реализует проекты, направленные на сохранение и продвижение исторической правды о победе России в Великой Отечественной войне. В рамках проекта «Наша история – наша Победа!» члены патриотических клубов из 10 стран мира вместе с жителями Ямала восстанавливают памятники погибшим в Кры-

[13] Международный форум-фестиваль молодёжи «Мы за мир во всём мире!». URL: http://forumyamal.ru/ (дата обращения: 28.08.2020).

[14] Всемирный форум татарской молодежи. URL: http://tatar-congress.org/ru/yanalyklar/viii-vsemirnyy-forum-tatarskoy-molodezhi/ (дата обращения: 28.08.2020).

[15] VI Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом: Итоговый сборник материалов. URL: http://vksrs.com/upload/iblock/f02/f02be32a7dc7b2d8f01e9ad95a9edb04.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

[16] В VI культурно-образовательной программе по истории и культуре России и Санкт-Петербурга «Театральный Петербург» приняли участие 83 российских соотечественника из 17 стран. URL: http://kvs.spb.ru/news/52354/?category=145 (дата обращения: 28.08.2020).

му, Ленинградской области и Республике Молдова. «В 2018-м участие в проекте приняли молодёжь из Белоруссии, Казахстана, Киргизии и студенты-ямальцы. Площадкой стали города-герои Москва и Санкт-Петербург»[17].

С 2015 г. на Ямале проводится ежегодный конкурс патриотической песни «Дорогами поколений» в целях «пропаганды патриотических и нравственных ценностей в молодёжной среде, воспитания художественного вкуса и приобщения молодых исполнителей к лучшим образцам отечественной культуры и искусства»[18].

Кроме того, соотечественников привлекают к проекту по очистке Арктики[19].

5. Содействие взаимодействию некоммерческих организаций в рамках совместных инициатив. В целях реализации некоммерческими организациями проектов международного культурно-гуманитарного сотрудничества органы государственной власти субъектов РФ сотрудничают с некоммерческими организациями, а также активно поддерживает добровольческие общественные инициативы.

Так, в ЯНАО был реализован гуманитарный проект «Дорога добра», в ходе которого немецкой стороной был приобретён, переоборудован и передан в собственность организации «Таганай» микроавтобус для нужд людей с ограниченными возможностями. Для доставки микроавтобуса был организован автопробег «Дорога добра» по маршруту «Дюссельдорф-Ноябрьск»[20].

6. Реализация проектов в рамках устойчивых долгосрочных партнерских связей. Важным направлением работы с соотечественниками является поиск и привлечение экономического и научного потенциала наших соотечественников для модернизации экономики России.

Субъекты Российской Федерации представляют свои инициативы в рамках проекта «Русский Дом», который является площадкой для продвижения среди представителей международных деловых и официальных кругов, собирающихся в швейцарском Давосе в дни проведения Всемирного экономического форума[21].

7. Информирование соотечественников через СМИ. Находясь за тысячи километров от Родины, соотечественники нуждаются в информационном обмене с земляками. Формы поддержки не ограничены русско- и мульти- язычной периодикой. Субсидируются издательские проекты, осуществляется поддержка интернет-проектов в информационной среде, поддерживаются русскоязычные СМИ и медиа порталы (например, телеканал «Большая Азия» с ви-

---

[17] «Наша история – наша Победа!»: ямальцы и молодые соотечественники, проживающие за рубежом, участвуют в совместном патриотическом проекте. URL: https://www.yanao.ru/presscenter/news/9745/ (дата обращения: 28.08.2020).

[18] Положение о проведении XX открытого конкурса молодых исполнителей патриотической песни «Дорогами поколений», посвященного празднованию 75-годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. URL: http://yamalrcpv.ru/wp-content/uploads/2019/12/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95-%D0%94%D0%9E%D0%A0%D0%9E%D0%93%D0%90%D0%9C%D0%98-%D0%9F%D0%9E%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%99-2020-1.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

[19] Соотечественники из Белоруссии готовы участвовать в программе Северный широтный ход и в очистке Арктики. URL: https://www.ruvek.ru/publications/sootechestvenniki_iz_belorussii_gotovy_uchastvovat_v_programme_severnyy_shirotnyy_khod_i_v_ochistke_arktiki_11369/ (дата обращения: 28.08.2020).

[20] Проект «Дорога добра» поможет инвалидам Ноябрьска. URL: https://www.vesti.ru/article/1510583 (дата обращения: 28.08.2020).

[21] VI Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом: Итоговый сборник материалов. URL: http://vksrs.com/upload/iblock/f02/f02be32a7dc7b2d8f01e9ad95a9edb04.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

део материалами, публикациями онлайн, обзорами и прямой речью). По заказу МИД России издается специализированный журнал «Русский мир» для соотечественников, проживающих за рубежом.

Нами был проведен анализ контента журнала «Русский мир» за 2019 год на предмет объема внимания, которое данное издание уделяет публикациям, содержащим информацию о социально-гуманитарном сотрудничестве регионов РФ с молодыми соотечественниками. Анализ показал, что всего в 2019 году в 12-ти номерах данного издания было опубликовано 231 статья. Из них всего 10 статей за год было адресовано такой целевой аудитории как молодежь (чаще всего студенты). Это составляет 4,3% от общего количества публикаций. Большинство публикаций в этом журнале посвящено проблемам переселения и трудоустройства соотечественников и чрезвычайно мало публикаций относится к теме социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками. Из 10 публикаций для молодежи 8 – это информация о прошедших мероприятиях для молодых соотечественников, а 2 – это анонсы будущих мероприятий. Так, например, на Балтийском форуме соотечественников, который прошел в Ленинградской области уже в девятый раз, «Николай Межевич, президент Российской ассоциации прибалтийских исследований, доктор экономических наук, профессор СПбГУ, в своём выступлении отметил, что на текущий момент Россия не может радикально изменить политику Таллина, Риги, Вильнюса в отношении соотечественников. В этой ситуации помощь возможна посредством практики малых дел: поддержки государственных праздников, возможности визитов прежде всего молодёжных и детских организаций»[22].

Таким образом, в результате анализа лучших региональных практик социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками были выявлены основные направления деятельности в данной сфере. «Действительно, ряд субъектов Российской Федерации активно работает на этом направлении и накопил значительный опыт. В то же время другие регионы встречаются с некоторыми трудностями»[23].

В 2018 году в рамках исследования на тему «Международный опыт работы с молодежью» был проведен экспертный опрос[24]. В число экспертов вошли 11 представителей Свердловской области от органов государственной власти Свердловской области и органов местного самоуправления, общественных организаций, высших учебных заведений, осуществляющих социально-гуманитарное сотрудничество с молодыми соотечественниками. Часть вопросов была посвящена возможностям участия региона, вузов и общественных организаций в социально-гуманитарном сотрудничестве с молодыми соотечественниками.

Эксперты считают, что молодые соотечественники нуждаются в разных формах социально-гуманитарного сотрудничества:

Эксперт 3: «Нужна информационная и консультационная поддержка, привлечение к образовательно-культурным мероприятиям, встречам с соотечественниками».

[22] Взгляд на Балтийский форум // Русский век. 2019. № 11. С. 5. URL: https://ruvek.ru/upload/iblock/346/RV_11_2019.pdf (дата обращения: 28.07.2010).

[23] Вклад регионов в налаживание связей с зарубежным Русским миром (интервью директора Департамента по работе с соотечественниками МИД РФ Александра Чепурина). URL: http://ricolor.org/rus/rus_mir/sootechestvenniki/2/ (дата обращения: 14.06.2020).

[24] Отчет о научно-исследовательской работе «Международный опыт работы с молодежью». 2018. Регистрационный номер НИОКТР АААА-А18-118051590102-9. Научный руководитель: Зерчанинова Т.Е., исполнители: А.В. Ручкин, А.С. Никитина, Н.П. Мудрецова, И.С. Тарбеева, Е.А. Гаранина.

Эксперт 4: «Требуется создание специализированных информационных программ, направленных на вовлечение молодежи и ознакомление их с процессами, происходящими в России».

Эксперт 5: «Чтобы у молодых соотечественников была возможность поддерживать свою культуру, чтобы они не теряли российские корни».

Эксперт 10: «Когда мы ездили в Финляндию, там есть русский клуб города Хельсинки, мы с ними сотрудничали. Главный запрос был на книги, они просили литературу, они просили какие-то пластинки. Им надо было это, чтобы организовывать свои вечера и встречи».

Эксперт 11: «Создание культурной среды, сохранение, продвижение культуры. Сейчас разрабатывается интернет-проект, когда мы могли бы это делать удаленно, в электронном виде, не всегда есть возможность поездок. Мы продолжаем общение, обучение, вебинары. Это очень актуально, малозатратно и востребовано».

На вопрос «По каким приоритетным направлениям нужно осуществлять поддержку молодых соотечественников за рубежом?» наши эксперты назвали самые разные направления социально-гуманитарного сотрудничества:

Эксперт 1: «Первое, это понятно, это развитие международного и межрегионального сотрудничества. Во-вторых, это поддержка и взаимоотношения с общественными организациями. И третье, что очень актуально, это поддержка волонтерской деятельности».

Эксперт 6: «Первое – это образовательная деятельность. Для вузов это, пожалуй, главное направление. Вместе с ней – наука. А третье направление – социальная работа, социально-культурные мероприятия, спорт».

Эксперт 8: «Это организация отдыха детей... Плюс это культура: организация разных выставок, концертов творческих коллективов, ещё что-нибудь, чтобы русский язык он наполнял, чтобы он звучал».

Эксперт 10: «Культурный обмен; работа волонтеров; журналистика и киносъемка; спортивный яхтинг; туризм, краеведение; обучающие программы методике жизни в разновозрастном объединении».

Наши эксперты предложили также конкретные формы работы и мероприятия для молодых соотечественников:

Эксперт 1: «Думаю, что было бы неплохо проводить у нас на территории международные лагеря, куда приглашать молодых соотечественников. Лагеря могут проводиться по разным темам».

Эксперт 2: «Вовлечение молодых соотечественников в экологические, благотворительные проекты; сдвиг «идейного фокуса» с политически-патриотического на гуманистический».

Эксперт 3: «Выделять молодым соотечественникам гранты на стажировки в Российских вузах».

Эксперт 5: «Программы по молодежному предпринимательству».

Эксперт 10: «Изучение культурного наследия; обучение волонтеров; спорт, здоровье, семья, друзья; творческие фестивали: уличное искусство, флеш-мобы, чтение стихов, поэтические батлы и другое; профессиональная деятельность; дипломатическое и бытовое общение; диалог в форме диспутов, форумов, встреч, дискуссий; популяризация национальных особенностей одежды, танцев, ремесел, кухни и общности интересов, ценностей разных народов России; современные вызовы – обсуждение и поиск путей решения общих глобальных проблем».

Заключение (Conclusions). На основе результатов проведенного исследования можно выделить некоторые проблемы в сфере социально-гуманитарного сотрудни-

чества регионов с молодыми соотечественниками.

Одна из наиболее значимых проблем – это отсутствие полноценного информационного взаимодействия между соотечественниками и органами власти. Несмотря на то, что сообщения о событиях размещены на сайте Россотрудничества, учреждений, органов власти, на отдельных сайтах самих мероприятий, соотечественник, проживающий за рубежом, вряд ли их увидит и присоединиться, поскольку единого ресурса, агрегирующего мероприятия и сортирующего их по странам, целевым аудиториям нет. Таким образом, целесообразно было бы создать единый портал-агрегатор проводимых мероприятий для молодых соотечественников с календарем событий для более информативного освещения различных направлений социально-гуманитарного сотрудничества с молодыми соотечественниками в регионах России.

Сложно найти информацию о планируемых мероприятиях на сайтах субъектов Российской Федерации. В основном на сайтах субъектов РФ представлена информация-справка о проведенных мероприятиях, либо устаревшая информация.

Интересной могла бы стать инициатива запуска тематических групп в соцсетях для размещения новостей в этой сфере и информирования молодых соотечественников. Молодежь живо откликается на подобные проекты, активно участвует в них, распространяет позитивный опыт в странах пребывания.

Необходимо собирать и анализировать обратную связь о проводимых мероприятиях, представлять подробные фото, видео отчеты и обзоры результатов проведенных мероприятий. Для инициирования взаимодействия необходимо размещение форм обратной связи для направления пожеланий и предложений о социально-гуманитарном сотрудничестве.

Еще одной важной проблемой является недостаточное вовлечение во взаимодействие с соотечественниками общественного сектора и граждан. Фактически реализация государственной политики сводится к инициативам органов государственной власти, их подведомственных учреждений. Несмотря на то, что Комплексный план[25] направлен на активизацию самих соотечественников, анализ его мероприятий показывает доминирование бюрократического подхода к реализации данной государственной политики. Необходимо расширить участие общественных молодежных организаций и движений в социально-гуманитарном сотрудничестве с молодыми соотечественниками, необходимо методическое сопровождение и организационная поддержка их деятельности.

Фактически социально-гуманитарное сотрудничество является приоритетом только для двух субъектов РФ – Москвы и Санкт-Петербурга. Каждый регион самостоятельно решает, какие направления социально-гуманитарного сотрудничества с соотечественниками реализовывать. Ограниченность финансовых ресурсов вынуждает регионы выбирать тему и инструменты сотрудничества. Особо выделяются две основные темы – это патриотическое воспитание и культура.

Сегодня отсутствуют механизмы для обмена опытом между субъектами РФ, поэтому предлагается обобщать практические наработки и полученный опыт в виде специального ежегодного сборника «Лучшие

[25] Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2018-2020 годы: Решение Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом 16 апреля 2018 г. URL: http://grc.rs.gov.ru/uploads/document/file/8941/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%202018-2020.docx (дата обращения: 28.08.2020).

практики и инициативы работы с молодыми соотечественниками за рубежом» и молодым соотечественникам, органам власти и учреждениям, реализующим социально-гуманитарное сотрудничество с ними на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В этой связи целесообразно дополнить ст. 8 проекта закона «О молодежной политике в Российской Федерации»[26] положениями, устанавливающими полномочия федеральных органов власти по осуществлению координации и методического руководства органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области взаимодействия с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом.

В условиях пандемии COVID-19 социально-гуманитарное сотрудничество и поддержка молодых соотечественников приобретают новые формы. Отменяются или переносятся мероприятия, связанные с въездным туризмом соотечественников, многие мероприятия переводятся в on-line формат. Вероятно, в пост-ковидную эпоху новые формы дистанционного взаимодействия с молодыми соотечественниками сохранятся и получат более широкое распространение в практике социально-гуманитарного сотрудничества регионов России. Эти изменения могут стать предметом дальнейших исследований.

Список литературы

Андреева Е. В., Дергунова Н. В. Потребность в общении с соотечественниками как способ сохранения культурной идентичности // Власть. 2016. Т. 24. № 9. С. 172-177.

Артемьева П. А., Черноперов В. Л. Россотрудничество в продвижении русского языка и российской культуры на постсоветском пространстве в 2014-2016 гг.: результаты, проблемы, перспективы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 4 (17). С. 5-15.

Асадов Б. Р. Международная молодежная дипломатия как инструмент формирования имиджа России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 1 (25). С. 79-88.

Безгачева В. В. Государственная политика Российской Федерации по поддержке зарубежных соотечественников: содержание и механизмы реализации (на примере Сибирского федерального округа в 2000-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 28-33.

Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р. Взаимодействие с соотечественниками на уровне российских регионов: опыт Татарстана // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3 (42). С. 94-102.

Грачев С. И., Герцун А. А. Роль соотечественников, проживающих за рубежом, в формировании имиджа России // Kant. 2012. № 3 (6). С. 111-113.

Емельянова Л. Л. Адаптация соотечественников-переселенцев из-за рубежа (на примере Калининградской области) // Россия и современный мир. 2009. № 3 (64). С. 73-82.

Петухов Д. В. Социальное и экономическое сотрудничество России с соотечественниками за рубежом // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1 (53). С. 197-202.

Полетаев Д. В. Сотрудничество с российской диаспорой и соотечественниками за рубежом // Международная экономика. 2010. № 8. С. 39-47.

Прохоренко А. В., Ильинская Д. Р. Совершенствование государственной политики по взаимодействию с соотечественниками за рубежом: опыт Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2016. № 4 (88). С. 80-89.

Рамазанова Л. А. Сохранение русского языка в семьях соотечественников, проживающих за рубежом // Русский язык за рубежом. 2015. № 6 (253). С. 99-104.

Сибилёв В. И. Соотечественники и положение русского языка за рубежом // Международная жизнь. 2011. № 12. С. 132-139.

[26] О молодежной политике в Российской Федерации. Законопроект № 993419-7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7 (дата обращения: 28.08.2020).

Струсов И. А., Юхачёв С. П. Факторы, негативно влияющие на реализацию государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Тамбовской области // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 4. С. 68-71.

Товченко Р. Б. Реализация в Самарской области программ содействия переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом // Вестник международного института рынка. 2016. № 2. С. 94-103.

Турко Т. И., Родионова Г. Г. Сотрудничество с учеными-соотечественниками, работающими за рубежом // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2015. № 2 (15). С. 234-242.

Халиулина В. В., Данько Х. А. Общественное мнение о переселении в Кемеровскую область соотечественников, проживающих за рубежом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 (119). С. 87-95.

Шарков Ф. И., Аверин А. Н. Коммуникация с соотечественниками, проживающими за рубежом: интеграционный подход // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 1. С. 129-142.

Юданов Н. А. Деятельность Россотрудничества по взаимодействию с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом // Гагаринские чтения – 2017: XLIII Международная молодёжная научная конференция: Сборник тезисов докладов. М.: Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 2017. С. 1090-1091.

Brinkerhoff J. Creating an Enabling Environment for Diasporas' Participation in Homeland Development // International Migration. 2009. 50. P. 75-95.

Brinkerhoff J. M. Diasporas and Development. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2008.

Brubaker R. The 'Diaspora' Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. 28 (1). P. 1-19.

Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. 1994. 9 (3). P. 302-338.

Cohen R. Global Diasporas. An Introduction. Abingdon, Routledge, 2008.

Diasporas. Concepts, Intersections, Identities / Ed. by K. Knott and S. McLoughlin. London-New York: Zed Books, 2010.

Gamlen A. Diaspora Institutions and Diaspora Governance // International Migration Review. 2014. 48. P. 180-217.

Kunz R. The Discovery of the Diaspora // International Political Sociology. 2012. 6 (1). P. 103-107.

Levy A., Weingrod A. Homelands and Diasporas. Holy Lands and Other Place. Stanford: Stanford University Press, 2004.

Ragazzi F. A Comparative Analysis of Diaspora Policies // Political Geography. 2014. 41. P. 74-89.

Sinatti G., Horst C. Migrants as Agents of Development: Diaspora Engagement Discourse and Practice in Europe // Ethnicities. 2015. 15 (1). P. 134-152.

Tölölyan K. The Contemporary Discourse of Diaspora Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2007. 27 (3). P. 647-655.

References

Andreeva, E. V. and Dergunova, N. V. (2016), "The need to communicate with compatriots as a way to preserve cultural identity", *Vlast*, 24 (9), 172-177. *(In Russian).*

Artemeva, P. A. and Chernoperov, V. L. (2017), "Rossotrudnichestvo in promoting the Russian language and Russian culture in the post-Soviet space in 2014-2016: results, problems, prospects", *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (4), 5-15. *(In Russian).*

Asadov, B. R. (2014), "International youth diplomacy as a tool for shaping the image of Russia", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (1), 79-88. *(In Russian).*

Bezgacheva, V. V. (2016), "The state policy of the Russian Federation to support compatriots living abroad: the content and mechanisms of implementation (a case study of the Siberian Federal District in the 2000s)", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (411), 28-33. *(In Russian).*

Gimatdinov, R. R. and Nasyrov, I. R. (2015), "Interacting with compatriots in Russian regions: the experience of Tatarstan", *Vestnik MGIMO Universiteta*, (3), 94-102. *(In Russian).*

Grachev, S. I. and Gertsun, A. A. (2012), "The role of compatriots living abroad in the formation of the image of Russia", *Kant*, (3), 111-113. *(In Russian).*

Emelyanova, L. L. (2009), "Adaptation of compatriots-migrants from abroad (on the example of the Kaliningrad region)", *Rossiya i sovremennyy mir*, (3), 73-82. *(In Russian).*

Petukhov, D. V. (2007), "Social and economic collaboration of Russia with compatriots abroad", *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*, (1), 197-202. *(In Russian).*

Poletaev, D. V. (2010), "Cooperation with the Russian diaspora and compatriots abroad", *Mezhdunarodnaya ekonomika*, (8), 39-47. *(In Russian).*

Prokhorenko, A. V. and Ilinskaya, D. R. (2016), "Improving state policy on interaction with compatriots abroad: the experience of St. Petersburg", *Upravlencheskoe konsutirovanie*, (4), 80-89. *(In Russian).*

Ramazanova, L. A. (2015), "Preservation of the Russian language in the families of compatriots living abroad", *Russkiy yazyk za rubezhom*, (6), 99-104. *(In Russian).*

Sibilev, V. I. (2011), "Compatriots and the position of the Russian language abroad", *Mezhdunarodnaya zhizn*, (12), 132-139. *(In Russian).*

Strusov, I. A. and Yukhachev, S. P. (2016), "Factors negatively affecting the implementation of the state program to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad in the Tambov region", *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 11 (4), 68-71. *(In Russian).*

Tovchenko, R. B. (2016), "Implementation in the Samara region of programs to facilitate the resettlement of compatriots living abroad to Russia", *Vestnik mezhdunarodnogo instituta rynka*, (2), 94-103. *(In Russian).*

Turko, T. I., and Rodionova, G. G. (2015), "Cooperation with scientists-compatriot working abroad", *Innovatika i ekspertiza: nauchnye trudy*, (2), 234-242. *(In Russian).*

Khaliulina, V. V. and Danko, Kh. A. (2014), "Public opinion on the resettlement of compatriots living abroad to the Kemerovo region", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (1), 87-95. *(In Russian).*

Sharkov, F. I. and Averin, A. N. (2018), "Communication with compatriots living abroad: an integration approach", *Kommunikologiya*, 6 (1), 129-142. *(In Russian).*

Yudanov, N. A. (2017), "Rossotrudnichestvo activities on interaction with young compatriots living abroad", *Gagarin Readings – 2017: XLIII International Youth Scientific Conference: Collection of abstracts*, Moscow, Russia, 1090-1091. *(In Russian).*

Brinkerhoff, J. (2009), "Creating an Enabling Environment for Diasporas' Participation in Homeland Development", *International Migration*, 50, 75-95.

Brinkerhoff, J. M. (2008), *Diasporas and Development*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, Colorado.

Brubaker, R. (2005), "The 'Diaspora' Diaspora", *Ethnic and Racial Studies*, 28 (1), 1-19.

Clifford, J. (1994), "Diasporas", *Cultural Anthropology*, 9(3), 302-338.

Cohen, R. (2008), *Global Diasporas. An Introduction*, Abingdon, Routledge.

Diasporas. Concepts, Intersections, Identities (2010), in Knott, K. and McLoughlin S. (eds.), Zed Books, London-New York.

Gamlen, A. (2014), "Diaspora Institutions and Diaspora Governance", *International Migration Review*, 48, 180-217.

Kunz, R. (2012), "The Discovery of the Diaspora", *International Political Sociology*, 6 (1), 103-107.

Levy, A. and Weingrod, A. (2004), *Homelands and Diasporas. Holy Lands and Other Place*, Stanford University Press, Stanford.

Ragazzi, F. (2014), "A Comparative Analysis of Diaspora Policies", *Political Geography*, 41, 74-89.

Sinatti, G. and Horst, C. (2015), "Migrants as Agents of Development: Diaspora Engagement Discourse and Practice in Europe", *Ethnicities*, 15 (1), 134-152.

Tölölyan, K. (2007), "The Contemporary Discourse of Diaspora Studies", *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 27 (3), 647-655.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2020 г. Поступила после доработки 24 ноября 2020 г. Принята к печати 28 ноября 2020 г.

Received 31 August 2020. Revised 24 November 2020. Accepted 28 November 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Васильева Елена Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Elena I. Vasileva, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Regional and Municipal Government, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Tatiana E. Zerchaninova, PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Regional and Municipal Government, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 001.18,316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3

Леньков Р. В.

Проблема целеполагания социокультурной модернизации российских регионов: закономерности, регуляторы, субъектность

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
r_lenkov@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблема целеполагания социокультурной модернизации регионов Российской Федерации в плане выявления её потенциала в территориальных региональных сообществах как организационных системах с разным уровнем развития, а также обоснования регуляторов для организации процесса целеполагания при выстраивании отношений заинтересованных лиц с субъектами систем управления. Рассматривается история становления понятия «цель», раскрывается практический опыт целевого управления и планирования (на примере СССР), основанный на результатах теоретических исследований по осознанию роли цели и целенаправленности в системах организационного управления. Характеризуется закономерность эквифинальности и её использование при целеобразовании на региональном уровне. В основу работы положен опыт изучения управляемости регионального развития, полученный учёными Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2015-2020 гг. Особое внимание уделено научным результатам исследования интеллигенции как латентной группы в контексте управляемости социокультурной модернизации регионов, включая развитие систем управления и роль высшего образования. В заключение специфицирован ряд оставшихся за рамками исследования проблемных вопросов для дальнейшего анализа значения интеллигенции с акцентом на «сборку» субъектности в условиях спонтанных и целерациональных изменений в саморазвивающихся сообществах.

Ключевые слова: целеполагание, закономерности целеобразования, социокультурная модернизация, регионы, высшее образование интеллигенция, субъектность, социопрогностическая концепция

Благодарности: В статье использованы материалы научного доклада Р. В. Ленькова и В. С. Богданова «К вопросу изучения интеллигенции в контексте управляемости социокультурной модернизацией» на XXI международной теоретико-методологической конференции «Интеллигенция: многообразие стилей и образов жизни», РГГУ, 1 октября 2020 г.

Информация для цитирования: Леньков Р. В. Проблема целеполагания социокультурной модернизации российских регионов: закономерности, регуляторы, субъектность // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 42-54. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3.

Original article

Roman V. Len'kov

The problem of targeting socio-cultural modernization of Russian regions: patterns, regulators, subjectivity

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
r_lenkov@mail.ru

Abstract. The article actualizes the problem of targeting socio-cultural modernization of the regions of the Russian Federation in terms of identifying its potential in territorial regional communities as organizational systems with different levels of development, as well as justifying regulators for organizing the goal-setting process when building relationships between stakeholders and subjects of management systems. The history of the formation of the concept of "purpose" is considered, the practical experience of target management and planning (on the example of the USSR), based on the results of theoretical research on the awareness of the role of purpose and targeting in the systems of organizational management is revealed. The regularity of equifinality and its use in targeting at the regional level is characterized. The work is based on the experience of studying the manageability of regional development, obtained by scientists from the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2015-2020. Particular attention is paid to the scientific results of the content analysis of the intelligentsia as a latent group in the context of the manageability of the socio-cultural modernization of regions, including the development of management systems and the role of higher education. In conclusion, a number of problematic issues that have remained outside the scope of the study are specified for further analysis of the significance of the modern intelligentsia, with an emphasis on the "assembly" of subjectivity in the context of spontaneous and goal-rational changes in self-developing communities.

Keywords: goal setting, patterns of goal formation, sociocultural modernization, regions, higher education, intelligentsia, subjectivity, socio-predictive concept

Acknowledgments: The article uses the materials of the scientific report of R. V. Lenkov, V. S. Bogdanov "On the issue of studying the intelligentsia in the context of the manageability of sociocultural modernization" at the XXI International Theoretical and Methodological Conference "Intellectuals: Diversity of Styles and Lifestyles", Russian State University for the Humanities, October 1, 2020.

Information for citation: Len'kov, R. V. (2020), "The problem of targeting socio-cultural modernization of Russian regions: patterns, regulators, subjectivity", Research

Result. Sociology and management, 6 (4), 42-54, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3.

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН (далее – ЦСУиСТ ИС РАН) в 2015-2021 гг. реализуется лонгитюдный проект, поддержанный грантом РНФ (Россия: реформирование…, 2017). *Его цель* – изучение механизмов регулирования и повышения управляемости отношений между государством и населением в решении проблем социокультурной модернизации регионов (как ответа на вызовы и угрозы современного мира). Результаты проекта диагностировали не только образование социально-статистических групп на основе экспертной оценки респондентами работы звеньев властно-управленческой вертикали, но и их реальное участие в латентном группообразовании в регионах при реализации комплекса социальных и культурных преобразований с учётом изменений институциональной среды. Однако интересы отдельных групп населения на уровне региональных образований, особенно в системе местного самоуправления, слабо учитываются властно-управленческой вертикалью, в результате чего значительные группы граждан оказались в состоянии социального отчуждения от декларируемой государством политики.

Согласно процессу социального группообразования, человек выступает не просто как объект в организационной системе не зависимых от него производственных, политических и иных отношений, но и как субъект, стремящийся найти, понять, объяснить и изменить свою роль в обществе. При этом «наибольшее дифференцирующее влияние на состояние параметров субъектности оказывают возрастной и профессиональный факторы; а образовательный ресурс повышает уровень самостоятельности, даёт свободу выбора, способность принимать решения и нести ответственность» (Касьянова, 2007: 20-21).

Нам видится логичным продолжение исследований социально-структурного группообразования в российском обществе, которые должны быть дополнены сведениями о трансформации регионального пространства, где синхронно с происходящими в мире и стране событиями реализуются практики социального взаимодействия. Изучение механизмов социального группообразования требует актуализации проблемы изменений в отношениях между населением («гражданским обществом») и властью в условиях исторически обусловленного обострения внешних и внутренних вызовов, включая вопросы о характере диспозиций граждан как социальных агентов и об их участии в оценке работы звеньев властно-управленческой вертикали.

Сегодня можно утверждать, что геополитическая нестабильность, глобальные и национальные потрясения, турбулентность и экономические кризисы в обществе XXI века порождают новые явления, актуализируя их востребованность без рационально-познавательного осознания последствий в виде прекариата, диджитализации, кидалт («взрослых детей»), дауншифтинга и т.п. На таком фоне возникают вопросы: Кто и каким образом должен и может осуществлять социальные изменения в современном обществе, когда основная платформа воспроизводства профессиональных субъектов для этих целей пробуксовывает, а компетенции начинают доминировать над знанием? И сложно не согласиться, что компетенции сегодня скорее инструмент демонстрации лояльности образовательных организаций высшего образования институциональным требованиям, чем реальная оценка качества

самого образования (Щербина, Попова, 2020: 631).

Логично встаёт вопрос о постановке проблемы влияния образования на механизмы обеспечения высокого уровня солидарности общества в решении проблем социокультурной модернизации регионов, а также развития *социопрогностической концепции* с упором на активное начало элементов территориально-пространственных систем (регионов) и обратную связь. Важными компонентами концепции выступают целеполагание и организация процессов коллективного формирования целей-побуждений к действию. Актуальным становится поиск путей воспроизводства и поддержания потенциально «продуктивных» социальных групп, готовых к результативной, интеллектуальной «сборке» субъектности, а также формирования регулятивных механизмов, способных обеспечить не оппозиционный социально-ориентированный характер целеполагания в отношениях общества и власти.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологическим основанием исследования выступает парадигма открытой системы, выдвинутая Л. фон Берталанфи ещё в 30-е гг. XX века, позже получившая развитие в трудах Н. Т. Абрамовой, В. Г. Афанасьева, В. Н. Волковой, М. Г. Макарова, Л. А. Растригина, В. Н. Сагатовского, В. С. Тюхтина, Ю. И. Черняка; Р. Акоффа, Ф. Эмери и др.

Согласно этой, широко известной парадигме в системах организационного управления любого уровня иерархии (в нашем случае – это региональный уровень) *общими принципами или закономерностями целеобразования* являются: *целостность* (автономность), *иерархическая упорядоченность* и *эквифинальность* (итоговое, финальное состояние). Кроме этих, базовых закономерностей указанная парадигма определяет закономерности *интегративности*, *коммуникативности* и *историчности*. Сформулированные учёными выводы важны в осознании для организации управления категории «цель-побуждения к действию», что позволяет переосмыслить закономерности целеобразования, в том числе с учётом взаимодействия внешних и внутренних факторов.

Сегодня актуален акцент на внутренних началах организационных систем, поскольку они активны и приводят к проявлению у социальных объектов особых свойств. Назовём их: неповторимость и непредсказуемость, неустойчивость поведения и подвижность параметров, а также способность к изменению своей структуры и адаптации в быстро меняющихся условиях (включая управляющие воздействия) и, наконец, *стремление вырабатывать варианты поведения через целеобразование.* Это объясняется наличием у таких систем субъектности – людей, которые способны *противостоять энтропийным* (разрушающим) тенденциям и *создавать негэнтропийные* (Л. фон Берталанфи, Дж. Ванн Гиг, И. Р. Пригожин).

Под *целеполаганием* в исследовании понимается процесс «установления идеально предположенного результата созидательной деятельности человека или группы людей». Это исходная, первая из пяти известных форм конкретизации предуказательной функции научного предвидения в управлении, за которой следуют: проектирование, планирование, программирование и текущие управленческие решения (Леньков, 2020). Такое понимание основывается на теории научного предвидения, разработанной в 50-е гг. XX века А. М. Гендиным, И. В. Бестужевым-Ладой и др., позже адаптированной Т. М. Дридзе, Б. С. Сивириновым, В. Н. Стегнием, Ж. Т. Тощенко, О. А. Уржа, В. И. Франчуком и др. к социологии и социологии управления.

В работе применяется подход, последовательно развиваемый исследовательским коллективом под руководством Н. И Лапи-

на, который предлагает рассматривать *пространственно-территориальную панораму* модернизационных процессов *(разный уровень развития).* Для нас актуально гуманистическое основание модернизации, представляющее комплекс социальных и культурных преобразований *(социокультурная модернизация).*

Управляемость модернизации связывается в исследовании с обеспечением сбалансированности взаимодействия между основными её компонентами: технико-технологической, социо-экономической, социокультурной и институционально-регулятивной. В роли *институционально-регулятивной компоненты* выступает совокупность регулирующих институтов, одним из которых является высшее образование.

Теоретическим и эмпирическим концептом исследования выступает термин *«интеллигенция».* Это проблемный (в осмыслении и понимании) концепт. Учёные-гуманитарии определяют его по-разному: от «класса производителей символических благ» (П. Бурдье) до «терпимого отношения к миру и к людям» (Д. С. Лихачёв). В контексте настоящей работы под интеллигенцией понимается *социальная группа людей, осознанно отвечающих за рост и социальное развитие, конструктивные подходы к организации и самоорганизации общества*. Это группа, способная запустить механизм самодостраивания *(интеллектуальной «сборки»)* и взять на себя интегрирующую функцию выработки стратегического вектора социокультурной модернизации.

Целью исследования выступает анализ потенциала целеполагания социокультурной модернизации в региональных сообществах (как сложных системах с разным уровнем развития) на основе учёта регуляторов процесса её организации в отношениях заинтересованных лиц с субъектами систем управления. *Специальная задача* - изучение современной интеллигенции как латентной группы в контексте управляемости социокультурной модернизации регионов.

Информационной базой являются результаты исследования управляемости регионального развития, полученные учёными ЦСУиСТ ИС РАН в 2015-2020 гг., в том числе полученные автором при исследовании высшего образования как институционально-регулятивного ресурса управления социокультурной модернизацией регионов, оценке поддержки населением с высшим образованием политики модернизации в 4-х пилотных регионах с различным уровнем социокультурной модернизации.

При проведении исследования использованы общие положения теории систем и системного анализа, методы *ретроспекции* (при анализе советского опыта целевого управления и планирования) и *контент-анализа* (при изучении интеллигенции как латентной группы), *обобщение и систематизация информации,* а также результаты научных публикаций учёных в области социальной философии, психологии, кибернетики, социологии управления и теории организации.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Смысл «цели» в управляемости социокультурной модернизации.

Процессуальность целеобразования и целеполагания социокультурной модернизации регионов весьма сложное явление.

Эта сложность обусловлена непрерывным и последовательным развитием представлений о цели в философии, социологии и теории познания. Так, анализ смысла цели и связанных с ней категорий целесообразности и целенаправленности демонстрирует, что в зависимости от стадии познания объекта (*в нашем случае – социокультурной модернизации*) в «цель» вкладываются разные оттенки. Они вписаны в пределах условной «шкалы»: от идеальных устремлений *(«цели, достижение которых невозможно, но к*

которым можно приближаться», Акофф, 1972) к материальному воплощению: результаты, достижимые в некотором интервале времени или конечный продукт деятельности. Фактически в смысле цели заключено противоречие в том, что она должна быть «опережающей идеей», побуждающей к действию, и вместе с тем - материальным её воплощением.

Часто для отражения указанного противоречия дают следующее определение: *«цель – это заранее мыслимый результат сознательной деятельности человека или группы людей»* («заранее мыслимый», но всё же «результат» как воплощение замысла; кроме того, подчёркивается, что цель связана с «сознательной деятельностью»). Такое диалектическое понимание цели крайне важно при организации текущих управленческих решений. Но в реальных обстоятельствах, как отмечает В. Н. Волкова, надо объяснить, в каком смысловом контексте на конкретном этапе рассмотрения объекта оно используется и что должно быть отражено в её формулировке: *идеальные устремления*, позволяющие увидеть перспективы, или *реальные возможности*, обеспечивающие завершение очередного этапа построения ожидаемого будущего (Волкова, 1995).

Проведённый анализ смыслов цели является весомым шагом на пути к практической реализации процесса целеполагания социокультурной модернизации регионов. Также в социальной практике, с нашей точки зрения, инструментальный потенциал имеет *концепция единственности цели В. А. Чабровского*, которая даёт представление о двух различных образах цели: *«цель деятельности»* (актуальная, конкретная цель) и бесконечная по содержанию *«цель-стремление»* (идеальная, потенциальная цель).

Цели в управляемости социокультурной модернизации. Этапы развития целевого управления и планирования (из опыта СССР).

В истории нашей страны накоплен значительный опыт целевого управления и планирования, использующий результаты исследований по раскрытию целеустремлённости в системах организационного управления.

Идея перспективного планирования возникла в связи с реализацией государственного плана электрификации Советской России после Октябрьской революции 1917 года. Позднее она трансформировалась в директивное планирование «от достигнутого» и разработку пятилетних планов без каких-либо прогнозных оценок структурных сдвигов в организации управления различными отраслями народного хозяйства.

В 1960-е гг. была предложена *концепция программно-целевого планирования и управления*, её следствием явилось включение категории «цель» в систему экономических и управленческих решений на самых высших уровнях руководства экономикой и страной.

Концепция роли цели в управлении как побуждения к деятельности, получившая развитие в 1970-е гг., позволила осознать необходимость замены жёсткого планирования на комплексное прогнозирование и программирование развития научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на 20 лет, а также Основных направлений экономического и социального развития страны на 10-15 лет.

Эти нововведения фактически реализовали социальную практику *закономерности целеобразования, ставящей цель в зависимость от времени и увязывающей её изменение по мере познания и развития системы*.

Также была осознана полезность привлечения к *процессам целеобразования (прогнозированию и перспективному планирова-*

нию) широкой научной общественности – руководителей и специалистов, которые участвовали в соответствующих комиссиях (при Академии наук, Госплане, Государственном Комитете по науке и технике Совета Министров), обосновывая прогнозы и основные направления развития СССР.

Это решение частично реализовывало условия реализации *закономерности целеобразования, осуществляющей учёт внутренних потребностей, мотивов и программ* посредством представителей различных слоёв населения, включаемых в состав комиссий.

Работа членов комиссий состояла в сборе письменно обоснованных предложений («сценариев») и участии в совместных заседаниях. Они обобщали и готовили для Совета Министров СССР документы по Основным направлениям экономического и социального развития страны на 10-15 лет, а также пятилетних планов развития народного хозяйства. К работам такого масштаба привлекалось не только правительство, но и большое число наиболее компетентных членов общества – учёных из академий наук, руководителей и научных сотрудников из научно-исследовательских институтов, профессоров и преподавателей из вузов.

Проект Основных направлений широко публиковался в печатных средствах массовой информации, и любой гражданин имел право внести свои коррективы и новые предложения. Аналогичная работа проводилась и на уровне регионов и отраслей народного хозяйства.

Таким образом, были созданы условия для участия в целеобразовании всех заинтересованных лиц. Другое дело, что на практике граждане редко пользовались имеющимися правами при излишне централизованной системе мега-планирования; кроме того, обработка полученных предложений с использованием принятия решений по большинству однотипных предложений не позволяли вынести противоречивые мнения для обсуждения на уровень государственных и региональных органов управления.

Закономерность эквифинальности и её использование при целеобразовании на региональном уровне.

Формулирование «цели-идеала» связано с системами ценностей личности и общества, а также с уровнями цивилизационного развития территориальных региональных сообществ. Эти обстоятельства определяют желаемое будущее, характеризуемое *закономерностью эквифинальности – динамическим свойством системы при переходе из начального состояния в финальное, часто имеющее предельный уровень развития*.

При рассмотрении регионального уровня развития социума и его образований необходимо опереться на исследования В. И. Вернадского и его последователей. В этих трудах нет упоминаний об эквифинальности, но они способны помочь ответить на многие нерешённые вопросы.

Развивая мировоззрение учёного, связанное с представлением о *ноосфере* (сфере разума), социальные философы определяют *пневмосферу* (духовную сферу), *этасферу* (сферу этики) и *сферу нравственности*. В частности, они дают характеристики существующему уровню бытия человечества, названному *антропоцентризмом* (Сагатовский, 1994).

Данный уровень реализует принцип «человек – царь природы», из него развивается эгоцентризм с принципом «человек – центр мироздания, повелитель», ориентирующий все ресурсы природы на службу человеку («знание – сила»). Между природой и людьми возникают противоречия и конфликты, имеющие крайние формы проявления в виде тоталитаризма, мировых войн, экологических проблем, истощения природных ресурсов и, как следствие – затруднений и угроз гибели человечества (до-

клады Римского клуба; Леньков, 2020: 17-22).

Конечно, проблема согласования глобальных и локальных критериев трудно разрешима, но в сложных системах при принятии решений возможно использование методов активизации интуиции и опыта руководителей и специалистов как носителей систем ценностей и традиций. Они могут и должны пытаться разрешить противоречия с учётом здравого смысла и необходимости сохранения территориальных общностей. В этом большую роль играют рассмотренные выше исследования, а также необходимость использования полученных выводов при образовании «цели-идеала», не абсолютизирующего права и свободы человека, а обязывающего его к сотворчеству с другими, компромиссам, поиску своей социальной ниши.

Применительно к региональному сообществу выделим такие иерархически упорядоченные пространства развития человека и сообщества, как *ситуативное пространство смыслов, социальное пространство, пространство культуры и пространство «вечных» смыслов.*

Капиталистическое общество, основанное на философии Т. Гоббса, индивидуализме и конкуренции, соответствует первому пространству, в котором каждый индивид или общность (регион) рассматривают другую общность как средство для достижения своих целей.

Р. Акофф и Ф. Эмери, мечтая об общине, стремящейся к идеалу, предлагали принципы, соответствующие второму пространству, в котором индивид или общность стремятся ставить социально значимые цели, при этом цели сообщества часто признаются выше индивидуальных, возможно даже подавление локальных подцелей ради достижения общей цели.

Но, как показывает практика, цели региона формулируются либо только с учётом развития экономики (на материально-техническом уровне), либо, ориентируясь на человека, ставятся конкретные цели по решению внутренних вызовов и угроз социально-экономического характера, например, в части повышения уровня и условий жизни. Примечательно, что уровень поддержки эффективности работы регионального уровня властно-управленческой вертикали группой высокообразованного населения регионов с разным состоянием модернизации, в частности Московской и Белгородской областей, республик Башкортостан и Калмыкия, имеет умеренную ориентацию: треть выступает «за», треть – «против» и более трети (около 40%) воздерживаются (Леньков, 2018: 208).

Мы полагаем, что принципиально важно при формулировании целей региона, наряду с целью «улучшения качества жизни местного сообщества» ставить цель «увеличения его вклада в развитие страны» как более общей системы, от состояния которой в силу закономерности целостности зависит качество жизни и региональное развитие. При этом высшее образование и высокообразованное население способны оказать влияние на механизм обеспечения высокого уровня солидарности общества в решении проблем модернизации регионов, на рост социальной и гражданской субъектности.

Современный вектор и смысл стратегии и тактики построения сетевого социального пространства актуализируют процесс целеполагания через поэтапную реализацию социокультурной модернизации регионов Российской Федерации с разным уровнем социокультурной модернизации «сверху» (органы власти и управления) и «снизу» (население) (Тихонов, 2018: 72-83). Так уж сложилось, что в нашей стране одна реформа, часто незаконченная, сменяет другую, но не даются оценки достижения показателей реформирования. Отсюда остро встаёт вопрос о социальной полезности (социальных эффектах) от декларируемых про-

цессов в ходе реформ государственных институтов и гражданского общества, что напрямую связано с необходимостью структурных изменений сферы государственного управления и регулирования, а также усиления роли *высшего образования как регулятора социокультурной модернизации* за счёт грамотного использования потенциала цифровизации.

С нашей точки зрения, актуализация вопроса форм и степени целеполагания процессов социального группообразования в регионах требует специального изучения современной интеллигенции как латентной группы в рамках управляемости социокультурной модернизацией регионов. При этом крайне важен акцент не столько на функциональные особенности воспроизводства социально и культурно значимых для общества символических образцов этим социальным слоем, сколько на его способности к саморефлексии и «сборке» активной субъектности в условиях спонтанных и преднамеренных (целерациональных) изменений.

С целью онлайн-дискуссии в социальной сети *Facebook* в общедоступных группах «Проблемы образования и науки» (4731 участник) и «Вузовское сообщество Москвы» (608 участников) в январе 2020 г. была представлена статья *«Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс»*, см. Том 5, № 4, 2019 настоящего журнала (Леньков, Богданов, 2019). Указанные группы занимаются выявлением, профессиональным анализом и поиском путей решения проблем образования и науки, обсуждением критики реформ, законов, требований в высшей школе; их целевой аудиторией является гуманитарная и техническая интеллигенция, в частности, профессора и преподаватели вузов.

Комментарии участников дискуссии *обобщены и систематизированы по признакам интересности предложений и выводов, актуальности поднимаемых вопросов.*

Отдельные выводы и рекомендации:

«Совершенно не факт, что именно социогуманитарные дисциплины в их нынешнем состоянии (состоянии нытья ненужных, обиженных, невидимых) реально могут что-то сделать в рассматриваемой области. Сейчас скорее можно поставить на машинное обучение, технологии *Big-Data* или веб-сервис *GitHub*»;

«У каждого философа и социолога должна быть своя (и не одна!) модель машинного обучения, живой профиль на *GitHub*. У каждого социального проектировщика должен быть ультра-микросоциальный проект, реализованный на уровне ближайших друзей, семьи и коллег»;

«Прекратить накладывать красивые синергетические законы, истолкованные из естественных наук, на общество, и начать проверять их действие в минимальных ячейках (необязательно политических, но компактных), без большой борьбы масштабных концепций, напрасно расходующих интеллектуальные ресурсы и время»;

«Сейчас любой философской или социологической концепции категорически нужен результат, пусть малый, но ощутимый и осязаемый, а главное – масштабируемый. Этим надо заниматься»;

«Спасение интеллигенции – кто бы это ни был – в руках самой интеллигенции!».

Среди прочих сформулированы следующие актуальные вопросы:

«Почему гуманитарии всё время стараются мимикрировать под естественные науки? Зачем эти «социокультурные интеллигентские аттракторы»? Неужели вам недостаточно своей терминологии?»;

«Почему социально-философские исследования, посвящённые интеллигенции, не находят никакого (ноль, зеро) отклика у коллег из смежных дисциплин? У тех же со-

циологов, психологов, управленцев и историков?»;

«Как социологу-исследователю сделать какую-то «группу прорыва», самому изучить свой же контекст, самому проверить то, что написал, самому запустить «самоорганизующиеся» процессы?»;

«Почему именно производители символического капитала должны быть потенциалом? Зачем нам нужна их «сборка»?»;

«Почему вузовская интеллигенция смиренно принимает такие ухудшения условий труда, как практика годичного договора, перевод на неполную ставку, засилье плохо образованных администраторов в учёных советах, ликвидацию факультетов и кафедр, отсутствие выборности ректоров, деканов, заведующих кафедрами, требование выполнять работу, которая не оплачивается, требование переписывания РПД, ФОС и прочий вал бумаг? Почему нет никаких попыток противостояния? Никаких попыток объединения?».

Обобщая результаты онлайн-дискуссии, акцентируем внимание на ключевой, с нашей точки зрения, проблеме изучения современной интеллигенции как латентной группы в контексте управляемости социокультурной модернизации регионов.

Говоря о современной социально-экономической ситуации в России и зарубежных странах, ряд учёных утверждает, что прежняя социально-классовая структура перестала существовать, канула в Лету. Такие традиционные понятия, как рабочий класс, крестьянство, интеллигенция – приобрели весьма размытый характер, распались на многочисленные фрагменты, которые не позволяют говорить о них как о каком-то мало-мальски однозначном единстве (Тощенко, 2020). Такая точка зрения интересна, но, с нашей точки зрения, не в полном объёме раскрывает суть социального явления.

Сегодня изменения социальной структуры российского общества, турбулентность и сетевые взаимодействия выхолащивают признанные контуры понимания интеллигенции как социальной группы. Они трансформируют её функции и расщепляют на латентные формы организации и самоорганизации, требующие интерпретации с позиции новых подходов к «сборке» субъектности в системе отношений гражданского общества и властно-управленческих структур в территориальных региональных сообществах.

Заключение (Conclusions). *Авторская позиция.* Рассмотрение заявленной в названии статьи проблемы целеполагания выводит на общую проблематику совершенствования социального механизма управляемости социокультурной модернизации регионов в сетевом социальном пространстве регионов Российской Федерации с разным уровнем развития. Такой механизм требует выстраивания на основе «умного управления», образовывающийся при разработке социально-ориентированных программ деятельности, обеспечивающих выявление конкретных проблем и путей их решения посредством применения знаний об объекте (процессе) и ответственности субъектов управления за разработку новых принципов управления с социально-контролируемой обратной связью с населением (Тихонов, Богданов, 2020). Непосредственным участником выступает «гражданское общество» в лице заинтересованных групп людей, включая продвинутых представителей гуманитарной и технической интеллигенции, осознающих свою цивилизационную роль в исправлении и недопущении перекосов при переходе к «умному управлению».

В ходе концептуальной проработки феномена интеллигенции *как предварительного этапа последующих эмпирических измерений и его экспликации,* мы пришли к следующему важному выводу.

В актуальных определениях интеллигенции нет социально-конструктивного начала, которое закрепляло бы за данной социальной группой функцию воспроизводства групп региональной субъектности, то есть «сборку» конструктивных субъектов для адекватных социокультурных изменений, а также возможную функцию системной интеграции в обществе через воспроизводство институционально-регулятивных механизмов в определённом территориальном образовании.

Для дальнейшего изучения функций интеллигенции на современном этапе развития и определения её роли и значения в контексте проблемы целеполагания социокультурной модернизации регионов следует проработать ряд оставшихся за рамками исследования задач, в частности:

Учёт при анализе процесса целеобразования в системах управления, реализующих цели как средства побуждения к действию, внешних и внутренних по отношению к региональному сообществу факторов – требований, потребностей, мотивов, программ самого сообщества и его групп, а также исполнителей целей, включая аппарат властно-управленческой вертикали и интеллигенцию;

Разработка в рамках процесса «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации регионов её потребностей и мотивов;

Оценка характера взаимодействия противоречий и коалиций не только между внешними и внутренними факторами, но и между ранее существующими и вновь возникающими в региональной целостности внутренними факторами возможно возникновение целей;

Правомерность в подобном постоянном самодвижении социума учёта потенциала молодого поколения, которое уже через 10-15 лет войдёт в государственные и корпоративные структуры и будет отвечать за факторы его изменения.

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Л. И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Волкова В. Н., Чабровский В. А. Цель: прогнозирование, анализ, структуризация. СПб.: Изд-во ИСЭП РАН, 1995. 114 с.

Касьянова А. Н. Средний город России: диагностика жизнедеятельности социума и социальное управление: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.

Лапин Н. И. Модернизация как глобальный вызов и стратегия повышения ее социокультурной эффективности в регионах России // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015. С. 34-63.

Леньков Р. В. Социальное прогнозирование и проектирование. М.: ИНФРА-М, 2020. 189 с.

Леньков Р. В., Богданов В. С. Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 163-175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-15.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? // Серия: Россия накануне XXI века. СПб.: Петрополис, 1994. 217 с.

Тихонов А. В. Реформирование властно-управленческой вертикали как актуальная научно-исследовательская и практическая проблема // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4. С. 72-83. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6085

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей

// Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.

Щербина В. В., Попова Е. П. Вуз вне системы профессиональной подготовки специалистов как итог многолетних реформ российского высшего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 20 (3). С. 622-635. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-622-635.

Ackoff R. L., Emery F. E. On Purposeful Systems. Chicago: Aldine-Atherton, 1972.

Bourdieu P. Raisons pratiques: sur la théorie de l'action. Paris: Éd. du Seuil, 1994. 251 p.

Len'kov R. V. Provision of social and resource support to the policy of socio-cultural modernization of regions by the population with higher education // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. No. 6. Pp. 202-211. DOI: 10.15838 / esc.2018.6.60.12

Van Gigch J. P. Metadecisions: rehabilitation epistemology. Kluwer, 2003.

Von Bertalanffy L. General system theory. Foundations, development, applications. N.-Y., 1968.

References

Lapin, N. I. (2016), *Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Volkova, V. N. and Chabrovsky, V. A. (1995), *Purpose: forecasting, analysis, structuring*, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Kasyanova, A. N. (2007), "An average city of Russia: diagnostics of social life and social management", Abstract of Ph.D. dissertation, Rostov-on-Don, Russia. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (2015), "Modernization as a global challenge and a strategy for increasing its socio-cultural efficiency in the regions of Russia", in *Regional sociology: problems of consolidating the social space of Russia*, Moscow, Russia, 34-63. *(In Russian)*

Len'kov, R. V. (2020), *Social forecasting and design*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Len'kov, R. V. and Bogdanov, V. S. (2019), "Problems of "assembling" the future Russian intelligentsia as the potential of socio-cultural modernization: sociological-managerial discourse", *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 163-175. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2017), *Russia: Reforming the power-management vertical in the context of problems of socio-cultural modernization of regions*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sagatovskiy, V. N. (1994), *Russian Idea: Will We Continue the Interrupted Path?*, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2018), "Reforming the power-management vertical as a topical research and practical problem", *Sociological Science and Social Practice*, 6 (4), 72-83. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. and Bogdanov, V. S. (2020), "From "smart regulation" to "smart management": the social problem of digitalization of feedbacks", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 74-81. *(In Russian)*

Toshchenko, Zh. T. (2020), *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experiences from Theoretical and Empirical Analysis)*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Shcherbina, V. V. and Popova, E. P. (2020), "University outside the system of professional training of specialists as a result of many years of reforms in Russian higher education", *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, (20), 622-635. *(In Russian)*

Ackoff, R. L. and Emery, F. E. (1972), *On Purposeful Systems*, Chicago, USA.

Bourdieu, P. (1994), *Raisons pratiques: sur la théorie de l'action*, Paris, France.

Len'kov, R. V. (2018), *Provision of social and resource support to the policy of socio-cultural modernization of regions by the population with higher education*, Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 11, 6, 202-211.

Van Gigch, J. P. (2003), *Metadecisions: rehabilitation epistemology*, Kluwer.

Von Bertalanffy, L. (1968), *General system theory. Foundations, development, applications*, N.-Y., USA.

Статья поступила в редакцию 01 ноября 2020 г. Поступила после доработки 30 ноября 2020 г. Принята к печати 05 декабря 2020 г.

Received 01 November 2020. Revised 30 November 2020. Accepted 05 December 2020.

Конфликты интересов: у автора нет конфликтов интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Леньков Роман Викторович, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации.

Roman V. Len'kov, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.472.45

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4

Хрипкова Д. В.[1]
Начкебия М. С.[2]
Реутова М. Н.[3]
Хрипков К. А.[4]

Ценностные основания гражданской активности

[1)] Белгородский государственный национальный иследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
davtyan@bsu.edu.ru

[2)] Белгородский государственный национальный иследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
nachkebiya@bsu.edu.ru

[3)] Белгородский государственный национальный иследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
reutova@bsu.edu.ru

[4)] Белгородский государственный национальный иследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
khripkov@bsu.edu.ru

Аннотация. Детерминирующим фактором отношений в обществе в настоящее время становится социальная разобщенность. Подтверждает данное предположение и тот факт, что даже при внешнем стимулировании гражданской активности население крайне неохотно включается в практики социального взаимодействия и коллективного действия. Проблема качества человеческих отношений представляется нам одной из наиболее значимых в исследовании гражданской активности. Это дает нам основание, изучать гражданскую активность в ракурсе коллективного действия, как процесс реализации норм, установок и ценностей, обеспечивающих гражданам возможность создавать объединения и самоорганизовываться для решения социально значимых проблем. Важной задачей в современных реалиях является анализ ценностных оснований гражданской активности, определение ее места и роли в системе социальных взаимоотношений. Особенно это важно в нестабильной социально-экономической обстановке, при обостряющейся пандемии коронавирусной инфекции и борьбе с ней, в частности – самоизоляции и карантинных мерах, которые, несомненно, повлияли и на человеческое взаимодействие. Выявлено, что в обществе доминирует разобщенность, выражающаяся в дефиците солидаристских ценностей (доверия, взаимопомощи, социальной ответственности

и т. д.). Исследование позволило определить превалирование в обществе индивидуалистических ценностей, а также осторожности и осмотрительности по отношению к людям. Разумеется, это существенно препятствует включению граждан в социальные взаимосвязи и отношения. Усложняют ситуацию иные противоречия социального, идеологического, экономического порядка, в первую очередь – экономическая дифференциация. Размежевание между богатыми и бедными – основной раскол, о котором говорят эксперты. В современных условиях единственным стимулятором развития гражданской активности становится наличие «внешней» угрозы, проблемы, существенно влияющей на жизнедеятельность людей. Кроме того, существующие сегодня практики гражданской активности осуществляются преимущественно в добровольчестве и волонтерстве, протестной активности, но редко – в различных формах участия граждан в местном самоуправлении. Сложившаяся сегодня ценностная система общества существенно ограничивает практики коллективного действия и не позволяет расширять формы и виды гражданской активности.

Ключевые слова: ценности; гражданская активность; солидарность; доверие; самоорганизация

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31451.

Информация для цитирования: Хрипкова Д. В., Начкебия М. С., Реутова М. Н., Хрипков К. А. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 55-68. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4.

Original article

Dianna V. Khripkova[1]
Mayya S. Nachkebia[2]
Marina N. Reutova[3]
Kirill A. Khripkov[4]

Value bases of civic engagement

[1)] Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
davtyan@bsu.edu.ru

[2)] Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
nachkebiya@bsu.edu.ru

[3)] Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
reutova@bsu.edu.ru

[4)] Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
khripkov@bsu.edu.ru

Abstract. Today, social disunity is becoming a determining factor of relations in society. This assumption is also confirmed by the fact that even with external stimulation of civic engagement, the population is extremely reluctant to get involved in the practice of social interaction and collective action. The problem of the quality of human relations seems to us to be one of the most significant in the study of civic engagement. This gives us a reason to study civic activity from the perspective of collective action, as a process of implementing norms, attitudes and values that provide citizens with the opportunity to create associations and organize themselves to solve socially significant problems. An important task in modern realities is to analyze the value foundations of civic engagement, to determine its place and role in the system of social relationships. This is especially important in the context of an unstable socio-economic situation, the aggravating pandemic of the coronavirus infection and the consequences of combating it, in particular self-isolation and quarantine measures, which undoubtedly influenced the processes of human interaction. It was revealed that disunity dominates in society, which is expressed in a deficit of solidarity values (trust, mutual assistance, social responsibility, etc.). The study made it possible to determine the prevalence of individualistic values in society, as well as caution and prudence in relation to people. Of course, such values significantly hinder the inclusion of citizens in social relationships and relationships. The situation is complicated by other contradictions of a social, ideological, economic order, first of all – economic differentiation. The divide between rich and poor is the main rift that experts talk about. In modern conditions, the only stimulus for the development of civic activity is the presence of an "external" threat, a problem that significantly affects the life of people. In addition, the practices of civic engagement that exist today are carried out mainly in the field of volunteering and volunteering, protest activity, rarely in the framework of various forms of citizen participation in local self-government. The value system of society that has developed today significantly limits the practice of collective action and does not allow expanding the forms and types of civic activity.

Key words: values; civic engagement; solidarity; confidence; self-organization

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31451.

Information for citation: Khripkova, D. V., Nachkebia, M. S., Reutova, M. N. and Khripkov, K. A. (2020), "Value bases of civic engagement: a sociological analysis", Research Result. Sociology and management, 6 (4), 55-68, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-4.

Введение (Introduction). Современная социальная реальность характеризуется противоречивыми процессами. С одной стороны, социологические исследования проводимые в 2015-2019 годах[1] указывают на то, что в обществе сформировался устойчивый запрос на социальную солидарность, выра-

[1] См., например: Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. URL: https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/ (дата обращения: 08.11.2020); Социологическое исследование «Диагностика консолидационного потенциала ценности справедливости в реализации гражданского контроля в практике местного самоуправления» проведено Д. В. Давтян в сентябре-октябре 2016 г. в Белгородской области методом анкетного опроса.

жающуюся в потребности к доверию, взаимопомощи, взаимному уважению, социальной справедливости. С другой – конвертация данного запроса в реальные практики социального действия чрезвычайно затруднена и обостряется процессами глубокой социально-экономической поляризации общества. Как результат – дефицит гражданской активности, выражающийся в ослаблении устойчивых базирующихся на взаимном доверии и межличностных и межгрупповых связей.

На наш взгляд, сегодня детерминирующим фактором отношений в обществе становится социальная разобщенность. Подтверждает данное предположение и тот факт, что даже при внешнем стимулировании гражданской активности население крайне неохотно включается в практики социального взаимодействия и коллективного действия. Как справедливо подчеркивает Е. В. Реутов, «низкий уровень взаимного доверия и ответственности в отношениях между гражданами не только разрушительно воздействует на духовно-нравственную атмосферу в обществе, на отношения между гражданами и властью, но и создает существенные препятствия для реализации социально-экономических проектов и программ, которые не могут быть успешно осуществлены в разобщенной среде, в которой каждая социальная группа и индивид преследуют свои корпоративные и частные интересы, а каждый отдельный человек остается наедине со своими проблемами» (Реутов, 2016: 95).

Таким образом, проблема качества человеческих отношений представляется нам одной из наиболее значимых в исследовании гражданской активности. Это дает нам основание изучать гражданскую активность в ракурсе коллективного действия – как процесс реализации норм, установок и ценностей, обеспечивающих гражданам возможность создавать объединения и самоорганизовываться для решения социально значимых проблем. Предложенный подход допустимо определить, как *ценностно-смысловой.*

В рамках данного подхода, ценностные основания гражданской активности можно рассматривать как систему диспозиций (ценностей, норм и смыслов) определяющих поведение индивида в процессе социальных взаимоотношений и способствующих или, напротив, препятствующих включению граждан в процессы гражданской активности.

Методология и методы (Methodology and methods). Проблема ценностных оснований гражданской активности в отечественной и зарубежной социологии рассматривается прежде всего в контексте таких направлений исследований, как социальный капитал (П. Бурдье, Дж. Коулман, Ф. Фукуяма и Р. Патнэм) и социальные сети.

П. Бурдье определял социальный капитал как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства» (Бурдье, 2002: 64), Дж. Коулман – как «потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, реализуемый в межличностных отношениях через обязательства и ожидания» (Коулман, 2002: 122).

Среди отечественных исследователей социальный капитал трактуется как включенность в систему отношений, обеспечивающую доступ к ресурсам (Тиханова, 2019: 40), либо как социальные нормы и сети (Полищук, 2011: 47). Мы определяем социальный капитал как сети социальных отношений, характеризующиеся нормами доверия и взаимности.

Сегодня этот концепт не просто становится популярным, но и расширяются его методологические возможности, которые позволяют взглянуть на общество с точки зрения его распределения среди социальных групп и слоев и тем самым описать социальное пространство, а также обратить вни-

мание на территориальное распределение данного ресурса, поскольку его носители имеют определенную привязку к территории своего проживания (Гужавина, 2020: 191).

Сетевая концепция, заложенная М. Моссом, Дж. Хомансом и П. Блау, продолжает оставаться актуальной в теоретическом и в прикладном плане. В отечественной и зарубежной науке, в том числе в трудах таких авторов как: Г. Зиммель, Я.Л. Морено, M. Granovetter, J. A. Barnes, R. Burt, М. Кастельс, Т.С. Садыгова, Д.А. Губанов, А.Н. Стрельников, В.М. Сазанов, разрабатываются различные аспекты социальных сетей, определяются особенности и выстраиваются механизмы формирования и функционирования сетевых отношений в различных социальных группах.

Важными для анализа в части групповых и социокультурных измерений гражданской активности, значимости институтов гражданского общества в системе социальных взаимоотношений являются труды Дж. Александера (Прочные утопии и гражданский ремонт) (Александер, 2002), Т. И. Макогон (Габитус, идентичность, обусловленность и когерентность в топологике местных сообществ) (Макогон, 2013).

Значительный интерес для нашего исследования представляют работы А. П. Галкина по развитию гражданских структур в России и их влиянию на социальные процессы, Г. М. Заболотной, К. Клеман по социальному капиталу гражданского общества в регионах России, Н. В. Ковалевой, И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона по мониторингу гражданского общества в России, социологическому анализу развития гражданских структур в регионах России, готовности населения включаться в их деятельность.

Несомненный интерес представляют работы современных зарубежных авторов, посвященные анализу механизмов, форм, методов гражданской активности в системе социальных взаимоотношений. В частности, Andrew D. Davies в работе Civil Society, изучает структуру современного гражданского общества в странах Европы в контексте экономической и культурной глобализации, которая «превратила политическую деятельность в «новые» транснациональные формы» (Davies, 2017).

L. Henry и L. Sundstrom в работе Defining civil society, рассматривают гражданскую активность через призму идеи гражданского общества, которое изучается авторами как особая сфера жизни общества, отделенная «от частного – семьи», а также «корыстного поведения экономической сферы и государства» (Henry, Sundstrom, 2016).

Следует отметить, что идеи гражданской активности рассматриваются зарубежными учеными преимущественно в разрезе идеи гражданского общества. В то же время сама структура активности, ее элементы, ценностные и мотивационные факторы практически не изучены, либо носят фрагментарный, описательный характер.

Исследователи F. L. Pinheiro, F. C. Santos, J. M. Pacheco в работе Linking individual and collective behavior in adaptive social networks (рус: Связь индивидуального и коллективного поведения в адаптивных социальных сетях, 2016) попытались определить основные детерминанты поведения гражданина в части гражданской активности. Однако все ограничилось исключительно описанием связи между индивидуальным (микро) и коллективным (макро) поведением граждан (Pinheiro, Santos, Pacheco, 2016).

На наш взгляд, важной задачей в современных реалиях является анализ ценностных оснований гражданской активности, определение ее места и роли в системе социальных взаимоотношений. Особенно это важно в нестабильной социально-экономической обстановке, обостряющейся пандемией коронавирусной инфекции и по-

следствиями борьбы с ней, в частности, самоизоляцией и карантинными мерами, которые, несомненно, повлияли и процессы человеческого взаимодействия.

С целью изучения места и роли гражданской активности в системе социальных взаимоотношений, а также анализа ценностных оснований гражданской активности и современных тенденций взаимоотношений в обществе коллектив авторов Белгородского государственного национального исследовательского университета при поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31451 провел социологическое исследование «Габитус гражданской активности в системе социальных взаимоотношений». Одной из важнейших задач исследования являлось уточнение представления о ценностных основаниях гражданской активности, проведение дифференцированного анализа основных характеристик габитуса гражданской активности носителем которых является индивид-гражданин. Кроме этого, к задачам относилось определение места и роли гражданской активности в современной системе общественных отношений, а также отношений порядка «гражданин-государство».

Обратимся к некоторым результатам этого исследования, в частности, к данным экспертного опроса (N=30). Опрос был проведен в сентябре-октябре 2020 года, в качестве экспертов выступили исследователи, ученые, социологи и политологи, занимающиеся изучением проблем гражданского общества, консолидации, самоорганизации и т. д. (13 чел.); представители (руководители) общественных объединений, некоммерческих организаций, независимых интеллектуальных организаций (7 чел.); представители средств массовой информации (5); государственные и муниципальные служащие (4). Выбор данных категорий экспертов, обусловлен необходимостью объективного, всестороннего взгляда на проблемы гражданской активности, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Экспертам было предложено ответить на 21 вопрос анкеты. Вопросы были структурированы по следующим блокам: основные функции и интерпретация гражданской активности в современных условиях; возможности и ограничения гражданской активности; ценностные основания гражданской активности; условия развития гражданской активности, готовность граждан к гражданскому участию; тенденции развития гражданской активности и изменения в системе социальных взаимоотношений.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). По мнению опрошенных экспертов, гражданская активность – это необходимый элемент развития социума (93,33%), позволяющий выработать консенсус по основным направлениям развития отдельного населенного пункта, региона и страны в целом (60,00%), а также расширить пространство свободы и индивидуальной самореализации граждан (40,00%). Только два опрошенных эксперта придерживаются «радикальных» взглядов на проблему гражданской активности и убеждены в том, что «современная система управления в России автономна и не нуждается в гражданском участии», а «гражданский активизм в современных условиях не способен повлиять на социально-политическую или социально-экономическую обстановку». Примечательно, что данными экспертами оказались представители СМИ. Можно предположить, что столь радикальная позиция респондентов связана со спецификой работы, в рамках которой им приходиться сталкиваться и описывать скорее негативный, чем позитивный опыт гражданской активности. Этот тезис опрошенные подтвердили, отвечая на вопрос «Приходилось ли Вам, в течение последних двух лет сталкиваться с проявлениями гражданской активности?», где в качестве при-

мера привели неудачный опыт гражданских активистов в решении вопросов местного значения в частности (капитальный ремонт домов, борьба со строительством магазина на придомовой территории и т.д.).

Далее экспертам было предложено оценить, какие факторы в современных условиях оказывают стимулирующее влияние на развитие гражданской активности, а какие, напротив, препятствуют ей. В качестве основных «стартеров» гражданской активности опрошенные выделили: «наличие позитивных примеров, прецедентов самоорганизации населения для решения каких-либо задач» (66,67%); «наличие проблемы, затрагивающей интересы большинства жителей региона, города, поселка и т.д.» (50,00%); «социальную солидарность (взаимопомощь, взаимное уважение и т. д.)» (46,67%); «наличие в обществе единой системы ценностей» (30,00%). Анализируя распределение ответов, следует обратить особое внимание на тот факт, что ценности не выделяются в качестве первостепенного фактора, стимулирующего активность, но входят в первую тройку. Объяснить такое распределение ответов возможно с позиции того, что когерентность ценностей не тождественна гражданскому участию, и не обязывает индивида активно включаться в решение общественных проблем, она, в первую очередь, является основой взаимодействия, базисом, который определяет человеческие взаимодействия во множестве их проявлений. Одним из таких проявлений и является гражданская активность, для реализации которой помимо общности ценностей необходимо четкое осознание общественного интереса и общественных проблем, а так же наличие механизмов их решений.

Отметим, что факторы, препятствующие гражданской активности, как правило, противоположны «стартерам». К ним эксперты отнесли: «убежденность населения в бесполезности проявления активности» (80,00%); «взаимное недоверие между людьми, между властью и населением» (63,33%); социальную аномию (40,00%) и сильную социальную дифференциацию (26,67%). В качестве оснований для таких ответов респонденты указали результаты современных исследований (в частности представители научного сообщества указали ряд собственных исследований), анализ данных статистики, публикации в СМИ.

Анализируя результаты ответов экспертов, мы считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что факторы социально-культурного порядка (единая система ценностей, солидарность, доверие и т.д.), по их мнению, являются одними из основополагающих при включении или не включении индивида в процессы гражданского активизма.

На наш взгляд, существенной проблемой, тормозящей процессы самоорганизации в современном российском обществе, является дефицит консолидирующих ценностей, обостряющийся проблемой социально-экономической дифференциации.

Чтобы сопоставить необходимую (в контексте гражданской активности) и существующую сегодня систему ценностей общества, в рамках исследования мы предложили экспертам определить наиболее важные для функционирования общества ценности и те ценности, которые превалируют в современном обществе. Распределение ответов оказалось весьма тревожным.

Так к наиболее важным для общества эксперты отнесли: ответственность (66,67%); солидарность (53,33%); доверие (46,67%). Такое распределение ответов весьма ожидаемо, так как идея активности предполагает готовность и возможность объединяться с другими людьми для решения общественно значимых задач, что невозможно представить без вышеперечисленных ценностей. В то же время ценности,

выделенные в качестве превалирующих в современном обществе, диаметрально противоположны. Так, по мнению респондентов, в обществе преобладают: индивидуализм (83,00%), осторожность и осмотрительность (80,00%), стремление к богатству (43,33%). Разумеется, такие ценности существенно препятствуют включению граждан в социальные взаимосвязи и отношения.

Полученные нами данные подтверждают и результаты общероссийских исследований. Так, например, в 2018 году исследовательская группа «Циркон» (под руководством И. В. Задорина) начала представление первых результатов масштабного проекта «Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе»[1] (N=2520).

Согласно полученным данным, 65,00% россиян считают, что в отношениях с людьми нужно быть осторожными. При этом в том, что людям можно доверять, уверена лишь треть населения (30,00%). Каждый десятый житель страны не способен дать однозначный ответ, что в известной степени формирует потенциал скорее для группы «осторожных».

57,00% респондентов считают, что сегодня в нашей стране больше несогласия и разобщенности. О сплоченности и согласии в так называемом «внешнем круге» – в стране в целом – заявили только 30,00% россиян.

Что касается ближнего круга – друзей, знакомых, близких – то здесь ситуация противоположна: более половины опрошенных (65,00%) видят в основном согласие и сплоченность в своем ближайшем окружении. О несогласии и разобщенности в данном случае заявил лишь каждый четвертый респондент (24,00%).

Три четверти россиян (75,00%) в той или иной степени готовы объединяться с другими в случае общих интересов. При этом положительный потенциал кооперации (уровень гражданской активности) свойственен почти половине из них – 35,00%. Сомневающихся в своей готовности к объединению в стране значительно меньше – лишь 13,00%. Категорически не готовы к объединению меньше 2,00%.

Наиболее острые социальные противоречия 45,00% россиян видят между властью и народом. Причем данный показатель значительно вырос в последнее время[2]. Таким образом, исследование зафиксировало существенные противоречия в процессах ценностной солидаризации (сплоченности, единения).

Похожие результаты получил ФОМ (Фонд Общественное Мнение), согласно опросу граждан, проведенному фондом в 2019 г. в 53 субъектах РФ (N=1500) 56% наших сограждан утверждают, что изначально относятся к незнакомым людям с недоверием, и лишь потом могут начать им доверять, если знакомый подведёт их или разочарует, 36% россиян потеряют к нему доверие навсегда[3].

Помимо дефицита солидаристких ценностей, негативное влияние на процессы гражданской активности оказывают и иные противоречия социального, идеологического, экономического порядка.

В первую очередь, как считают 70,00% опрошенных экспертов, это существенные различия в доходах (богатые, бедные, средний класс). Такие факторы, как идеологиче-

[1] Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. URL: http://doverie.zircon.tilda.ws/ (дата обращения: 02.11.2020).

[2] Новые факторы социально-экономического неравенства: причины возникновения и пути их преодоления. URL: https://www.ranepa.ru/images/insap/factori-neravenstva.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

[3] Межличностное доверие. Надо ли доверять людям? Можно ли вернуть утерянное доверие?. URL: https://www.fom.ru/TSennosti/14215 (дата обращения: 30.11.2020).

ские предпочтения, поколенческие и поселенческие особенности, национальные и религиозные факторы, отмечены экспертами как «умеренно значимые».

Следует отметить, что проблема дифференциации доходов российского общества стоит очень остро и ухудшается с каждым годом. По неравенству доходов мы относимся к странам с высоким уровнем расслоения (Овчарова, Попова, Рудберг, 2016: 171) и практически не уступаем таким общепризнанно поляризованным обществам, как США или Великобритания. Наиболее авторитетный источник – отчет Credit Suisse за 2019 год – и вовсе помещает Россию на лидирующие позиции в мире по такому показателю, как доля национального богатства, сосредоточенная в руках наиболее обеспеченных граждан (Shorrocks, Davies, Lluberas, 2019).

Исследователи Т. Н. Самсонова и Е. С. Шпуга пишут: «Существующие неравенства, прежде всего в доходах и собственности, пропасть между богатыми и бедными, провоцируют рост социальной напряженности и отчужденности граждан от социальных и политических институтов…экономическое неравенство порождает другие формы неравенства, которые являются факторами дезинтеграции общества и препятствуют осуществлению консолидационных процессов» (Самсонова, Шпуга, 2015: 101).

Д. Ю. Куракин, исследуя процессы неравенства отмечает, что: «Неравенство – наиболее фундаментальная и труднопреодолимая проблема всех развитых и большинства развивающихся стран. Её доминирование усугубляется тем, что она легко встраивается во многие другие социальные проблемы и усиливает их. С точки зрения жизни людей и работы институтов, сглаживание чересчур выраженного неравенства важнее даже экономического роста» (Куракин, 2020: 167). Он же пишет: «Неравенство искажает «социальную гравитацию» групп и отношения между ними, поэтому, чтобы подобные интервенции были эффективными, во многих случаях нужно не просто учитывать это, но ставить проблему неравенства во главу угла… подлинная сила неравенства кроется в том, что оно, выражаясь лишь немного напыщенно, вторгается в человеческую природу и искажает ее, создает непроницаемые, а иногда непреодолимые границы внутри обществ, затрудняющие не только социальную мобильность, но и солидарное понимание базовых истин морали и рациональности, а иногда и простые эмпатию и сочувствие. Именно эта сторона проблемы придает значимость и справедливости экономического распределения благ, и социальным аспектам экономического поведения людей, и другим граням большой проблемы неравенства» (Куракин, 2020: 168).

Оценки экспертов касательно факторов разобщенности подтверждает уже упомянутое нами выше исследование, проведенное исследовательской группой «Циркон». Размежевание между богатыми и бедными – основной раскол, о котором говорят россияне (так считают 40,00% опрошенных).

Каждый четвёртый видит серьезные противоречия между людьми разных политических убеждений (24,00%), а также чиновниками и рядовыми гражданами (23,00%). Совершенно незначительными видятся большинству россиян конфликты между различными национальностями (16,00%) и конфессиями (7,00%). Каждый десятый беспокоится о конфликтах между приезжим и местным населением (13,00%). Трудовые конфликты (между руководителем предприятия и подчиненным) также для большинства россиян не носят острых социальных противоречий (причем это показатель особенно снизился за последнее время). Менее 10,00% населения уверены, что противоречий в стране не существует в принципе.

Несомненно, неравенство по уровню доходов может существенно усложнять и оказывать негативное влияние на практики социального взаимодействия, однако, на наш взгляд оно не является ключевым в процессах социальной кооперации. Так, граждане, проживающие весьма сегрегированно по уровню доходов, в разных районах городов, могут образовывать местные сообщества по различным основаниям: по одинаковому уровню доходов; по схожим ценностям и интересам; на основании локальной идентичности (выражающейся в осознанном чувстве принадлежности к территории и сообществу); по проектам местного самоуправления.

Оценивая современное состояние практик гражданской активности, эксперты отметили, что существующая сегодня ценностная система общества стимулирует гражданскую активность лишь в исключительных случаях (63,33%). Кроме того, усугубляется ситуация неготовностью граждан к гражданскому активизму (63,33%). Отметим, что неготовность выражается еще и в отсутствии интереса к активности как таковой так например, по данным мониторингового опроса о жизненных ценностях россиян проведенного ВЦИОМ в 2020 году, для более половины граждан 53,00 скорее не важны участие в общественной и политической жизни[1].

Таким образом, сегодня, для того, чтобы граждане включались в решение общественных проблем и задач, как правило, необходимо наличие серьезной проблемы, затрагивающей интересы большинства жителей.

Кроме того, существующие сегодня практики гражданской активности осуществляются преимущественно в сфере добровольчества и волонтерства, протестной активности, и редко – в рамках реализации различных форм участия граждан в местном самоуправлении. Этот тезис подтверждают примеры практик активности, с которыми приходилось сталкиваться за последние два года опрошенным экспертам (46,67%). Они отмечают такие практики как «разнообразные волонтерские акции и мероприятия, благотворительные акции, протестные акции в период выборов», «помощь бездомным животным, благоустройство территории», «волонтёрская деятельность во время пандемии COVID-19», «территориальное общественное самоуправление», «сходы граждан».

Фактически сегодня единственным стимулятором развития гражданской активности становится наличие «внешней» угрозы-проблемы, существенно влияющей на жизнедеятельность людей. Одной из таких проблем в начале 2020 года стал коронавирус (в настоящее время данный фактор уже можно рассматривать как постоянный фактор внешней среды). В условиях пандемии существенно обострился запрос на проекты в сфере взаимопомощи (62,07%), вследствие чего произошел значительный скачок активности в сфере волонтерской деятельности.

Однако рост волонтерских практик нельзя рассматривать исключительно как реакцию на «угрозу» пандемии. Стоит заметить, что с 2018 года волонтерство и добровольчество широко поддерживается государством и развивается «сверху», в частности внесены изменения ряд законопроектов (Федеральный закон от 05.02.2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)») закрепивших понятие и статус

[1] См., об этом: Здоровье, безопасность, семья и работа. В ситуации пандемии в российском обществе актуализировались ценности безопасности и здоровья. URL: https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota (дата обращения: 30.11.2020).

«добровольца», основные принципы и задачи волонтерской деятельности, разграничены полномочия федеральных, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере добровольчества.

После объявления 2019 года годом волонтера, государственная поддержка данной сферы общественной жизни приобрела еще более масштабный характер, сформирована инфраструктура развития добровольчества (информационные порталы, ресурсные центры во всех регионах и большинстве муниципальных образований, образовательные площадки[1]), ведется активная финансовая поддержка данной деятельности (гранты, налоговые льготы и т.д.).

Разумеется, такая широкомасштабная поддержка волонтерства дает и свои плоды в виде повышения активности в данной сфере, что в свою очередь нельзя сказать об инициативах, идущих «снизу».

По мнению 63,33% экспертов, пандемия повлияла на «возникновение новых способов самоорганизации, новых сообществ». Кроме того, в сложившихся условиях ввиду усиления разобщенности (в первую очередь как результата самоизоляции), общение людей перетекло в виртуальные формы (76,67%), а социальные сети и иные онлайн-сервисы стали площадками для диалога и консолидации.

В тоже время, данные формы самоорганизации еще не успели приобрести системный и устойчивый характер и заметно повлиять на общую картину гражданской активности в Белгородской области и России в целом. По мнению экспертов, за последний год уровень гражданской активности незначительно вырос: так считают 41,00% опрошенных, еще столько же экспертов и вовсе отметили, что в плане гражданского активизма ничего не изменилось.

Заключение (Conclusions). Анализ теоретических и методологических основ изучаемого процесса, а также результатов авторского исследования и иных исследований по аналогичной тематике позволяет нам сделать ряд выводов.

Консолидация общественных сил и активистского настроения социума, формирование гражданского единства и гражданского самосознания необходимы для развития российского общества. Гражданская активная позиция, прежде всего, воплощается в осознанных, мотивируемых и организованных действиях каждого из участников социальных взаимодействий. Гражданская активность берет свое начало на уровне осознания индивидуумом важности включения в процесс гражданской интеграции. В настоящее время, ситуация с реализацией общественных интеракций в рамках гражданской активности является сложным и противоречивым процессом, характеризующимся с одной стороны, наличием в обществе уже устоявшегося запроса на социальную солидарность и взаимопомощь, с другой, ростом недоверия (как межличностного, так и институционального), повышением тревожности и усложнением социально-экономической конъюнктуры.

Важной задачей в современных реалиях является анализ ценностных оснований гражданской активности, определение ее места и роли в системе социальных взаимоотношений. Анализ результатов экспертного исследования позволяет нам выделить необходимые этапы процесса гражданской активности. Для его реализации необходимо, во-первых, наличие механизмов и процедур включения граждан в решение общественно-значимых вопросов (что выражается в

[1] См. об этом: Ресурсные центры по поддержке добровольчества появятся в каждом регионе России к 2024 году. URL: http://www.tass.ru (дата обращения: 30.11.2020); Ресурсные центры добровольчества созданы в 70 регионах России. URL: https://news.rambler.ru/other/41496713/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copy link (дата обращения: 30.11.2020).

появлении позитивных примеров самоорганизации и активности). Во-вторых – наличие существенной проблемы, затрагивающей интересы большей части граждан. В-третьих – наличие солидаристких ценностей (доверия, взаимной ответственности, поддержки и т.д.) которые позволяют вступать в социальные взаимоотношения с другими людьми. В-четвертых – наличие в обществе единой системы ценностей, которая обеспечивает консенсус по основным направлениям развития страны, региона, или отдельного муниципального образования.

Сегодня детерминирующим фактором отношений в обществе становится социальная разобщенность, выражающаяся в дефиците солидаристских ценностей (доверия, взаимопомощи, социальной ответственности и т.д.). Исследование позволило определить доминирование в обществе индивидуалистских ценностей, а также осторожности и осмотрительности по отношению к людям. Разумеется, такие ценности существенно препятствуют включению граждан в социальные взаимосвязи и отношения. Усложняют ситуацию иные противоречия социального, идеологического, экономического порядка, в первую очередь-экономическая дифференциация. Размежевание между богатыми и бедными-основной раскол, о котором говорят эксперты. В тоже время, неравенство существенно влияет на качество и ценность жизни, и даже не столько на ее материальную составляющую, сколько на социальную, на способность людей управлять своей жизнью и менять ее к лучшему, на связность общества, на возможности и препятствия для формирования единой ценностной системы, позволяющей вырабатывать консенсус по основным направлениям развития общества, а также когнитивный консенсус, позволяющий включаться в социальные связи и отношения для решения общих проблем.

В современных условиях единственным стимулятором развития гражданской активности становится наличие «внешней» угрозы, которая бы существенно влияла на жизнедеятельность людей. Кроме того, существующие сегодня практики гражданской активности осуществляются преимущественно в сфере добровольчества и волонтерства, протестной активности, редко-в рамках реализации различных форм участия граждан в местном самоуправлении. Сложившаяся сегодня ценностная система общества существенно ограничивает практики коллективного действия и не позволяет расширять формы и виды гражданской активности.

Список литературы

Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3-11.

Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60-74.

Гужавина Т. А. Социальный капитал населения малых городов // Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России-жить в мире. Социология повседневности» 20 мая-14 ноября 2020 г. М., 2020. С. 191-195.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139.

Куракин Д. Ю. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. № 3. С. 167-231.

Макогон Т. И. Габитус, идентичность, обусловленность и когерентность в топологике местных сообществ // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2013. №. 6. С. 88-96.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3. С. 170-186.

Полищук Л. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46-65.

Реутов Е. В. Социальная солидарность в установках и практиках населения // Власть. № 4. 2016. С. 94-99.

Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. К вопросу о консолидации современного российского общества // Вестник Московского университета Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 98-118.

Тихонова Н. Е., Каравай А. В., Латова Н. В. Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4. С. 39-47.

Davies A. D. Civil Society. 2017. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118786352.wbieg0475 (дата обращения: 27.10.2020).

Henry L., Sundstrom L. Russian civil society. 2016. URL: https://books.google.ru/books (дата обращения: 27.10.2020).

Pinheiro F. L., Santos F. C, Pacheco J. M. Linking individual and collective behavior in adaptive social networks // Physical review letters. University of Chicago Press, Chicago, IL, 2016.

Shorrocks A., Davies J., Lluberas R. Global Wealth Report. Credit Suisse Research Institute. Zurich, 2019.

За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61% россиян. URL: https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327 (дата обращения: 11.11.2020).

Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения URL: https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/ (дата обращения: 08.11.2020).

Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. URL: http://doverie.zircon.tilda.ws/ (дата обращения: 02.11.2020).

Новые факторы социально-экономического неравенства: причины возникновения и пути их преодоления. URL: https://www.ranepa.ru/images/insap/factori-neravenstva.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

References

Aleksander, Dzh. (2002), “Rugged Utopias and Civilian Renovation”, *Sociological research*, (10), 3-11. *(In Russian).*

Bourdieu, P. (2002), “Forms of capital”, *Economic sociology*, (5), 60-74. *(In Russian).*

Guzhavina, T. A. (2020), “Social capital of the population of small towns”, *Materials of the X international sociological conference Grushinsky “Living in Russia – living in peace. Sociology of Everyday Life”*, Moscow, RF, May 20-November 14, 191-195. *(In Russian).*

Coleman, J. (2001), “Social and human capital”, *Social sciences and modernity*, (3), 121-139. *(In Russian).*

Kurakin, D. Yu. (2020), “The Tragedy of Inequality: Dehumanizing the ‘Total Man’”, *Sociological Review*, (3), 167-231. *(In Russian).*

Makogon, T. I. (2013), «Habit, identity, conditioning and coherence in the topology of local communities», *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Engineering of georesources*, 6, 88-96. *(In Russian).*

Ovcharova, L. N., Popova, D. O. and Rudberg, A. M. (2016), «Decomposition of the factors of income inequality in modern Russia», *Journal of the New Economic Association.* 3, 170-186. *(In Russian).*

Polishchuk, L. (2011), “Economic value of social capital”, *Questions of economy*, (12), 46-65. *(In Russian).*

Reutov, E. V. (2016), “Social solidarity in the attitudes and practices of the population”, *Power*, (4), 94-99. *(In Russian).*

Samsonova, T. N. and Shpuga, E. S. (2015), “On the question of the consolidation of modern Russian society”, *Bulletin of Moscow University Ser. 18. Sociology and Political* Science, (4), 98-118. *(In Russian).*

Tikhonova, N. Ye., Karavay, A. V. and Latova, N. V. (2019), “Human capital of Russian workers: state, dynamics, factors”, *Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. Humanities and social sciences*, (4), 39-47. *(In Russian).*

Davies A. D. (2017), *Civil Society*, available at:

https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118786352.wbieg0475 (Accessed 27.10.2020).

Henry, L. and Sundstrom, L. (2016), *Russian civil society*, available at: https://books.google.ru/books (Accessed 27.10.2020).

Pinheiro, F. L, Santos, F. C. and Pacheco, J. M. (2016), *Linking individual and collective behavior in adaptive social networks*, Physical review letters, University of Chicago Press, Chicago, IL.

Shorrocks, A., Davies, J. and Lluberas, R. (2019), *Global Wealth Report*, Credit Suisse Research Institute, Zurich.

During the pandemic, the level of trust in the state fell among 61% of Russians, available at: https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327 (Accessed 11/11/2020). *(In Russian)*

"Values, orientations and political participation of the Russian younger generation", available at: https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya (Accessed 08.11.2020). *(In Russian)*

"Value solidarity and public trust in Russia", available at: http://doverie.zircon.tilda.ws/ (Accessed 02.11.2020). *(In Russian)*

"New factors of socio-economic inequality: causes of occurrence and ways to overcome them", available at: https://www.ranepa.ru/images/insap/factori-neravenstva.pdf (Accessed 02.11.2020). *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2020 г. Поступила после доработки 28 ноября 2020 г. Принята к печати 01 декабря 2020 г.

Received 11 November 2020. Revised 28 November 2020. Accepted 01 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Хрипкова Дианна Вазгеновна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального иследовательского университета.

Dianna V. Khripkova, PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National research University.

Начкебия Майя Северияновна, старший преподаватель кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального иследовательского университета.

Mayya S. Nachkebia, Senior Lecturer, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National research University.

Реутова Марина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального иследовательского университета.

Marina N. Reutova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National research University.

Хрипков Кирилл Александрович, ассистент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального иследовательского университета.

Kirill A. Khripkov, Assistance Lecturer, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National research University.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.72

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5

Валиахметов Р. М.[1]
Туракаев М. С.[2]

Миграционный потенциал населения республики Башкортостан: основные факторы и направления миграции

[1)] Башкирский государственный университет
ул. Карла Маркса, д. 3, стр. 4, Уфа, 450076, Россия
rim_m_sifat@inbox.ru

[2)] Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. 50-летия Октября, д. 20, стр. 1, Уфа, 450005, Россия
mturakaev@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты социологических исследований, проведенных нами в 2015 и 2018 гг. в Республике Башкортостан. В ряду актуальных проблем региона они отчетливо обнаружили и вопросы миграционной активности населения. На основе анализа и сопоставления полученных данных выявлены особенности миграционного потенциала республики, основные факторы и векторы горизонтальной мобильности и миграции населения. Наряду с известными физическими (географическими) направлениями миграции, обращено внимание на такие содержательные (побудительные и мотивационные) его аспекты, как желание получить доступное и качественное образование, повысить материальное благосостояние, стремление к профессиональной самореализации. Отдельно выделены и проанализированы социально-экономические и социально-трудовые факторы, в том числе уровень жизни, наличие собственного жилья, социально-трудовой статус, смена места работы или специальности, тип населенного пункта, характер работы и соблюдение трудовых прав работников. Эмпирически проверены и подтверждены оценки авторов, согласно которым образовательная и трудовая миграция из республики приобретает массовый характер и перерастает в тенденцию, негативно сказывающуюся на конкурентоспособности региона.

Ключевые слова: потенциал миграции; материальное положение; социально-трудовое положение; неустойчивая занятость; факторы миграции; векторы миграции; социальная структура.

Информация для цитирования: Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Миграционный потенциал населения республики Башкортостан: основные факторы и направления миграции // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 69-86. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5.

Original article

Rim M. Valiakhmetov[1]
Marcel S. Turakayev[2]

Migration potential of the population of the republic of Bashkortostan: main directions and factors

[1)] Bashkir State University
bld. 4, 3, Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia
rim_m_sifat@inbox.ru

[2)] Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 20, 50-Let Oktyabrya St., Ufa, 450005, Russia
mturakaev@gmail.com

Abstract. The article presents the results of sociological surveys held in the Republic of Bashkortostan in 2015 and 2018. Among the urgent problems of the region, they clearly found issues of migration activity of the population. Based on the analysis and comparison of the obtained data migration potential of the republic, major factors and vectors of horizontal mobility and migration are revealed. Along with the well-known physical (geographical) directions of migration, attention is drawn to the other substantial (motivational) aspects of migration, such as the desire to get an affordable and high-quality education, improve material well-being, and the desire for professional self-realization. Socio-economic and socio-labor factors, including standards of living, availability of own housing, social and labor status, occupational or professional changes, place of living, nature of work and compliance with labor rights of employees are identified and analyzed. The authors' estimates, according to which educational and labor migration from the Republic becomes widespread and transforms into a trend that negatively affects the region's competitiveness, are empirically verified and confirmed.

Keywords: migration potential; economic conditions; socio-labor status; precarious work; migration factors; migration vectors; social structure

Information for citation: Valiakhmetov, R. M. and Turakayev, M. S. (2020), “Migration potential of the population of the republic of Bashkortostan: main directions and factors”, Research Result. Sociology and management, 6 (4), 69-86, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5.

Введение (Introduction). Актуальность миграционного потенциала регионов заключается в том, что в современной России усиливаются общие демографические проблемы и увеличивается миграционный отток населения из субъектов как внутри страны, так и за ее пределы. Конкуренция между регионами страны за человеческие ресурсы возрастает. Миграционный отток населения влияет и на экономику регионов,

и на потенциал рождаемости. Молодые люди, покинувшие регион на постоянное место жительства, вносят свой вклад в нереализованный потенциал рождаемости. Они будут создавать семьи и рожать детей уже в других регионах России или странах. Исследование и анализ факторов миграционного потенциала и миграционного оттока населения регионов становится все актуальнее в ряду других демографических проблем нашей страны.

По интенсивности внутрирегиональных миграционных потоков (абсолютный показатель по количеству людей, сменивших место постоянного жительства в пределах своего региона) Республика Башкортостан занимает первое место среди всех субъектов Российской Федерации (96,5 тыс. чел. по данным на 2018 г.)1. Для региона характерны, с одной стороны, высокий уровень постоянной миграции, с другой – широкое распространение и «культивирование» временной трудовой миграции. При этом Башкортостан традиционно является донором временных (в том числе вахтовых) трудовых мигрантов для других, в особенности центральных, западно-сибирских и соседних с республикой субъектов Российской Федерации. В этой связи важно понять, как в последние годы изменились основные векторы (направления миграции) и факторы, формирующие миграционный потенциал населения региона.

Методология и методы (Methodology and methods). По результатам всероссийского исследования Института социологии РАН «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» было выявлено, что в столицах (г. Москва и г. Санкт-Петербург) у населения более высокие доходы, больше сбережений. При этом между разными типами населенных пунктов нет существенной разницы в наличии стандартного перечня товаров длительного пользования и в долговых обязательствах населения. Жители сел и деревень активно пользуются платными образовательными услугами для взрослых и детей, но значительно реже, чем жители городов и столиц используют платные медицинские и оздоровительные услуги. Они же имеют сравнительно меньше возможностей для туристических и образовательных поездок за рубеж. Вместе с тем, обнаружилось и то, что жители регионов ценят образование больше, чем жители столиц. (Горшков и др., 2018: 241–250).

В целом, россияне считают, что в столицах в отличие от провинции сравнительно больше возможностей заняться бизнесом, обеспечить хорошее здоровье и высокий уровень жизни, получить качественное образование, найти работу, соответствующую полученной специальности, добиться успеха, жить свободно и достойно. В то же время, респонденты вышеупомянутого всероссийского исследования полагают, что спокойно жить, решить проблему с жильем и «воспитать хороших детей, огражденных от дурного влияния», в большей степени можно в провинции (Горшков и др., 2018: 261). Также молодые люди ценят в сельской местности тишину, чистый воздух и воду, природу, возможность иметь свой дом, участок и т.д. (Калачикова, Будилов, 2018: 7).

Применительно к селу и аграрной сфере следует подчеркнуть, что в России пока не удалось в полной мере осуществить переход к фермерскому хозяйству. Созданные в последние годы большие сельхозпредприятия и агрохолдинги стремятся извлекать больше прибыли и не заинтересованы в социальном развитии сельского общества, отчуждая тем самым работников от труда и своего социального окружения. (Анисимов,

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году // Росстат: [веб-сайт]. 2018. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 23.01.2020).

2016: 49–56). Личное подсобное хозяйство приносит определенную прибыль сельским жителям с относительно высокими доходами, а у представителей низкодоходных групп населения возникают большие трудности в связи с недостатком средств для ведения хозяйства и реализации продукции (Евдокимова, 2016: 65–70).

По данным социологических исследований, примерно 35% российской молодежи готово остаться жить в сельской местности. Притягивающими являются такие факторы, как «привязанность и привычка (здесь моя родина, здесь живут мои родные и близкие» – 29%), наличие собственного бизнеса – 15%, неуверенность в том, что смогут найти работу в городе – 9%, «материально тяжело подняться со старого места и уехать» – 8%. Выталкивающие факторы заключаются в отсутствии работы вообще или по своей специальности, низкой оплате труда, невысоком уровне развития инфраструктуры, системы образования, сферы культуры и досуга, а также отсутствии жизненных перспектив в селе (Колосова, 2016: 231–240). Среди сельских жителей, готовых переехать в город, 42% не могут найти работу, 30% не могут найти работу по специальности / профессии и 16% не удовлетворены условиями труда (Тощенко, 2016: 26). На готовность сельских жителей переехать в другое место жительства существенное влияние оказывает также социальный капитал. Примерно 42% респондентов, которые не хотели бы переезжать в город, рассчитывают на поддержку сельчан в трудное время, в отличие от тех, кто хотел бы переехать в город на постоянное проживание (35%) (Кученкова, 2016: 133).

Неформальность и неустойчивость труда, которая проявляется в несвоевременной оплате, не оформлении официальных трудовых отношений, неоплате отпуска, больничных листков и сверхурочных, в сравнительной большей мере характерна для сельских жителей, чем для жителей городов и, тем более, столиц России. Это связано с тем, что в сельских населенных пунктах меньше доля специалистов, работа которых предполагает высшее образование, а также служащих, занятых выполнением рутинного нефизического труда (Аникин, 2018: 53–54).

Чем меньше населенный пункт, тем больше процент респондентов, которые имеют опыт смены места жительства. При этом высокая миграционная активность сельских жителей в большей мере связана с переездом в другие сельские населенные пункты. Миграционный опыт характерен больше для руководителей, работников сферы торговли и услуг, рабочих, использующих ручной труд, низкоквалифицированных рабочих всех отраслей; меньше данного опыта среди специалистов среднего уровня и обслуживающего персонала (Сушко, 2017: 110–113).

Миграция некоторых групп постоянного населения из сельской местности в большинстве случаев остается «незамеченной» местными и региональными органами управления. Например, вахтовые работники, которые не учитываются ни органами местного самоуправления, ни региональными органами власти и другими службами. То же самое касается и дачников, других субъектов субурбанизации и дезурбанизации, которые покупают или наследуют деревенские дома и превращают их в места временного проживания и отдыха. Инфраструктура сельской местности во многих регионах страны находится в запущенном состоянии. Связано это с оттоком постоянного населения, из-за чего государство не видит причин для поддержания и развития социальной инфраструктуры. С другой стороны, в эту местность не будут стремиться и дачники, которые могли бы дать толчок в развитии села (Ильин, 2016: 25).

Отток сельского населения в последние годы происходит в большей мере из

южных, северных и восточных регионов страны. Анализируя эти процессы, Нефедова Т. Г. выделяет следующие основные причины и факторы миграции сельского населения в России. Это слабое развитие инфраструктуры в селе, неблагополучные природные условия в некоторых районах, «редкая» сеть городов, естественная убыль населения, большая разница в уровне жизни между селом и городом, возвратная (вахтовая) мобильность, безработица, трудности развития малого и среднего бизнеса, централизация бюджетной политики (Нефедова, 2018: 1–12).

Объектом первого социологического опроса «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (N = 6300, 2015 г) было население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка исследования формировалась по семи социально-экономическим зонам региона и контролировалась по таким признакам, как пол, возраст и уровень образования на этапе отбора респондента в домохозяйстве по маршруту. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса. Второе исследование «Развитие человеческого потенциала Республики Башкортостан» проводилось Башкирским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в 2018 г. (N = 2700). Метод исследования и дизайн выборки совпадают с характеристиками первого социологического опроса.

Миграционный отток и его факторы мы рассматриваем сквозь призму миграционного потенциала местного населения. Миграционный потенциал населения региона – число местных жителей, которые готовы сменить свое постоянное место жительства на другое как внутри региона, так и за его пределами. Миграционный потенциал населения влияет на изменение человеческого потенциала населения региона.

На миграционный потенциал региона оказывают воздействие в первую очередь социально-экономические, социально-демографические и социокультурные факторы, которые рассматриваются в данной статье. Мы определяем выталкивающие факторы миграции как факторы, увеличивающие потенциал миграционного оттока населения, а притягивающие факторы миграции как факторы, сокращающие потенциал миграционного оттока населения.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Трансформация социальной структуры региона под воздействием миграции.* Степень влияния социально-экономических, образовательных и социально-трудовых факторов на миграционный потенциал населения можно обнаружить и понять посредством анализа изменений в социальной структуре в результате миграции. Рассмотрим, какие изменения происходят в социальной структуре региона под воздействием миграционных процессов. По данным Башкортостанстата за 2018 год в другие субъекты Российской Федерации уехали больше всего лица с высшим образованием (-2443 чел.), а положительный баланс был выше среди людей со средним общим образованием (+226 чел.). С точки зрения уровня и качества образования это свидетельствует об ухудшении человеческого капитала Башкортостана: более образованные люди уезжают, а менее образованные приезжают. Из-за рубежа в республику мигрируют в основном люди со средним общим (+2744 чел.) и со средним профессиональным образованием (+955 чел.). Отток населения из региона происходит как из города, так и из сельской местности. По брачному статусу уехали из региона в большей мере лица, состоящие в браке и никогда не состоявшие в браке.

За 2018 год среди мигрантов в возрасте 14 лет и более, которые до переселения осуществляли трудовую деятельность, саль-

до миграции отрицательное по следующим позициям: руководитель, специалист, иной служащий, рабочий и самозанятый. Положительное сальдо наблюдается только в таких отраслях экономики, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых и другая отрасль экономики.

Потенциал постоянной миграции населения в социальной структуре региона зависит от целого ряда социально-демографических (возраст, пол, брачный статус, здоровье, наличие детей) и социально-трудовых (стабильность рабочих мест, трудовой статус работника, характер труда и т.д.) факторов. Отчетливо наблюдается закономерность: чем старше респонденты, тем меньше среди них желающих уехать. Больше всего планировали уехать из региона холостые, незамужние и лица, никогда не состоявшие в браке. Наибольшей готовностью мигрировать обладают те респонденты, которые не имеют детей. Прослеживается прямая пропорциональная зависимость между состоянием здоровья и готовностью переехать: чем хуже здоровье человека, тем меньше у него готовность переехать на другое место жительства. Неустойчивые трудовые отношения практически всегда способствуют готовности к переезду. Респонденты, которые меняли место работы за последние три года, отличаются существенно большей миграционной активностью. Неполный рабочий день также является одним из признаков готовности переехать в другое место жительства. Факт официального оформления на работе, напротив, является фактором «закрепления» и устойчивости социально-экономического положения человека (Валиахметов и др., 2018: 147-156).

Сфера свободного времени логически взаимосвязана с потенциалом миграции. Некоторые досуговые практики свойственны опрошенным местным жителям, которые проявляют готовность к переезду и тем, кто не хочет переезжать. Например, доля тех, кто ходит в кино, слушает музыку, занимается самообразованием, спортом, сидит в Интернете, играет в компьютерные игры выше среди респондентов, готовых к переезду как внутри региона, так и за его пределы (Туракаев, 2019: 119-127). Конечно, это в основном молодежь.

Трудовой статус. Положение человека на рынке труда определяется ключевыми социально-трудовыми особенностями, которые в совокупности складываются в трудовой статус. В свою очередь, он характеризуется либо перманентностью и устойчивостью, либо временным характером и неустойчивостью.

Независимо от трудового статуса в сравнительно большей степени планировали свой переезд в 2018 году молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет (табл. 1). По данным опроса 2018 года в Башкортостане 59% респондентов имели постоянную работу, 8% – временную и 33% – не работали по разным причинам.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от трудового статуса и возраста (2018 г.), % от числа ответивших

Table 1

Distribution of answers to the question “When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?” depending on the labor status and age (2018), % of respondents

Трудовой статус / Labor status	Возраст (лет) / Age (years)	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	из них					Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
				в г. Уфу, столицу региона / To the city of Ufa, the capital of the region	в другой город своего региона / To another city in your region	в другой сельский р-н своего региона / To another rural municipal district of	в другой регион России / To another region of Russia	в другую страну / To another country		
Постоянная работа / Permanent work	15-34	69,4	17,6	6,4	3,6	0,4	5,1	1,9	13,1	100
	35-54	81,9	7,4	2,6	0,9	1,1	2,3	0,5	10,8	100
	55+	80,8	7,0	5,1	0,5	0,9	0,0	0,5	12,2	100
Временная работа / Temporary work	15-34	57,5	21,3	7,5	2,5	0,0	10,0	1,3	21,3	100
	35-54	71,1	10,5	5,3	1,3	0,0	1,3	2,6	18,4	100
	55+	87,5	7,5	7,5	0,0	0,0	0,0	0,0	5,0	100
Нет работы / No work	15-34	50,2	30,2	14,8	0,3	0,3	9,6	5,2	19,6	100
	35-54	73,1	16,8	0,8	1,7	0,8	10,9	2,5	10,1	100
	55+	93,2	3,3	1,2	0,0	0,2	1,9	0,0	3,5	100
n (чел.) / n (pers.)		1931	307	124	31	16	101	35	292	2530

К потенциальной готовности уехать на другое место жительства приводит не только отсутствие занятости, но и временный (не постоянный) характер работы. Этот фактор является весьма заметным, он существенным образом сказывается на готовности местных жителей мигрировать за пределы своего села и города. Фактор дополнительной работы также больше свойственен потенциальным мигрантам, чем жителям, не готовым к переезду. В 2018 г. среди лиц, планировавших сменить постоянное место

жительства, 19% респондентов помимо основной занятости указали дополнительную работу; 9% опрошенных не имели ее.

Вызывает особый интерес категория неработающих людей. Каким миграционным потенциалом они обладают, чем они занимаются в сравнении с другими группами? По данным опроса 2018 года, планировали переехать в другое место жительства 14% неработающих респондентов. Среди учащихся и студентов таковых 42%; среди безработных – 20%; среди лиц, занимающихся домашним хозяйством – 8%; среди пенсионеров (по возрасту и инвалидности) – 4% респондентов.

На планы людей уехать в другое место жительства влияет не только смена места работы, но и такие причины, как смена профессии и (или) специальности. Объективные проблемы и субъективные трудности, связанные с низким престижем профессии в обществе (31% этой категории респондентов планируют переехать), неудовлетворенностью содержанием выполняемой работы (30%) и невозможностью реализовать себя в профессии являются самыми популярными факторами готовности к смене места постоянного жительства среди респондентов, поменявших профессию за последние 10 лет (опрос 2015 г.).

Наибольшим потенциалом миграции как внутри региона, так и за его пределы обладают учащиеся общеобразовательных школ и студенты (табл. 2). При этом 15% молодых людей планировали переехать в другой регион, 5% – в другую страну и 24% – в столицу Республики Башкортостан – г. Уфу.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от должности по социально-трудовому статусу (2015 г.), % от числа ответивших

Table 2

Distribution of answers to the question “When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?” depending on the position by social and labor status (2015), % of respondents

Основной род занятий / Main occupation	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
Руководитель, зам. руководителя, начальник крупного подразделения / Head, Deputy Head, Head of a large division	79	8	13	100
Руководитель отдела, группы, службы, проекта / Head of a department, group, service, project	71	10	19	100
Специалист без руководящих функций / Specialist without leadership roles	66	14	19	100
Работник, преимущественно физического труда / Worker, mainly manual labor	71	14	15	100
«Работаю на себя» / "Work for my-	75	10	15	100

Основной род занятий / Main occupation	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
self"				
Безработный / Unemployed	63	17	20	100
Неработающий пенсионер / Unemployed pensioner	90	3	8	100
Учащийся, студент / Pupil, Student	28	48	24	100
Неопределившиеся (нет ответа) / Undecided (no answer)	47	26	27	100
Другое / Other	50	24	26	100
Все группы / All groups	69	15	17	100
n (чел.) / n (pers.)	3559	752	865	5176

Дополнительные индикаторы, характеризующие работу респондентов в соответствии с нормами Трудового кодекса РФ, помогают прояснить некоторые особенности административно-правовых и социально-трудовых факторов миграционного потенциала населения (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от административно-правовых и социально-трудовых факторов (2018 г.), % от числа ответивших

Table 3

Distribution of answers to the question “When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?” depending on the administrative and legal, and social-labor factors (2018), % of respondents

Административно-правовые и социально-трудовые факторы / Administrative and legal, social-labor factors	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
Вам уменьшали зарплату или сокращали часы работы не по Вашему желанию? (за последний год) / Was your salary or hours of work reduced against your wish? (for the last year)				
Да / Yes	62	20	18	100
Нет / No	81	9	11	100
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	66	14	21	100
n (чел.) / n (pers.)	1226	171	206	1603
Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск? (за последний год) / Did the administration send you on a forced unpaid leave? (for the last year)				
Да / Yes	63	19	17	100
Нет / No	79	10	12	100
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	63	17	20	100
n (чел.) / n (pers.)	1206	171	204	1581

Административно-правовые и социально-трудовые факторы / Administrative and legal, social-labor factors	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
Вы были в оплачиваемом отпуске? (за последний год) / Have you been on a paid vacation? (for the last year)				
Да / Yes	82	9	9	100
Нет / No	67	12	20	100
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	67	19	14	100
n (чел.) / n (pers.)	1245	176	208	1629

Такие показатели, как уменьшение зарплаты и сокращение часов работы, а также факт пребывания в вынужденном неоплачиваемом отпуске выступают как выталкивающие факторы и, соответственно, способствуют возможной миграции.

Уровень жизни. Особенности уровня жизни существенно влияют на потенциал миграции. Они также связаны с трудовым статусом, но при этом оказывают независимое от других факторов воздействие на готовность переехать в другое место жительства.

По данным нашего исследования респонденты, которые не имеют собственного жилья или живут в общежитие, в большей мере готовы переехать на другое место постоянного проживания (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от типа жилья (2018 г.), % от числа ответивших

Table 4

Distribution of answers to the question “When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?” depending on the type of housing (2018), % of respondents

В каком типе жилья Вы (Ваша семья) живете? / What type of housing do you (your family) live in?	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
Отдельная квартира, оформленная в Вашу личную собственность / Separate apartment in your personal ownership	79	11	11	100
Отдельная квартира, оформленная в долевую собственность членов семьи / Separate apartment in shared ownership of family members	79	9	11	100
Квартира, предоставленная предприятием (служебная квартира) / Enterprise-provided apartment (service apartment)	48	24	28	100
Государственная (муниципальная) кварти-	56	32	12	100

В каком типе жилья Вы (Ваша семья) живете? / What type of housing do you (your family) live in?	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals
ра, не оформленная в Вашу собственность / State (municipal) apartment not in your property				
Снимаете, арендуете квартиру (комнату, дом) / Renting an apartment (room, house)	59	24	17	100
Общежитие / Dormitory	50	26	24	100
Собственный дом (часть дома) в городе или за городом / Own house (part of a house) in a city or outside a city	80	6	14	100
Собственный дом в сельской местности / Own house in a rural areas	81	11	8	100
n (чел.)	1981	307	293	2581

На такую ситуацию однозначно указывают результаты и более раннего опроса населения (2015 г.), согласно которому среди лиц, арендующих дом или часть дома, переезд планировали 25% респондентов; а среди тех, кто арендовал квартиру или комнату – 16%. Эти данные подтверждают вывод о том, что наличие собственного жилья и крепкого хозяйства являются сдерживающими факторами миграции населения.

Не однозначна, но достаточно показательна зависимость готовности к переезду населения от материальной обеспеченности семьи и уровня личных доходов (рис. 1). Наибольшим миграционным потенциалом и, соответственно, намерением его реализовать, обладает самая бедная группа респондентов, зафиксировавшая позицию «денег не хватает даже на питание», каждый пятый из которых заявил о готовности сменить постоянное место жительства. Однако миграционный потенциал высок и в самых обеспеченных группах.

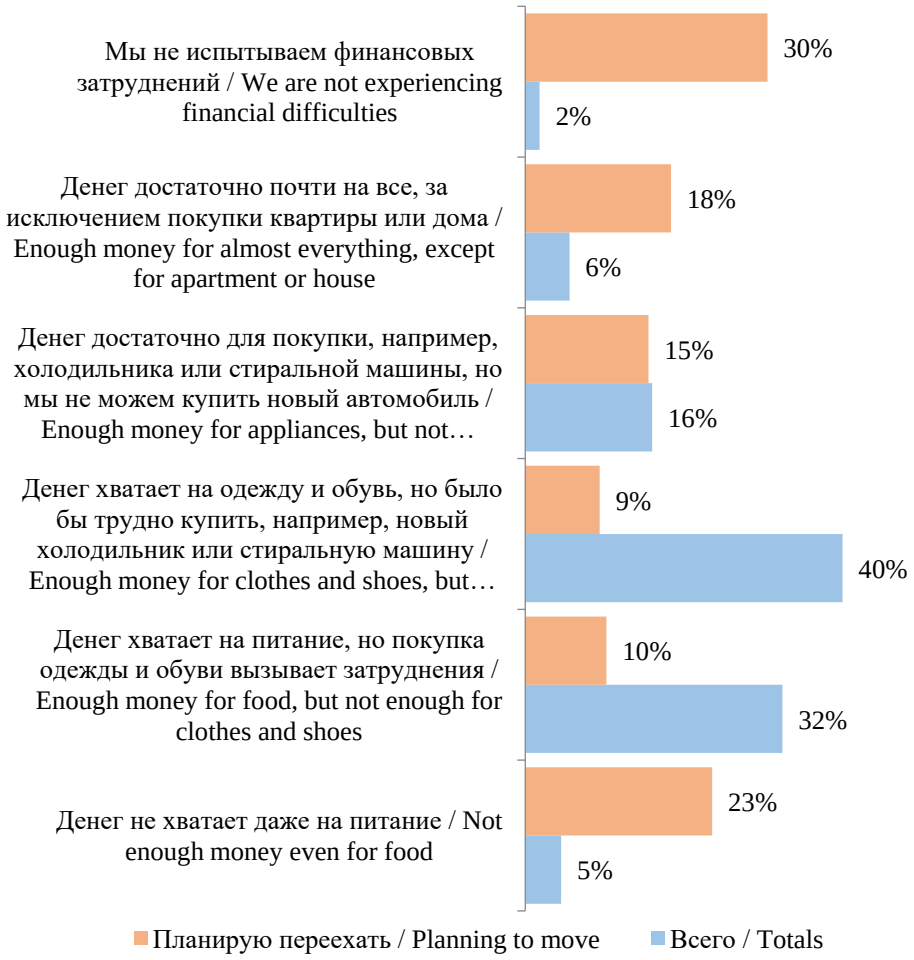


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от личных доходов (2018 г.), % от числа ответивших

Fig. 1. Distribution of the answers to the question “When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?” depending on the personal income (2018), % of respondents

Взаимосвязь приоритетных материальных и нематериальных сторон жизни и готовности населения сменить место жительства может показать и, следовательно, подсказать нам, что в первую очередь нужно изменять и улучшать в жизни людей, чтобы оптимизировать миграционные потоки и уменьшить их негативное воздействие. Как видно из таблицы 5 статус в обществе, место проживания, а также возможности для получения образования и профессиональной самореализации выступают одними из основных факторов готовности сменить место жительства. Среди этих групп сравнительно больше процент лиц, планирующих переехать как внутри региона, так и в другой регион, другую страну.

Миграционные ожидания зависят также от ощущения респондентами своего положения в социальной структуре общества (рис. 2). В данном случае положение в структуре определялось без каких-либо критериев.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от направлений улучшения своей жизни (2015 г.), % от числа ответивших

Table 5

Distribution of answers to the question “When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?” depending on the directions of improving your life (2015), % of respondents

Какие стороны своей жизни Вы хотели бы улучшить в первую очередь? (множественные ответы) / What aspects of your life would you like to improve first? (multiple answers)	Не планируют переезд / Not planning to move	Планируют переезд (все направления) / Planning to move (all directions)	Затрудняются ответить / Difficult to answer	Всего / Totals	n (чел.) / n (pers.)
Питание / Food	74	12	15	100	1107
Одежда и обувь / Clothing and Shoes	68	14	18	100	1273
Жилищные условия / Housing conditions	68	15	17	100	2931
Состояние здоровья / Health status	77	9	14	100	2911
Материальная обеспеченность / Material security	70	13	17	100	3561
Место, где Вы живете (город, село) / The place, where you live (city, village)	59	24	18	100	872
Отношения в семье / Family relationships	65	19	16	100	664
Общение с друзьями / Socializing with friends	68	19	13	100	297
Положение, статус в обществе / Position, status in society	57	25	18	100	367
Возможность получения необходимых знаний и образования / The opportunity to obtain necessary knowledge and education	50	28	22	100	648
Ситуация на работе / Work situation	64	16	20	100	464
Возможность реализовать себя в профессии / The opportunity to realize yourself in profession	51	32	17	100	812
Личная безопасность / Personal safety	76	12	12	100	417
Возможности проведения досуга / Leisure opportunities	68	17	15	100	734
Возможности отдыха в период отпуска / Vacation options	70	13	18	100	1753
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	60	8	33	100	298

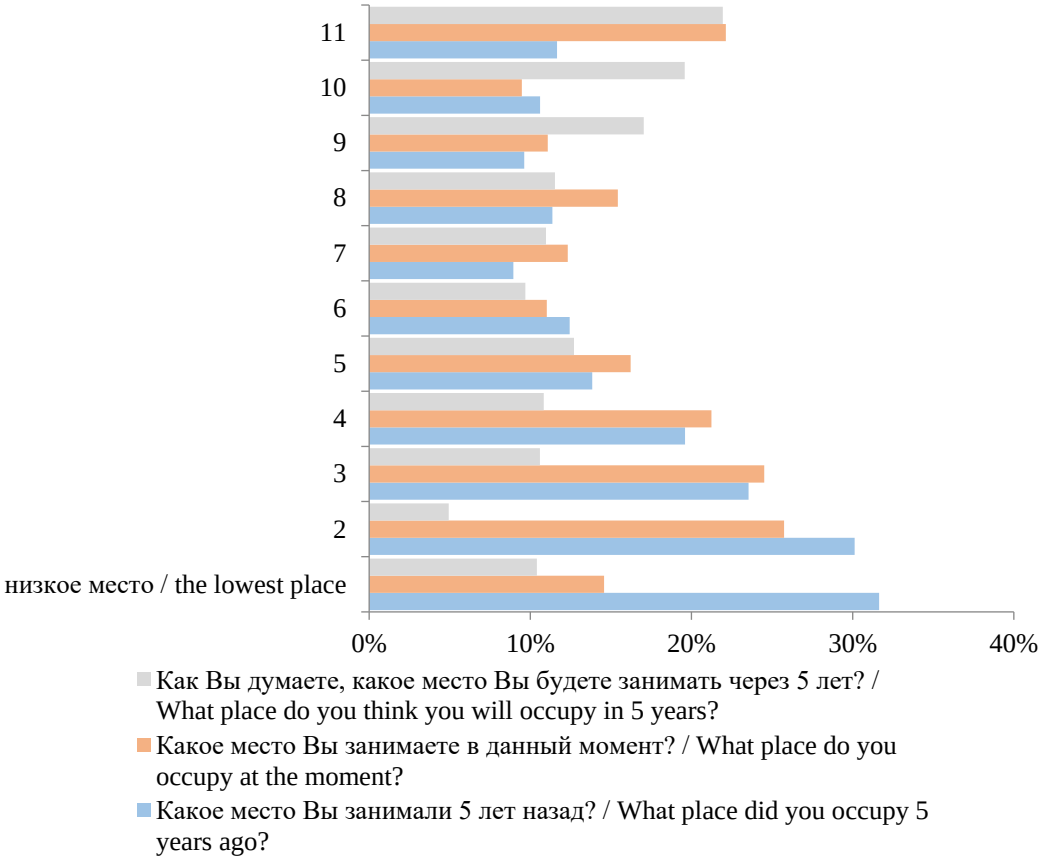


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Строя планы на будущее, связываете ли Вы свою дальнейшую жизнь с городом/селом, деревней, где живете в настоящее время?» в зависимости от самоощущения в социальной структуре (2015 г.), % от числа ответивших
Fig. 2. Distribution of answers to the question "When making plans for the future, do you tie your future life with the city / village, where you live now?" depending on the self-perception in the social structure (2015), % of respondents

Наибольшим желанием переехать обладают те местные жители, которые пять лет назад занимали самые низкие позиции по оцениваемой респондентами одиннадцатибалльной шкале и те, кто рассчитывает в ближайшие пять лет переместиться в верхнюю часть социальной лестницы. В целом, миграционные ожидания коррелируют с субъективным представлением респондентов о своем социальном положении. Миграционные установки местных жителей напрямую связаны с перспективой занять более высокий статус и соответствующие позиции в социальной структуре.

Тип населенного пункта. Географическое положение и тип населенного пункта рассматриваются в научной литературе как факторы миграционного поведения жителей России. По нашим данным, миграционный потенциал населения Башкортостана не зависит от того, в какой местности проживают местные жители. Так, готовы были сменить место жительства (населенный пункт) по 12% респондентов из сельской местности, столицы региона г. Уфы и из других городов республики (опрос 2018 г.). По данным более масштабного опроса 2015 года, 15% городских жителей планировали переезд и

13% – сельских жителей. Как видно, серьезных различий между городом и селом в миграционном потенциале нет.

Притягивающие и выталкивающие факторы миграции. Опираясь на теорию притягивающих и выталкивающих факторов миграции мы попытались определить их типы применительно к объективным и субъективным составляющим этих факторов. Объективные факторы мы определили на основании социального статуса респондентов в материальной и трудовой сферах. Субъективные факторы – исходя из оценочных суждений местных жителей различных жизненных фактов и перспектив, а также их индивидуальных, в т.ч. социально-демографических особенностей. Объективными выталкивающими факторами населения республики являются: временная работа или отсутствие занятости, наличие дополнительной работы, аренда жилья или проживание в общежитии, низкие доходы, нарушения трудовых прав, неполная и неформальная занятость, факт смены места работы и профессии, а также проживание в городской местности (не в столице региона) и райцентрах. Объективные притягивающие факторы: возможности карьерного роста и профессиональной самореализации; образовательные перспективы (уровень, качество образования и расширенный выбор специальностей); работа, соответствующая уровню квалификации и специальности.

Неудовлетворенность респондентов своей должностью, зарплатой, содержанием работы и обязанностями, отношением с руководством, а также низкая оценка перспектив развития своей карьеры составляют субъективные выталкивающие факторы. К данному типу мы относим принадлежность к молодому поколению с вытекающими из этого особенностями: отсутствие семьи и детей, навыки пользования компьютером, Интернетом и другими современными технологиями, интерес к новому и т.д. Субъективные притягивающие факторы связаны со стремлением повышать свой уровень образования, получить интересную работу, повысить социальный статус в обществе, а также жить в интересном месте, участвуя в городских современных досуговых практиках.

Заключение (Conclusions). Миграционный потенциал населения зависит не только от безработицы в смысле отсутствия работы или недостаточного количества предложений на рынке труда, но и от таких форм неустойчивой занятости, как неформальная занятость, неполная занятость, частая смена места работы, работа не по специальности и смена профессии, временный характер работы, наличие дополнительной работы, сокращенное время работы и т.д. Подтверждается высокая степень готовности выехать в другое место жительства среди учащейся молодежи. Эта готовность постепенно приобретает массовый характер и имеет все признаки перерастания в тенденцию, внутренние (сущностные) черты которой проявляется в том, что население региона все больше озадачено вопросами повышения уровня и качества жизни, получения доступного и качественного образования, профессиональной самореализации и построения карьеры.

По нашим социологическим данным, наибольшим потенциалом миграции обладают диаметрально противоположные по уровню дохода группы населения – самые бедные и самые богатые. Именно эти слои населения выражают большую готовность переехать в другое место жительства; среди них много и тех, кто планирует переезд в сельскую местность поближе к городским агломерациям.

Отсутствие собственного жилья остается одним из основных негативных факторов, препятствующих закреплению людей на одном месте. Оно характеризует так называемое поселенческое неравенство в

регионах России, которое проявляется в следующем социальном факте: там, где есть работа, нет жилья; и, наоборот, там, где можно было бы сравнительно дешевле построить дом или купить квартиру, нет работы или очень низкая оплата труда.

На потенциал миграции населения не оказывает существенного влияния проживание в сельской или городской местности республики. Сравнительно выше готовность к переезду у жителей районных центров и городов, за исключением столицы региона.

От совокупности и сочетания вышеназванных факторов в значительной степени зависят не только миграционные установки, но и жизненные планы населения. Достаточно большая (в нашем случае, примерно 25%), относительно молодая (в основном, до 35 лет) группа жителей для реализации своих жизненных планов и стратегий выбирает учебу и работу, профессиональную самореализацию и трудовую карьеру в других, чаще крупных, городах и центрах. Другая часть населения продолжает оставаться в сельской местности или малых городах с ограниченными возможностями рынка труда и реализует свой образовательный потенциал и трудовые навыки в основном на сезонных работах, либо вахтовым методом.

Список литературы

Аникин В. А. Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 44-63. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.537.

Анисимов Р. И. Социально-экономическая трансформация смысла жизненного мира российских крестьян // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 33-59.

Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С., Аитов С. Г. Трудовая миграция как фактор человеческого потенциала Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 6. С. 147-156.

Горшков М. К., Аникин В. А., Каравай А. В., Латова Н. В., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Жители столиц и провинций: динамика социально-экономического положения и взаимовосприятия // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа; Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. С. 239-268.

Евдокимова Т. Г. Материальное благополучие как смысл сельской жизни // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 59-84.

Ильин В. И. Двумирность как принцип социально-территориальной организации // Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества: коллективная монография / сост. и науч. ред. В. И. Ильин, Н. Е. Покровский. М.: Университетская книга, 2016. С. 11-32.

Калачикова О. Н., Будилов А. П. Отток молодежи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования // Социальное пространство. 2018. № 3 (15). С. 1-9. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.1.

Колосова Е. А. Жизнеобразующие смыслы сельской молодежи // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 231-251.

Кученкова А. В. Социальный смысл межличностных отношений и взаимопомощи на селе // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 121-142.

Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1-12.

Сушко П. Е. Методологические особенности изучения миграции и миграционных биографий российской молодежи // ИНАБ № 2 – 2017. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении (Электронное издание) /

(М. К. Горшков и др.); Отв. редактор М. К. Горшков. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. С. 106-114.

Тощенко Ж. Т. Смыслы жизненного мира сельских жителей // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 11-32.

Туракаев М. С. Образовательный уровень и культурный капитал как факторы миграции населения (на примере жителей Республики Башкортостан) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4 (7). С. 119-127. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6805.

References

Anikin, V. A. (2018), "Employment in Post-crisis Russia: the Role of Settlement Inequalities", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (27), 44-63. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.537. *(In Russian)*

Anisimov, R. I. (2016) "Socio-economic Transformation of the Sense of the Russian Peasant's Life World", in Toshchenko, Zh. T. (ed.) *The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)*, Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, 33-59. *(In Russian)*

Valiakhmetov, R. M., Baymurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Aitov, S. G. (2018), "Labor Migration as a Factor of Human Development in the Republic of Bashkortostan", *Economics and Management: Research and Practice Journal*, (6), 147-156. *(In Russian)*

Gorshkov, M. K., Anikin, V. A., Karavay, A. V., Latova, N. V., Lezhnina, Yu. P., Mareeva, S. V. and Tikhonova, N. E. (2018), "Capitals and Provinces Residents: the Dynamics of Socio-Economic Status and Mutual Perceptions", in Gorshkov, M. K. and Petukhov, V. V. (eds.) *Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis*, Ves Mir, Moscow, 239-268. *(In Russian)*

Evdokimova, T. G. (2016), "Material Well-being as the Meaning of Rural Life", in Toshchenko, Zh. T. (ed.) *The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)*, Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, 59-84. *(In Russian)*

Ilyin, V. I. (2016), "Duality as a Principle of Socio-territorial Organization", in Ilyin, V. I. and Pokrovsky, N. E. (eds.) *Citizens in the Village. Sociological Studies of the Russian Province: Deurbanization and Rural-urban Communities*, Universitetskaya kniga, Moscow, 11-32. *(In Russian)*

Kalachikova, O. N. and Budilov, A. P. (2018), "Youth Urbanization: Motives and Regulation Options", *Social Area*, (3), 1-9. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.1. *(In Russian)*

Kolosova E. A. (2016) "Life-forming Senses of the Rural Youth", *Smysly sel'skoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)*, (The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)), in: Toshchenko Zh. T. (ed.), Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing, 231-251. *(In Russian)*

Kuchenkova A. V. (2016) "The Social Sense of Interpersonal Relations and Mutual Help in the Countryside", in Toshchenko, Zh. T. (ed.) *The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)*, Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, 121-142. *(In Russian)*

Nefedova, T. G. (2018), "Factors and Trends of the Structure of Rural Settlements in Russia", *Socio-economic Geography. Bulletin of the Association of Russia's Social Geographers*, (7), 1-12. *(In Russian)*

Sushko, P. E. (2017), "Methodological Features of the Study of Migration and Migration Biographies of Russian Youth", INAB № 2, in Gorshkov, M. K. et al. (ed.), *Youth Employment in the Motivational and Structural Dimension (Electronic edition)*, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, 106-114. *(In Russian)*

Toshchenko, Zh. T. (2016), "Senses of the Rural Resident's Life World", in Toshchenko, Zh. T. (ed.), *The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)*, Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, 11-32. *(In Russian)*

Turakayev, M. S. (2019), "The Level of Education and Cultural Capital as Migration Factors (Based on People Living in the Republic of Bashkortostan)", *Sociological Science and Social Practice*, (4), 119-127. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6805. *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 07 ноября 2020 г. Поступила после доработки 17 ноября 2020 г. Принята к печати 01 декабря 2020 г.

Received 07 November 2020. Revised 17 November 2020. Accepted 01 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Валиахметов Рим Марсович, кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, руководитель Научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета.

Rim M. Valiakhmetov, Candidate of Sociology, Dean, Department of Philosophy and Sociology, Bashkir State University; Director, Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Bashkir State University.

Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Marcel S. Turakayev, Candidate of Sociology, Senior Research Fellow, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-6

Просянюк Д. В.[1]
Кислицина И. Д.[2]

Компаративный анализ оценок значимости проблем социально-экономического развития регионов России

[1)] Независимый исследователь, США
6014 Sanctuary Garden Blvd., Port Orange, Volusia County, FL 32128, USA
Объединенная металлургическая компания
Озерковская наб., д. 28, стр. 2, 115184, Москва, Россия
darya.prosyanyuk@gmail.com

[2)] Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
i.letina@list.ru

Аннотация. В статье описаны результаты комплексного анализа оценок актуальности проблем социально-экономического развития российских регионов с точки зрения населения, экспертного сообщества и средств массовой информации. Акцент сделан на описание повестки дня региональных медиа как ключевых коммуникационных посредников между властью и гражданами. В условиях внедрения инструментов управления бизнесом в деятельность органов власти актуализируется необходимость адекватного применения сопутствующих инструментов, в частности, информационного обеспечения управленческой деятельности. Значимость изучения содержания и структуры повестки дня средств массовой информации, как основного источника знаний об окружающем мире для большинства населения, обусловлена их ключевой ролью в процессах модернизации экономики и общества: сегодня медиа являются одновременно источниками информационной повестки и координаторами обратной связи между обществом и органами власти. Целью нашего исследования является выявление информации о состоянии социально-значимых проблем в регионах с точки зрения различных субъектов – средств массовой информации, населения и экспертного сообщества. Общей методологической рамкой исследования является стратегия смешивания методов как способ интеграции количественных и качественных методов сбора и анализа данных. Для достижения цели была разработана методика компаративного измерения социальных процессов, результаты апробации которой показали ее высокую эффективность для решения задачи оценки реальной проблемной ситуации в регионах в условиях реализации нацпроектов. Эмпирические работы проводились на данных, собранных 4-х пилотных регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. Для формализации и оценки различий мнений населения,

экспертного сообщества и повестки СМИ предложен индекс «недооцененности» социально-экономических проблем региона. В результате исследования были зафиксированы существенные недостатки информационного обеспечения процессов управления, в том числе хода реализации национальных проектов. В материалах статьи наглядно показано, что актуальность ряда проблем намеренно преувеличивается, в то время как значимость других умаляется или полностью игнорируется. Также исследование продемонстрировало, что главенствующая роль в обсуждении проблем принадлежит региональным властям и диагностировало весьма тревожный симптом – уверенность значительного числа граждан и профессиональных экспертов в том, что деятельность властей направлена исключительно на удовлетворение собственных потребностей. Ключевой проблемой информационного освещения национальных проектов в региональных медиа можно считать недостаток доступной информации об их целях и ходе реализации. Исследовательские работы в соответствии с разработанной методикой и выходом на формулировку конкретных рекомендаций по повышению эффективности проведения информационного обеспечения хода реализации нацпроектов и вовлечения заинтересованных сторон (в первую очередь, населения) в обсуждение и выработку проектных решений будут продолжены в 2021 году.

Ключевые слова: национальные проекты; региональные средства массовой информации; социальная субъектность; государственная информационная политика; повестка дня.

Информация для цитирования: Просянюк Д. В., Кислицина И. Д. Компаративный анализ оценок значимости проблем социально-экономического развития регионов России // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 87-111. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-6

Original article

Daria V. Prosyanyuk[1]
Irina D. Kislitsyna[2]

Significance of problems of socio-economic development of Russian regions and their comparative analysis

[1)] Independent Researcher, USA
6014 Sanctuary Garden Blvd., Port Orange, Volusia County, FL 32128, USA
United Metallurgical Company (OMK)
28 – 2, Ozerkovskaya nab., Moscow, 115184, Russia
darya.prosyanyuk@gmail.com

[2)] Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
i.letina@list.ru

Abstract. The article deals with a study of media agenda as an indicator in the diagnosis of socio-economic development of Russian regions. The practice of implementation of business management tools into activities of government bodies dictates the need for

adequate use of related tools, in particular, information support. Today, mass media plays a key role in the process of economic modernization. From the functional point of view, mass media is both an agenda-setting actor and a coordinator of feedback between society and local authorities. The purpose of our research is to identify and compare opinions concerning the condition of socially significant problems in Russian regions from the point of view of mass media, population and local expert community. The methodological framework of the study is the strategy of mixing methods as a way to integrate quantitative and qualitative methods of data collection and analysis. To achieve the goal, we have devised a special technique to compare measurements of opinions of different actors. The technique is highly effective to solve a problem of assessing the real problem situation in the regions in the context of national projects. Empirical work was carried out on data collected from 4 regions with different levels of socio-cultural modernization. To formalize and evaluate differences in the opinions of population, expert community, and media agenda, an index of "underestimation" of socio-economic problems in the region is proposed. The study revealed significant shortcomings in the information support of management processes, including the implementation of national projects. The article clearly shows that the relevance of some problems is deliberately exaggerated, while the significance of others is diminished or completely ignored. The study also showed that the regional authorities play a leading role in discussing problems and diagnosed a very disturbing symptom – the confidence of a significant number of citizens and professional experts that the authorities' activities are aimed solely at meeting their own needs. The key problem of information coverage of national projects in regional media can be considered as the lack of available information about their goals and implementation. The research aimed to formulation of specific recommendations to improve the effectiveness of information support for the implementation of national projects and the involvement of stakeholders (primarily the population) in the discussion and development of project solutions will continue in 2021.

Keywords: national projects; regional mass media; social subjectivity; state information policy; media agenda

Information for citation: Prosyanyuk, D. V. and Kislitsyna, I. D. (2020), “Significance of problems of socio-economic development of Russian regions and their comparative analysis”, Research Result. Sociology and management, 6 (4), 87-111, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-6

Введение (Introduction). В начале 2000-х годов в России возникла практика внедрения инструментов управления бизнесом в деятельность органов власти. Первым инструментом комплексного решения целевых задач стали федеральные целевые программы, в дальнейшем в практику управления вошли национальные проекты и государственные программы. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года (далее – майский Указ, Указ) установлены новые национальные проекты (далее – нацпроекты); согласно генеральному целеполаганию, они должны «обеспечить прорывы в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России, повысить уровень жизни каждого гражданина, а

также создать возможности для его самореализации»[1].

Однако, как показывают исследования (см., например, Информационно-аналитический бюллетень … , 2019: 8), «в процессе принятия решений властно-управленческая вертикаль практически не учитывает индивидуально-групповые интересы населения». Как следствие, нередко можно встретить мнение, что проекты являются отнюдь не «национальными», а, скорее, «правительственными». И действительно: «Правительство предлагает проект, само руководит им, участвует в распределении финансовых средств, без учета общественного мнения и контроля. При этом проекты часто разрабатываются самими исполнителями, не имеющими опыта использования методик и методов проектного управления, а также без привлечения специалистов-практиков в данной области. Отраслевые министерства и ведомства осуществляют разработку планов программ и реализуемых работ не под проблему, а под возможности, задачи и цели самих исполнителей, при этом сохраняется отраслевой принцип, от которого необходимо уходить» (Зозуля, Зозуля, Еремина, 2019).

Данное мнение подтверждается результатами опросов населения: более половины жителей России ничего не слышали о национальных проектах[2]. Более того, два из десяти россиян не только ничего не знают о национальных проектах, но и не имеют интереса и желания узнать[3]. Результаты экспертного опроса подтверждают положение дел – по их оценкам, оповещение население об Указе организовано слабо (37,3%) либо вообще не прослеживается (27,5%)[4].

Как известно, коммуникация власти с гражданами в большинстве случаев происходит опосредованно, через третьего субъекта, которым, чаще всего, являются средства массовой информации (далее – СМИ, медиа). По этой причине важнейшей частью процесса реализации нацпроектов становится информационное обеспечение в медиа, поскольку опыт показывает, что «блок мотивационных проблем, а именно то, как воспринимают государственные инициативы основные группы акторов: национальная элита, население и бизнес, создает значительные сложности на пути реализации национальных проектов» (Бедняков, Миэринь, 2019: 20).

Важным аспектом информационно-социального контекста реализации нацпроектов и, шире, социокультурной модернизации и развития регионов, является наличие/формирование социальной субъектности населения и других субъектов. Не является ли низкий уровень вовлеченности граждан в реализацию нацпроектов следствием, в том числе, системных недоработок в информационном обеспечении? Какова, по мнению СМИ, субъектность нацпроектов и как она соотносится с населением – главным благополучателем от их реализации? Какие социальные группы конструируют и транслируют повестку, совпадает ли их видение

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027.

[2] Всероссийский опрос НАФИ, дата проведения – май-июнь 2019 г. URL: https://nafi.ru/analytics/natsionalnye-proekty-ozhidanie-rossiyan-en-national-projects-expectation-of-russians/

[3] Аналитический отчет ЦСР и АНО «Национальные приоритеты» «Ценностные ориентиры россиян и их соответствие приоритетам развития государства», 2020 г. URL: https://www.csr.ru/ru/publications/tsennostnye-orientiry-rossiyan-i-ikh-sootvetstvie-prioritetam-razvitiya-gosudarstva/

[4] Опрос проведен в рамках «Проекта РНФ № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года» (рук. – д-р социол. наук, проф. А. В. Тихонов)», опрошен 51 эксперт.

актуальных проблем с реальными «болями» населения? Какая роль, в конечном итоге, отведена гражданам региона – носителей проблем, участников постановки и обсуждения проблем или безмолвных потребителей результатов управленческих решений? В рамках нашего исследования мы постараемся ответить на эти вопросы с помощью анализа материалов медиа и сопоставления полученных результатов с опросными данными. На наш взгляд, в контексте изучения форматов участия населения в реализации нацпроектов на материалах региональных СМИ уместно говорить о феномене «информационно-социального группообразования», который понимается как процесс активизации (отчуждения) населения (и других стейхолдеров) в обсуждении проблем социально-экономического развития региона и выработке проектных решений по их разрешению в ходе реализации национальных проектов.

Методология и методы (Methodology and Methods). Исследование проводится в рамках академического проекта при грантовой поддержке Российского научного фонда[1], реализуемого Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН под руководством А. В. Тихонова. В центре внимания проекта находится «необходимость исследовать проблему выполнения «прорывных» проектов на практике, исходя не только из состояния экономики, но и из отношения различных социальных групп населения к действиям властей различных уровней и потенциала участия в них» (Информационно-аналитический бюллетень … , 2019: 9). С точки зрения объектов и методов анализа проект носит комплексный характер, объединяя, наряду с методом массового опроса, целый набор методов: экспертная оценка специалистов, дистанционный анализ отраслевых и региональных сайтов, контент-анализ[2] материалов медиа и контента социальных сетей. Целью нашей части исследования является выявление информации о состоянии социально-значимых проблем в регионах с точки зрения различных субъектов – средств массовой информации, населения и экспертного сообщества. Научно-методическая задача исследования может быть определена как разработка и апробация методики и инструментов компаративного измерения социальных процессов группообразования в контексте реализации национальных проектов путем интеграции инструментов сбора разных типов данных с выходом на разработку критериев согласованности повесток различных субъектов анализа (в нашем случае – СМИ, граждане и экспертное сообщество). В практической плоскости перед нами стояла задача получения информации об взаимодополняющих оценках ситуации реализации нацпроектов в регионах с выявлением ключевых противоречий восприятия текущей обстановки различными акторами и посредниками системы управления.

Общей методологической рамкой нашего исследования является стратегия смешивания методов (Полухина, Просянюк, 2015), главной идеей которой является «возможность (а, зачастую, и необходимость) интеграции количественных и качественных методов анализа данных. На наш взгляд, стратегия смешивания методов имеет повышенную актуальность и широкие перспективы использования именно в анализе неструктурированной информации (в нашем случае – публикации СМИ), поскольку, с одной стороны, анализ больших

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345) «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

[2] В текущем контексте термин «контент-анализ» обобщает целый спектр методов анализа текста, включая такие направления как тематический анализ, сентимент-анализ и пр.

массивов данных неизбежно требует использования формализованных, автоматизированных методов, с другой стороны – текст, как результат деятельности человеческой мысли и носитель неявных смыслов, требует экспертного анализа и интерпретации с помощью качественных методик» (Информационно-аналитический бюллетень … , 2019: 63).

Формализованный подход представлен контент-анализом (Krippendorff, 2004), тематическим моделированием (Blei, Ng, Jordan, 2003), сентимент-анализом (Bing, 2012), анализом контекста ключевых слов (Manning, Schütze, 1999), неформализованный — качественным тематическим анализом (Guest , MacQueen, Namey, 2012). Принципиальной особенностью исследования является разработка инструмента сбора данных (кодировочной матрицы) с опорой на вопросы анкет массового и экспертного опросов.

Отметим, что анализ текстов СМИ принципиально отличен от анализа других форматов социологических данных, в частности, опросов и интервью. «Ввиду отсутствия воздействия на объект исследования, ведь исследователи лишь собирают и изучают уже созданную информацию, у социолога появляется возможность анализа данных в их первоначальном состоянии, без индивидуальной интерпретации респондента и эффекта интервьюирования» (Россия…, 2017: 237). С другой стороны, указанное преимущество оборачивается ограничением – зачастую информация не содержит априорно заданных теоретических категорий, и исследователь вынужден корректировать задачи и инструменты уже на этапе сбора и анализа данных, «настраивая» их на имеющееся содержание.

Методологически и, в известном смысле, содержательно, настоящее исследование является логическим продолжением работ, реализованных в рамках проекта «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (см., например, Россия…, 2017).

В 2019 году исследование проводилось в 4-х пилотных регионах (далее – субъект, регион), отобранных по версии рейтинга социокультурной модернизации регионов Н. И. Лапина (Атлас модернизации России …, 2016): Московская область (уровень социокультурной модернизации – 6), Республика Башкортостан (3), Белгородская область (2), Республика Калмыкия (1). В рамках исследования мы рассматриваем как печатные, так и онлайн СМИ. В соответствии с критериями отбора печатное издание должно быть общей, а не специализированной направленности, соответственно, предполагается, что его аудитория достаточно широкая и неспецифичная. Полные тексты публикаций должны были содержаться на ресурсе Factiva[1] или на сайте издания. Наконец, при выборе СМИ учитывался тираж издания (из доступных в архивах изданий выбирались те, тираж которых больше). Выбор онлайн источника основывался на рейтинге региональных СМИ Медиалогии[2].

Результаты апробации методики компаративного измерения проиллюстрированы на материалах СМИ Белгородской области; в разделе, посвященном представленности национальных проектов, дополнительно приведены результаты по Республикам Башкортостан (издание – «Республика Башкортостан») и Калмыкия («Элистинская Панорама»). К настоящему моменту также сформирован и первично проанализирован расширенный сплошной пул публикаций по изданиям ИА «Башинформ» (800 статей), РИА «Калмыкия» (3031 статья), «Серпуховские вести» (34 выпуска), РИАМО. В настоящее время работа ведется в рамках более

[1] Factiva – информационно-аналитическая служба, подразделение агентства финансовой информации DowJones&Company.
[2] URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/

глубокого количественно-качественного анализа материалов, указанных СМИ.

СМИ Белгородской области представлены материалами изданий «Белгородская правда»[1] и БелПресса[2] в период январь-сентябрь 2019 года. В качестве единицы анализа рассматривалась аналитическая статья, объем выборки составил 121 единицу. Для контекстного анализа концепта «национальный проект» выборка была расширена до сплошной (4013 публикаций). Для регионов Республика Башкортостан и Республика Калмыкия объем сплошной выборки составил 805 и 1501 публикация соответственно.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Рассматривая влияние института медиа в контексте модернизации экономики и общества отметим, что «реализация научно-промышленного и технологического потенциалов не может быть обеспечена без соответствующего развития и обсуждения в средствах массовой информации» (Атлас модернизации России …, 2016). Одним из активно разработанных и доказавших свою практическую эффективность направлений исследований медиа является теория «установления повестки дня» («agenda-setting») (Mccombs, Shaw, 1972), получившая развитие в изучении широкого спектра вопросов воздействия (Boot, 1985; Dearing, Rogers 1996; Kingdon, 1984; Kinder, Sanders, 1996; Cohen, Weimann, 2000; Walker, 1977; Shoemaker, Reese, 1996). Основная идея теории состоит в том, что СМИ являются основой восприятия событий обществом – обращаясь к определенным событиям, медиа конструируют «повестку дня», вследствие чего данные события начинают восприниматься аудиторией в качестве наиболее важных. На заре исследований СМИ данный феномен изучали У. Липпман (Lippmann, 1922), П. Лазарсфельд, Б. Берельсон и Г. Годэ (Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1948) и другие.

В конце девяностых и в первой половине «нулевых» годов с работами Е. Г. Дьяковой и А. Д. Трахтенберга эта теория прочно вошла в российский научный дискурс (Дьякова, Трахтенберг, 2001). Современные российские исследователи, в частности, С. С. Лушанкин классифицируют повестки на общественную, политическую и медиаповестку (Лушанкин, 2017). Д. И. Каминченко сравнивает информационные повестки дня СМИ и современных социальных медиа, приходя к выводу, что «по ключевым, наиболее часто встречающимся тематикам новостных сообщений общественная и медийная повестки дня во многом совпадают» (Каминченко, 2019). А. И. Черных считает, что «из всех источников формирования личной повестки дня индивида пресса является наиболее важной» (Черных, 2008: 410).

По итогам мониторинга информации, касающейся национальных проектов России в русскоязычной медиасфере Т. Л. Каминская и А. И. Чаусов заключают, что «все масштабные медиапроекты, созданные под эгидой власти, отличаются, как правило, однонаправленной коммуникацией и отсутствием прямого вовлечения пользователей в обсуждение и соучастие в создании контента, а приближенность контента нацпроектов к реальным запросам населения на местах крайне мала» (Каминская, Чаусов, 2020).

Перейдем к результатам нашего анализа. Мы сформулировали следующие рабочие гипотезы:

1. Средства массовой информации являются одной из ключевых детерминант оценки населением и экспертами значимости социально-экономических проблем региона. На практике это означает совпадение проблемных повесток указанных субъектов.

2. Определяющим субъектом обсуждения проблем социально-экономического развития регионов и хода реализации национальных проектов являются региональные органы власти. При этом мнение населения транслируется опосредованно, в интерпре-

[1] http://belpravda.ru/
[2] Belpressa.ru

тации представителей властей, роль граждан редуцируется до пассивных получателей результатов предоставления услуг.

3. В региональных СМИ формируется положительный фон хода реализации и результатов национальных проектов. В то же время, информация о национальных проектах ограничивается официальными количественными показателями, отсутствуют примеры конкретных улучшений качества жизни населения и социальных эффектов от реализации проектов, не уделяется внимания барьерам реализации нацпроектов.

Согласно результатам анализа, почти четверть всех аналитических статей Белгородских медиа в январе-сентябре 2019 года была посвящена проблемам жилищно-коммунального хозяйства, главные из которых - обращение с твердыми коммунальными отходами и качество питьевой воды. В частности, публикации обсуждают особенности «мусорной» реформы, новую систему обращения с отходами, а также бытовые неудобства местных жителей, связанные с утилизацией бытового мусора. Второй блок статей описывает трудности, вызванные износом сетей водоснабжения и водоотведения, отсутствием или неприемлемым качеством питьевой воды в поселках, ростом тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения (рис. 1).

На втором месте в соответствии с объемом «внимания» СМИ находятся вопросы охраны природной среды – их обсуждала каждая десятая публикация. Любопытно, что здесь также, но уже в контексте распространения экологичного образа жизни, обсуждаются проблемы обращения с мусором и загрязнения местных вод. Первое – это практика обращения с отходами, раздельный сбор мусора, организация контейнерных площадок, второе – в основном, превышение допустимых показателей вредных веществ в местных водоемах. Также обсуждались меры борьбы с массовой гибелью пчел, экологические инициативы лесного управления в регионе.

Немного реже (9,4%) в публикациях обсуждались вопросы региональной и местной системы здравоохранения. Среди главных акцентов – особенности оказания помощи онкологическим больным, реформирование системы здравоохранения, в частности, объединение детских поликлиник, централизация службы скорой помощи, механизмы поддержки студентов медицинских вузов.

Проблемы жилищных условий населения поднимаются в 7,4% статей, главный фокус внимания в них – необходимость капитального ремонта и расселения аварийного жилья. По 7 статей (5,8%) описывают особенности работы органов правопорядка в регионе и состояние дорог региона. Еще реже – 6 статей (5% публикаций) информируют об организации и содержании общего образования в регионе.

В группу редко обсуждаемых проблем попали вопросы поддержки малого, среднего бизнеса и работы общественного транспорта (по 4 публикации, 3,3%), своевременная выплата заработной платы, пенсий, пособий, работа учреждений культуры, профессиональное и дополнительное образование, качество государственных услуг населению («одно окно» и т.п.), доступность электронной информации о работе органов власти, выполнение планов по стратегии развития города (поселения) до 2024 г., решение проблем демографии, материальной поддержки семей, поддержка новых разработок в отечественной науке и технике (по 3 публикации, 2,5%), состояние торговли, качество прод- и промтоваров, охрана памятников культуры, истории (по 2 публикации, 1,7%), а также возможность найти работу, загруженность местных предприятий, организация массового отдыха населения, отношение к людям различных, в т.ч. оппозиционных взглядов (по 1 публикации, 0,8%).

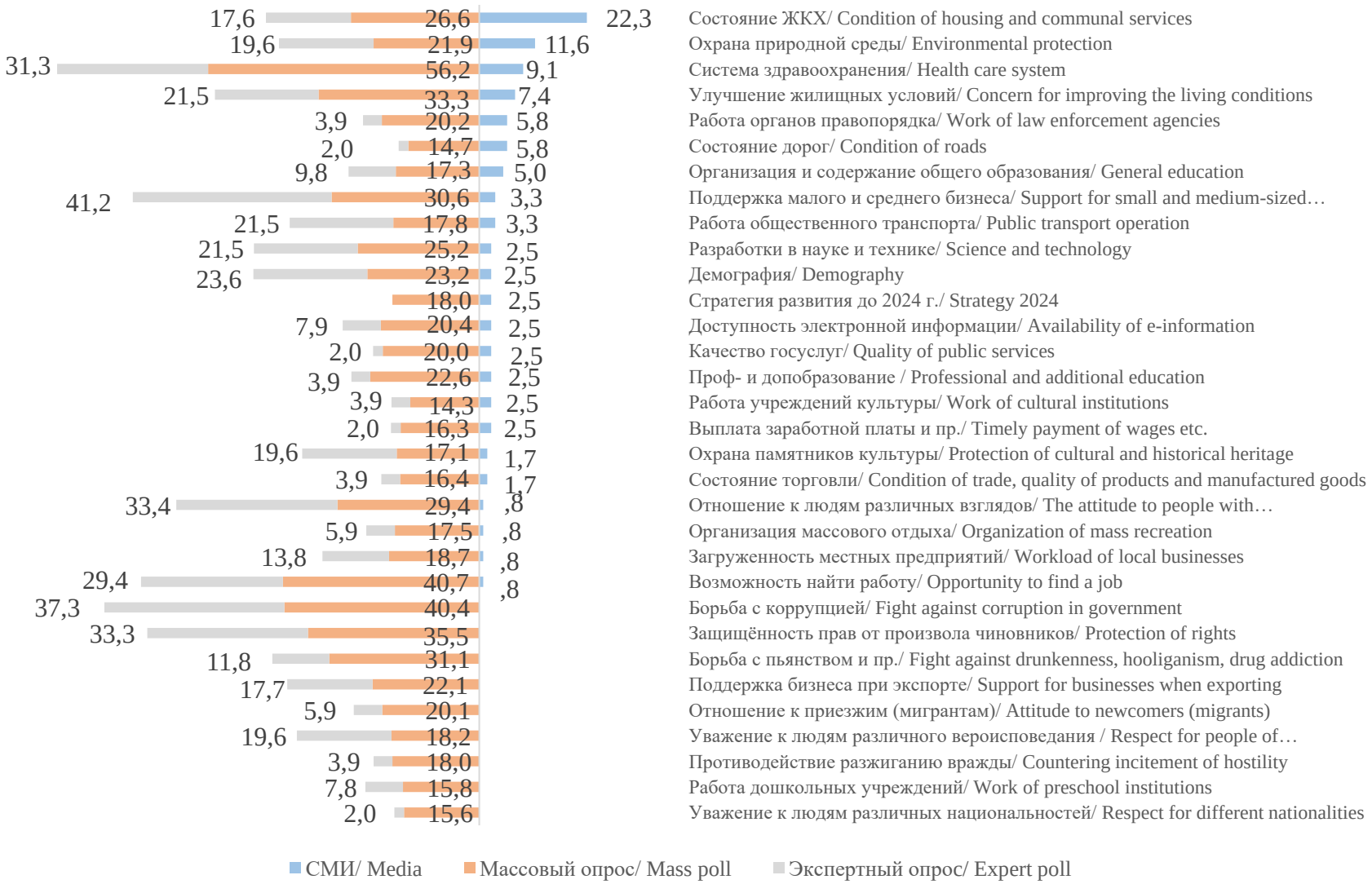


Рис. 1. Повестки дня по версии СМИ, населения и экспертного сообщества, %
Fig. 1. Agendas represented by media, citizens and experts, %

Отдельно отметим блок проблем, не затронутых вниманием белгородских СМИ в первом полугодии 2019 года. В него входят борьба с коррупционными практиками и произволом чиновников, состояние дел в сфере важнейших дисфункций социального поведения населения региона (пьянство, хулиганство и пр.), меры поддержки бизнеса при выходе на внешние рынки, работа дошкольных учреждений, а также спектр вопросов толерантности.

Даже на первый взгляд заметно, что оценки актуальности социально-экономических проблем региона разными субъектами (СМИ, население[1]. и эксперты) рассогласованы. Для формализации и оценки различий был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена и индекс «недооцененности» социально-экономических проблем региона.

Значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена[2] свидетельствуют об отсутствии связи между оценками значимости проблем социально-экономического развития региона СМИ и населением, экспертным сообществом. Этот результат позволяет сделать предварительное заключение о полной «нечувствительности» повестки СМИ Белгородской области к реальным проблемам жизни в регионе. Верна и альтернативная интерпретация: СМИ не являются базисом для оценки населением актуальности текущих проблем. Согласно общепринятой типологии базовых задач медиа в обществе, их важными функциями являются «информирование о событиях и процессах в обществе и мире, а также объяснение, интерпретация и комментирование их смысла и возможных последствий» (McQual, 2000: 80-81). Еще Г. Лассуэлл писал о необходимости актуальности предоставляемой информации, ее соответствию потребностям, интересам, жизненным проблемам аудитории в данный момент (Lasswell, 1960). Результаты первичного описания и сопоставления значимости вопросов социально-экономического развития региона сигнализируют о том, что печатные и онлайн издания в данный момент не выполняют свои ключевые функции.

Для оценки степени рассогласованности мнений и выделения проблем, по которым различия особенно значимы, мы сконструировали индекс «недооцененности» проблем. Смысл показателя состоит в том, чтобы выяснить, по каким вопросам взгляды СМИ и других субъектов категорически не совпадают, а по каким, напротив, наиболее близки. Оговоримся, что задачей нашего исследования не является сравнение позиций населения и экспертного сообщества, поэтому рассматривалась их обобщенная (усредненная) позиция[3]. Также важно понимать, что при оперировании понятиями «значимости», «актуальности» социально-экономических проблем методически наиболее оправдано использование рангов, а не абсолютных величин. Таким образом, вышеупомянутый индекс представляет собой разность среднего ранга проблемы по мнению населения и экспертов, и согласно ранга этой же проблемы, присвоенного ей СМИ. Подчеркнем, что для задач анализа интересно не абсолютное значение индекса, а их соотношение. Данный подход позволил

[1] Опрос населения проведен в рамках «Проекта РНФ № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года» (рук. – д-р социол. наук, проф. А. В. Тихонов)», период проведения – 15 июля по 15 сентября 2019 года, объем выборки – 500 респондентов.

[2] Значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена между рангами, присвоенными проблемам по результатам анализа СМИ и массового опроса – 0,062, СМИ и экспертного опроса – 0,035.

[3] Добавим, что оценки населения и экспертов тесно связаны – коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен – 0,727.

классифицировать проблемы по трем группам:

1. Недооцененные СМИ проблемы. Для них индекс принимает минимальные отрицательные значения – это означает, что исключительно актуальные для населения и экспертов вопросы не попали/редко попадали в поле зрения СМИ, а, следовательно, оценивались как незначимые.

2. Условно адекватно оцененные СМИ проблемы. Значение индекса изменяется около 0, а, значит, оценки актуальности проблем разными субъектами сопоставимы/совпадают.

3. Переоцененные СМИ проблемы. Значения индекса принимают максимальные положительные величины, что означает, что менее важные для населения и экспертов вопросы получили максимальное освещение в СМИ.

Что мы наблюдаем в результате? Во-первых, практически все проблемы, которых не коснулось внимание медиа, важны и даже исключительно важны для населения и экспертов (так, для «борьбы с коррупцией в органах власти и управления» и «защищённости прав и свобод от произвола чиновников» средние ранги по оценке населения и экспертов равны 2,5 и 4, в то время как для СМИ эти проблемы даже не входят в повестку дня) (табл. 1). А тем временем, по результатам опросов, каждый второй житель и половина экспертов не удовлетворены решением проблемы коррупции в регионе. Наиболее критичными недостатками системы управления граждане считают кронизм, практику использования ресурсов региона в групповых и личных интересах, несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям, эксперты добавляют ориентацию властей не на проблемы «прорывного» развития региона, а на отчётность и имитацию активности.

То же касается борьбы с социальными «болезнями» и поддержки отечественного бизнеса при экспорте на внешние рынки – ни одной статьи за исследуемый период, несмотря на высокую актуальность, по мнению других субъектов. Вопросы возможности поиска работы в регионе и отношения к людям различных, в т.ч. оппозиционных взглядов поднимались в повестке СМИ единожды, однако этого абсолютно недостаточно, ведь жители и эксперты сильно озабочены состоянием дел в данных сферах (4 и 5,5 ранги соответственно).

Во-вторых, несмотря на полную рассогласованность мнений субъектов, блок «условно» адекватно оцененных проблем значителен. Мы предлагаем дополнение «условно» для того, чтобы подчеркнуть, что некоторые позиции отвечают, скорее, формальным критериям, нежели реальному положению дел. Например, для проблемы «Поддержка малого и среднего бизнеса» усредненный ранг населения и экспертов равен 4, СМИ – 8, повестка содержит несколько статей по теме. Однако, с другой стороны, 4 публикации за полгода по вопросу, актуальность которого эксперты ставят на первое место – явно недостаточно. Какие же проблемы, поднимаемые СМИ, действительно волнуют население? Единственной темой, актуальность которой высока и совпадает для всех субъектов (3 место по оценке всех субъектов, причем 1 – для населения) – это работа системы здравоохранения. Далее, из обсуждаемых СМИ, высокую актуальность имеет забота об улучшении жилищных условий населения. Также примерно совпадают оценки важности решения проблем демографии, материальной поддержки семей, а также поддержки новых разработок в отечественной науке и технике. Отметим, что адекватная оценка означает не только уделение большой доли внимания важным вопросам, но и уделение малой доли внимания/не уделение совсем неважным. К таким относится охрана памятников культуры, истории, организация массового отдыха населения, загруженность местных предприятий, работа дошкольных учреждений, а также различные вопросы толерантности.

Таблица 1

Группы проблем социально-экономического развития Белгородской области

Table 1

Categories of problems of socio-economic development of the Belgorod region

Группа/ Group	Проблема/ Problem	СМИ / Media, %	Массовый опрос / Mass poll, %	Экспертный опрос / Expert poll, %	Ранг_ СМИ / Rank by media	Ранг_массовый опрос / Rank by mass poll	Ранг_экспертный опрос / Rank by expert poll	Индекс / Index
Недооцененные/ Underestimated	Борьба с коррупцией в органах власти и управления / Fight against corruption in government	0,0	40,4	37,3	24	3	2	-21,5
	Защищённость прав и свобод от произвола чиновников / Protection of rights from arbitrariness of officials	0,0	35,5	33,3	24	4	4	-20
	Возможность найти работу / Opportunity to find a job	0,8	40,7	29,4	20	2	6	-16
	Отношение к людям различных, в т,ч, оппозиционных взглядов / The attitude to people with oppositional views	0,8	29,4	33,4	20	8	3	-14,5
	Борьба с пьянством, хулиганством, наркоманией / Fight against drunkenness, hooliganism, drug addiction	0,0	31,1	11,8	24	6	18	-12
	Поддержка отечественного бизнеса при экспорте на внешние рынки / Support for domestic businesses when exporting to foreign markets	0,0	22,1	17,7	24	13	14	-10,5
Условно адекватно оцененные/ Adequately estimated	Уважение к людям различного вероисповедания / Respect for people of different faiths	0,0	18,2	19,6	24	20	12	-8
	Отношение к приезжим (мигрантам) / Attitude to newcomers (migrants)	0,0	20,1	5,9	24	17	22	-4,5
	Поддержка малого и среднего бизнеса / Support for small and medium-sized businesses	3,3	30,6	41,2	8	7	1	-4
	Загруженность местных предприятий /	0,8	18,7	13,8	20	19	17	-2

Группа/ Group	Проблема/ Problem	СМИ / Media, %	Массовый опрос / Mass poll, %	Экспертный опрос / Expert poll, %	Ранг_ СМИ / Rank by media	Ранг_массовый опрос / Rank by mass poll	Ранг_экспертный опрос / Rank by expert poll	Индекс / Index
	Workload of local businesses							
	Противодействие разжиганию вражды между гражданами / Countering incitement of hostility between citizens	0,0	18	3,9	24	21	24	-1,5
	Решение проблем демографии, материальной поддержккой семей / Solving problems of demography, financial support for families	2,5	23,2	23,6	10	11	7	-1
	Поддержка новых разработок в отечественной науке и технике / Support for new developments in Russian science and technology	2,5	25,2	21,5	10	10	8	-1
	Система здравоохранения, работа больниц, поликлиник / Health care system, hospitals, clinics	9,1	56,2	31,3	3	1	5	0
	Охрана памятников культуры, истории / Protection of cultural and historical heritage	1,7	17,1	19,6	18	26	12	1
	Работа дошкольных учреждений / Work of preschool institutions	0,0	15,8	7,8	24	29	21	1
	Организация массового отдыха населения / Organization of mass recreation	0,8	17,5	5,9	20	24	22	3
	Забота об улучшении жилищных условий населения / Concern for improving the living conditions of the population	7,4	33,3	21,5	4	5	10	3,5
	Уважение к людям различных национальностей / Respect for people of different nationalities	0,0	15,6	2	24	30	29	5,5
Переоцененные/ Overestimated	Работа общественного транспорта / Public transport operation	3,3	17,8	21,5	8	23	8	7,5
	Доступность электронной информации о работе органов власти / Availability of e-information about the work of authorities	2,5	20,4	7,9	10	15	20	7,5

Группа/ Group	Проблема/ Problem	СМИ / Media, %	Массовый опрос / Mass poll, %	Экспертный опрос / Expert poll, %	Ранг_ СМИ / Rank by media	Ранг_массовый опрос / Rank by mass poll	Ранг_экспертный опрос / Rank by expert poll	Индекс / Index
	Состояние торговли, качество прод- и пром-товаров / Condition of trade, quality of products and manufactured goods	1,7	16,4	3,9	18	27	24	7,5
	Профессиональное и дополнительное образование / Professional and additional education	2,5	22,6	3,9	10	12	24	8
	Выполнение планов по стратегии развития города (поселения) до 2024 г. / Implementation of plans for the city (settlement) development strategy until 2024	2,5	18	15,7	10	21	16	8,5
	Охрана природной среды / Environmental protection	11,6	21,9	19,6	2	14	11	10,5
	Состояние жилищно-коммунального хозяйства / Condition of housing and communal services	22,3	26,6	17,6	1	9	15	11
	Качество государственных услуг населению (“одно окно” и т,п,) / Quality of public services to the population ("one window", etc.)	2,5	20	2	10	18	29	13,5
	Работа органов правопорядка / Work of law enforcement agencies	5,8	20,2	3,9	5	16	24	15
	Организация и содержание общего образования / Organization and content of General education	5,0	17,3	9,8	7	25	19	15
	Работа учреждений культуры/ Work of cultural institutions	2,5	14,3	3,9	10	32	24	18
	Своевременная выплата заработной платы, пенсий, пособий / Timely payment of wages, pensions, and benefits	2,5	16,3	2	10	28	29	18,5
	Состояние дорог / Condition of roads	5,8	14,7	2	5	31	29	25

Перейдем к группе «переоцененных» проблем. Как видно, в нее входит большинство тех вопросов, которым СМИ придает наибольшую значимость и обсуждает чаще всего. Как оказывается, проблемы состояния жилищно-коммунального хозяйства региона и охраны природной среды стоят для населения и экспертов далеко не на приоритетных местах.

Какие выводы следуют из полученных результатов? Отчетливо видно, что повестка актуальности социально-экономических проблем, конструируемая СМИ, абсолютно не согласуется с интересами и «болями» населения и, вероятно, обусловлена интересами других субъектов – региональных и местных властей, крупных организаций и пр. Значимость некоторых проблем (обращение с твердыми бытовыми отходами, качество воды) преувеличивается, в то время как важность других – например, борьба с коррупцией – умаляется или полностью замалчивается.

Очевидные потенциальные последствия, обусловленные невыполнением ключевых функций, о которых говорилось выше, состоят в снижении информированности аудитории, тормозящем исполнение нацпроектов, уменьшении шансов вовлечения граждан в их реализацию, возможном росте тревожности и активизации протестных настроений. Также сложившийся дисбаланс оценок актуальности социально-экономических проблем региона влечет дискредитацию института СМИ, а также региональных и местных властей, снижает уровень доверия к официальным источникам информации.

В контексте полученных результатов не столь удивительными и вполне объяснимыми выглядят данные исследований последних лет, фиксирующие возрастающий уровень недоверия российского населения к средствам массовой информации. На глобальном рынке Россия является государством с «самым низким уровнем доверия к средствам массовой информации, только 28% опрошенных россиян доверяют медиа»[1].

По данным ФОМ, «в объективности российских СМИ при освещении ситуации в стране уверены 34% участников опроса, в необъективности – 52%. В начале 2018 года это соотношение было 45% к 41%»[2]. С позиций партиципарного подхода к коммуникациям – не является ли зафиксированный дисбаланс свидетельством пренебрежения основами демократического видения свободы прессы (см., например, Nordenstreng, 2000)? Разве не в артикуляции проблем населения через массовые каналы, в формировании самими гражданами повестки дня состоит особая роль медиа, значимая, в том числе, для формирования вертикальных и горизонтальных связей?

Субъекты. Мы уже упоминали важность вычленения и изучения характеристик субъектности для понимания векторов трансформации социальных процессов в регионах. А. А. Мерзляков отмечает, что «действие социальных субъектов становится сегодня одной из основных единиц социологического анализа. В социологии управления феномен субъектности рассматривается в контексте взаимодействия органов власти и населения: какие социальные группы, общности влияют (или способны повлиять) на процессы выработки и реализации управленческих решений, особенности группообразования данных групп, установки на взаимодействие и модели поведения» (Мерзляков, 2018: 82). Для задач прикладного анализа материалов СМИ мы операционализируем концепт «субъектность» как конкретные группы или институты, которые транслируют в

[1] Барометр доверия Edelman 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf

[2] Опрос «ФОМнибус», дата проведения – август 2019 г. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14256?fbclid=IwAR33Y859wIzLvq3bNWZbSzAoSABqve26sPaLe1EYqpwqhFsJUicithwZcNM

медиа информацию о проблеме. При этом понятно, что субъект в данном виде обуславливает многие аспекты передачи информации, такие как, фактологическое подкрепление, контекст, перспективы развития ситуации и пр.

Таблица 2

Субъекты постановки проблем, %

Table 2

Subjects transmitting information of problems, %

Субъект / Subject	**Доля публикаций / Percentage of publications**
Региональные органы власти/ Regional authorities	63,6
Определенная группа населения / Group of population	50,4
Крупные компании, корпорации / Corporations	37,2
Местные органы власти / Local authorities	28,9
Население в целом / Population	27,3
Научные и образовательные учреждения / Scientific and educational institutions	14,9
Федеральные органы власти / Federal authorities	12,4
Общественные организации / Public organizations	9,1
Журналисты / Journalists	5,0
Активисты социальных сетей (блогеры)/ Bloggers	5,0
Малый и средний бизнес / Small and medium-sized businesses	5,0
Политические партии / Political parties	0,8

Результаты анализа показывают, что чаще всего (в 63,6% публикаций) субъектом, транслирующим информацию о проблеме, являются органы региональной власти (Табл. 3). Доля статей, где артикулирующим субъектом становится региональная или местная власть возрастает до 77,7%. Публикаций, где в контексте обсуждения проблемы фигурирует население/конкретная социальная группа – 71%. Причем в подавляющем большинстве материалов упоминаются оба субъекта – и власть, и граждане. Публикаций, где бы не упоминался хотя бы один из уровней исполнительной власти – всего 15% (против 29% в отношении населения). Примерно в 40% публикаций о трудностях упоминает крупный бизнес региона.

На первый, формальный, взгляд, государство и население имеют практически равную представленность в информационной повестке СМИ. И те, и другие заявляют об актуальных проблемах, способах их решения, предпринимаемых мерах. Однако при более глубоком анализе содержания публикаций становится очевидно, что субъекты имеют принципиальное отличие с точки зрения позиций в тексте. Представители органов исполнительной власти (чаще – региональной, реже – местной или федеральной), как правило, выражают позицию напрямую («прокомментировал», «заявил», «отчитался», «объяснил», «ответил») – через комментарии официальных представителей, заявления, отчетность и пр. В поддержку точки зрения приводится прямая речь, статистика, ссылки на офици-

альные источники. Упоминание населения, в большинстве случаев, происходит по иному паттерну – в виде общих формулировок (как от лица журналистов, так и представителей власти) об обеспокоенности граждан, ссылок, косвенных упоминаний – без отсылок к источникам, подкрепления истинности и актуальности заявленных проблем. Другими словами, если субъект «власть» можно охарактеризовать как «прямой», имеющий возможность артикулировать собственную позицию «от первого лица», то субъект «население» зачастую представлен в текстах «косвенно», его позиция транслируется не напрямую, сквозь «призму» взгляда власти.

Смеем предположить, что одной из задач подобной тактики является легитимизация принимаемых решений, создание иллюзии обоснованности управленческих инициатив, демонстрация осведомленности представителей управленческой вертикали об актуальных проблемах социально-экономического развития региона и заинтересованности в их решении.

Благополучатели. Ключевым элементом любого проекта, будь то решение локальной проблемы или национальный проект, является благополучатель – непосредственный потребитель конечных результатов. Официальное целеполагание сфокусировано на осуществлении прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличении численности населения страны, повышении уровня жизни граждан, создании комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

Результаты анализа текстов публикаций белгородской прессы на предмет того, какая группа или институт заявлена главным выгодопреобретателем от реализации национальных проектов, и, шире – решения актуальных проблем социально-экономического развития региона, показывают, что в подавляющем большинстве случаев (76% публикаций), по мнению медиа, наибольший выигрыш получает население (или отдельная группа – жители района, профессиональное сообщество и пр.). Такое видение в целом соответствует вектору рассмотрения и позиционирования национальных проектов субъектами управления.

Однако при сопоставлении полученных параметров с данными опросов вновь наблюдается значительный дисбаланс. Чаще всего среди ответов граждан на вопрос о благополучателях национальных проектов встречался вариант «трудно сказать» (27,4%), что подтверждает тезис о низком уровне информированности и непонимании гражданами сущности и целей проектов. Второй по популярности ответ – органы власти (26,4%) – является тревожным симптомом и отвечает общей тенденции роста пессимистичных настроений и снижения уровня доверия населения к власти. Только один из десяти опрошенных (11,7%) полагает, что главным благополучателем от реализации национальных проектов в регионе станет население. Группа опрошенных экспертов, разумеется, является более осведомленной и склонной к рефлексии относительно социально-экономического состояния региона, поэтому ответ на данный вопрос не вызвал у них затруднений. В выборе главного благополучателя они солидаризировались с населением – на органы власти указали 64,7 % респондентов. Разрыв с «населением» в качестве благополучателя не столь велик – 56,9% экспертов полагают, что граждане выиграют от реализации национальных проектов.

Выявленный дисбаланс оценок свидетельствует о существенном разрыве в ожиданиях от реализации национальных проектов между «образом», формируемым информационным пространством СМИ и гражданами. Ключевая причина выявленного разрыва – высокий уровень недоверия граждан власти и инструментам реализации национальной политики.

Потенциал участия населения в реализации национальных проектов. Результа-

ты проведенного анализа материалов СМИ не зафиксировали свидетельств участия населения Белгородской области в реализации национальных проектов. Между тем, две трети опрошенных жителей региона полагают, что существуют эффективные способы вовлечения граждан, главный из них – информирование о результатах. Более того, каждый третий опрошенный настроен активно и, в случае если реализация национальных проектов превратилась бы в формальность, нашел бы способы вмешаться в ситуацию. Мнения экспертов созвучны – опрошенные считают, что население необходимо включать в процессы реализации проектов, и наиболее эффективные методы для этого – информирование и обсуждение результатов, в том числе со стейкхолдерами.

Тональность. Индекс лояльности[1] для корпуса публикаций принимает значение 1,14, на 40 положительных публикаций приходится 35 отрицательных. Вместе с тем, сопоставимый массив информации (46 публикаций, 38% от общего корпуса публикаций) носит нейтральный или амбивалентный характер. Такие статьи либо не выражают явно точку зрения, либо же содержат и аргументы «за», и аргументы «против». Важно отметить, что для каждой из наиболее часто встречаемых в повестке проблем присутствуют все «оттенки» тональности.

Сбалансированность негативных и позитивных публикаций в повестке издания, сопоставимое с ними количество нейтральных/амбивалентных публикаций, свидетельствует о медиационном (mediana –лат. середина; media – лат. среда; mediation – англ. поиск середины, медиация) способе постановки и обсуждения вопросов (Давыдов, 2017). В контексте исследования медиа мы можем трактовать данное свойство как намеренное дистанцирование от полюсов, категорических точек зрения. В этом смысле изученная повестка СМИ является каналом выражения как полярных, так и амбивалентных позиций, регулятором отношений между субъектами.

Степень решения проблем. Чаще всего (63% публикаций) в первом полугодии 2019 годы белгородские медиа сообщали о проблемах, которые находятся в процессе решения. Каждая третья статья (31,4%) поднимала вопрос, работа над которым пока не начата. Явные приоритет в них – состояние жилищного фонда и жилищно-коммунального хозяйства региона. В этом смысле можно говорить о выполнении медиа сигнальной функции в рамках выбранных приоритетов повестки дня.

Иногда в составе публикаций появляются сообщения об успешно решенных проблемах. В изученном корпусе их было всего пять – в основном, на предмет транспорта и соответствующей инфраструктуры.

Указанную особенность также можно отнести к недостаткам коммуникационной политики – необходимо информирование и о том, что сделано (успешно), а не только о том, что делается.

Национальные проекты. Для решения задачи рассмотрения работы СМИ в системе «органы власти-гражданское общество» с позиций выполнения программ по майскому Указу важно зафиксировать частоту упоминания Указа и национальных проектов/направлений в текстах публикаций. Индикатор квантифицирует объем внимания медиа, уделенный информированию граждан о реализации государственных инициатив. Для более полного понимания ситуации первостепенное значение приобретают не только количественные, но и качественные характеристики текстов – контекст, содержание, временная локализация сообщения.

Для решения поставленной задачи мы увеличили объем анализируемых сообщений до полного корпуса изданий в январе-сентябре 2019 г. (4013 публикаций). В указанные период национальные проекты упоминались в 67 публикациях

[1] Индекс лояльности СМИ – отношение количества положительных публикаций к количеству отрицательных публикаций.

(1,7% статей от общего корпуса). Объем упоминаний в аналитических, проблемно-ориентированных текстах значительно ниже – всего 15 публикаций (12% от всех аналитических статей или 22% от всех упоминаний национальных проектов) (табл. 3).

Наибольшее освещение в указанный период получило направление «Человеческий капитал» (почти половина упоминаний, 45%), каждая третья публикация упоминала инициативы из блока «Комфортная среда для жизни» (31%), реже остальных – «Экономический рост» (24%).

Среди проектов лидерами стали «Здравоохранение» и «Безопасные и качественные дороги» (по 13%) и «Демография» (12%). Вне фокуса внимания белгородских медиа в первом полугодии 2019 года осталась «Цифровая экономика», «Международная кооперация и экспорт», а также добавленный в перечень стратегических направлений в конце 2018 года «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры».

Таблица 3

Частота упоминания национальных проектов в СМИ Белгородской области

Table 3

Frequency of references to national projects in the media of the Belgorod region

Национальный проект / National project	Частота / Frequency, ед.	Доля / Percentage, %	Направление / Topic
Здравоохранение / Healthcare	9	13	Человеческий капитал / Human capital
Безопасные и качественные автомобильные дороги / Safe and high-quality roads	9	13	Комфортная среда для жизни / Comfortable living environment
Демография / Demography	8	12	Человеческий капитал / Human capital
Образование / Education	7	10	Человеческий капитал / Human capital
Экология / Ecology	7	10	Комфортная среда для жизни / Comfortable living environment
Производительность труда и поддержка занятости / Labor productivity and employment support	7	10	Экономический рост / Economic growth
Культура / Culture	6	9	Человеческий капитал / Human capital
Жилье и городская среда / Housing and urban environment	5	7	Комфортная среда для жизни / Comfortable living environment
Наука / Science	5	7	Экономический рост / Economic growth
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы / Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurship	4	6	Экономический рост / Economic growth
Всего / Total:	15	100	

С января по сентябрь 2019 года в статьях издания «Республика Башкортостан» национальные проекты и направления Указа упоминались также предельно редко – 30 случаев на 805 статей (4%), что, в принципе, можно считать незначимой величиной, сопоставимой со статистической погрешностью. Чаще всего издание обращает внимание на проекты, направленные на развитие человеческого капитала – здравоохранение и образование (по 5 упоминаний) и демография (4 упоминания).

Отметим также, что на Интернет-сайте издания выделена отдельная рубрика – «#Нацпроекты». В 2019 году в ней опубликовано всего 3 статьи: «15 важных вопросов о программе ремонта подъездов в Башкирии» (от 13 марта 2019 года), «Владимир Путин поддержал предложения Константина Толкачёва о льготной ипотеке» (от 25 апреля 2019 года) и «Вторая смена отменяется» (от 5 июля 2019 года).

«Элистинская Панорама» в период январь-сентябрь 2019 года поднимало тему реализации национальных проектов в 70 публикациях (что также предельно незначимая частота для более чем полутора тысяч статей). Чаще всего издание упоминало все проекты в целом (20 вхождений), проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (16 упоминаний) и «Здравоохранение» и «Демография» (по 6 упоминаний).

Вернемся к анализу материалов СМИ Белгородской области. Как уже было упомянуто, подавляющее большинство вхождений концепта нацпроект в корпусе – это упоминания в информационных сообщениях. Такие сообщения, как правило, содержат фактическую информацию, статистические данные, лаконичное описание информационного события.

Абсолютное большинство упоминаний нацпроектов в подобных публикациях характеризуются следующими особенностями: во-первых, тексты содержат формальные параметры проектов – сроки, бюджеты, значения плановых показателей. Другими словами, это элементарно перепечатывание данных дорожных карт проектов. Во-вторых, практически все тексты включают «будущую» временную локацию: типичные примеры – «…по планам регионального правительства предприятия должны получить дешевые займы в рамках нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости»; «…в рамках нацпроекта «Наука» к концу 2021 года в стране должно работать не менее 21 центра»; «…по нацпроекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги» в регионе отремонтируют дороги на 1,7 млрд рублей» и пр. В-третьих, ожидаемые результаты описываются в терминах затраченного бюджета достигнутых количественных показателей. Ответ на вопрос «Каким образом достижение плановых показателей изменит качество жизни граждан?» публикации средств массовой информации не содержат.

Другой особенностью подкорпуса публикаций белгородских медиа, затрагивающих нацпроекты, является включение их как, своего рода, сущностей, обсуждение и рефлексия по поводу которых не предусмотрена. Население рассматривается как объект, а не как участник национального проекта. В исследуемый период не было зафиксировано ни одного негативного упоминания нацпроекта, отсутствуют упоминания барьеров, сложностей в ходе реализации. «Материалы изданий в большинстве случаев не эксплицируют связь между государственными проектами и изменениями в повседневной жизни, элиминируя возможности выстраивания закономерностей и причинно-следственных связей, в том числе в вопросе реализации и связи с «реальной» жизнью граждан государственных инициатив и стратегических ориентиров» (Информационно-аналитический бюллетень…, 2019).

В массиве публикаций были отмечены 17 упоминаний обратной связи от граждан на предмет значимых проблем, 13 из которых касаются проблем ЖКХ (необходимость капитального ремонта, проблемы сбора и вывоза мусора, борьба с грызу-

нами). С этой точки зрения СМИ реализует функцию канала обратной связи, однако, строго в рамках установленной повестки дня, фокус которой – проблемы жилищно-коммунального хозяйства. Между тем, значительная часть опрошенных экспертов заявляет, что, по их ощущениям, население обращалось к властям региона с предложением по решению социально значимых проблем в рамках национальных проектов и их мнения были учтены (25.5%) или же обращение не получило должного отклика (21.6%). Данный результат фиксирует проявление феномена информационно-социального группообразования в проблемной плоскости – а именно, информирование о координации усилий жителей для решения бытовых проблем, связанных, в основном, с неудовлетворительными жилищными условиями.

Заключение (Conclusions). Результаты апробации методики компаративного измерения показали ее высокую эффективность для решения задачи оценки реальной проблемной ситуации в регионах в условиях реализации нацпроектов. В ходе исследования были успешно объединены методы сбора и анализа опросных и текстовых данных, разработан индекс «недооцененности» проблем, выделены ключевые различия в восприятии ситуации различными субъектами.

В результате анализа был зафиксирован существенный дисбаланс оценок значимости проблем социально-экономического развития Белгородской области между повесткой дня средств массовой информации, населением и экспертным сообществом, что опровергает нашу первую гипотезу. Наглядно показано, что актуальность ряда проблем намеренно преувеличивается, в то время как значимость других умаляется или полностью игнорируется. Подобная рассогласованность усугубляет кризис доверия граждан к социальным институтам СМИ и государственной власти, ведет к снижению уровня информированности (в том числе о позитивных преобразованиях) и вовлеченности, потенциальному росту тревожности и активизации протестных настроений.

Полученные результаты позволили подтвердить гипотезу о главенствующей роли региональных властей в обсуждении проблем – при формальной представленности, мнение граждан, как правило, транслируется не напрямую, а опосредованно, в интерпретации официальных представителей власти и журналистов. Ключевым субъектом формирования проблемного дискурса в информационном поле региональных СМИ становятся региональные власти, что, очевидно, обуславливает содержание повестки дня и служит задаче легитимизации принимаемых управленческих решений.

Также исследование помогло диагностировать весьма тревожный симптом – уверенность значительного числа граждан и профессиональных экспертов в том, что деятельность властей направлена исключительно на удовлетворение собственных потребностей; эта уверенность усугубляется непониманием сущности и целей федеральной политики в сфере социально-экономического развития страны, в частности, посредством реализации национальных проектов. И это при том, что лейтмотивом повестки СМИ является посыл о том, что главным благополучателем решения проблем региона является гражданин.

В процессе анализа материалов региональных медиа зафиксировано минимальное число упоминаний участия граждан в процессах постановки и обсуждения вариантов решения текущих проблем (упоминания в основном связаны с неудовлетворительными жилищными условиями). Поэтому на данном этапе форма информационно-социального группообразования может быть охарактеризована как отчуждение граждан от процессов обсуждения и выработки проектных решений актуальных проблем.

Ключевая проблема информационного освещения национальных проектов в региональных СМИ – недостаток доступ-

ной информации об их целях и ходе (в т.ч. успехах) реализации. Национальные проекты фигурируют в повестке изданий редко, абсолютное большинство упоминаний - перепечатывание данных дорожных карт проектов, причем в будущей временной локации, ожидаемые результаты описываются в терминах затраченного бюджета и достигнутых количественных показателей, без привязки к конкретным качественным изменениям жизни в регионе. При этом даже в тех материалах, где описаны позитивные изменения и случаи решения проблем жителей, связь с государственными инициативами не эксплицируется, что элиминирует возможности выстраивания закономерностей и причинно-следственных связей, в том числе в вопросе реализации и связи с «реальной» жизнью государственных инициатив и стратегических ориентиров. Национальные проекты позиционируются как федеральная директива, включение населения в которую предусмотрена исключительно в качестве объекта, но не участника обсуждения (это при том, что каждый третий житель региона настроен активно и, в случае если бы реализация национальных проектов превратилась бы в формальность, нашел бы способы вмешаться в ситуацию). В информационной повестке не появлялись негативно окрашенные материалы о национальных проектах, отсутствуют упоминания барьеров, сложностей в ходе реализации, информация о случаях обратной связи от населения, что подтверждает третью выдвинутую нами гипотезу.

Перспективы дальнейшей исследовательской работы укладываются в два вектора. С методологической точки зрения комплексный характер исследования открывает широкие горизонты дальнейшей интеграции методов сбора и анализа информации. Использованная методика сбора и анализа публикаций СМИ с помощью инструментов, разработанных с учетом особенностей инструментария массового и экспертного опросов, позволила сравнить и обогатить результаты, зафиксировала оценку проблем социально-экономического развития региона с позиций разных субъектов. До конца 2020 года будет финализирован анализ публикаций СМИ, представляющих Башкортостан, Калмыкию и Московскую область. С точки зрения содержания, результаты проведенной работы обнаружили значительные недостатки информационной повестки СМИ в условиях реализации национальных проектов и наметили дальнейшие направления их изучения. В 2021 году планируется провести подробный количественно-качественный анализ массива публикаций СМИ восьми регионов в соответствии с разработанной методикой с выходом на формулировку конкретных рекомендаций по повышению эффективности проведения информационного обеспечения хода реализации нацпроектов и вовлечения заинтересованных сторон (в первую очередь, населения) в обсуждение и выработку проектных решений.

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Под ред. Н. И. Лапина. М.: «Весь Мир», 2016. 356 с.

Бедняков А. С., Миэринь Л. А. Национальные проекты России: проблемы и решения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4 (118). С. 20-25.

Давыдов А. П., Розин В. М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М.: ЛЕНАНД, 2017. 288 с.

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется повестка дня? Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001.

Зозуля А. В., Зозуля П. В., Еремина Т. Н. Современные проблемы реализации приоритетных национальных проектов // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1.

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 2. Отношение населения пилотных регионов Российской Федерации к работе органов власти и управления: сравнительный анализ 2015-2019 гг. 116 с.

Каминская Т. Л., Чаусов А. И. Национальные проекты и медиасфера: продвижение и восприятие // Власть. 2020. Т. 28, № 3.

Каминченко Д. И. Сравнительный анализ информационной повестки дня средств массовой информации и современных социальных медиа // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2576 (дата обращения: 12.10.2020).

Лушанкин С. С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: понятие «политической повестки дня» и модели ее формирования // Вестн. Удмуртск. ун-та. Сер.: Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 4. С. 456-465.

Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4. С. 95-104.

Полухина Е. В., Просянюк Д. В. Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // Политическая наука. 2015. № 2. С. 104-116.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Черных А. И. Социология массовых коммуникаций: учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Blei D., Ng A., and Jordan M. Latent Dirichlet allocation // Journal of Machine Learning Research. 2003. 3. P. 993-1022.

Bing L. Sentiment Analysis and Opinion Mining. Morgan & Claypool Publishers, 2012.

Boot W. Ethiopia: Feasting on famine // Columbia Journal Review. 1985. P. 47-48.

Cohen J., Weimann G. Cultivation revisited: Some genres have some effects on some viewers // Communication Reports. 2000. 13(2). P. 1-17.

Dearing J. W., Rogers E. M. Communication concepts 6: Agenda-setting. Thousand Oaks. California: Sage, 1996.

Guest G., MacQueen K., Namey E. Applied thematic analysis. Thousand Oaks. California: Sage, 2012.

Kinder D. R., Sanders, L. M. Divided by Color: Racial Politics and Democratic Ideals. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Kingdon J. W. Agendas, alternatives, and public policies. Boston, Little, Brown, 1984.

Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 2nd edition, Thousand Oaks. California: Sage, 2004.

Lasswell H. Structure and Functions of Communications in Society // Mass Communications; Ed. by W. Shramm. Urbana, 1960.

Lazarsfeld P., Berelson B., and Gaudet H. The People's Choice. New York: Columbia University Press, 1948.

Lippmann W. Public Opinion. New York: Free Press, 1922.

Manning C., Schütze H. Foundations of Statistical Natural Language Processing. Massachusetts: MIT Press Cambridge, 1999.

Mccombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. 36. P. 176-187.

McQual D. Mass Communication Theory. 4th ed. London: Sage, 2000.

Nordenstreng K. The Structural Context of media Ethics // Media Ethics. Opening Social Dialog. Leuven; Belgium, 2000.

Shoemaker P. J., Reese, S. D. Mediating the Message (2nd ed.). White Plains, N.Y. Longman, 1996.

Walker J. L. Jr. Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection // British Journal of Political Science. 1977. 7. P. 423-45.

References

Lapin, N. (2016), *Atlas of Russian modernization: socio-economic and socio-cultural trends and problems*, Ves' Mir, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Bednyakov, A. and Mijerin L. (2019), "National projects in Russia: problems and solutions", *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, (4), 20-25. *(In Russian).*

Davydov, A. and Rozin, V. (2017), *Dispute over mediation: the split in Russia and mediation as a strategy to overcome it*, LENAND, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Djakova, E. and Trahtenberg, A. (2001), *Mass communication: models of influence. How is the agenda formed?*, Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, Yekaterinburg, Russia. *(In Russian).*

Zozulja, A., Zozulja, P. and Eremina, T. (2019), "Current problems in implementing priority national projects", *Vestnik Evraziyskoy nauki*, (1). *(In Russian).*

Informatsionno-analiticheskiy bulleten (INAB) (2019), "The attitude of the population of the pilot regions of the Russian Federation to the work of authorities and management: a comparative analysis of 2015-2019", (2). *(In Russian).*

Kaminskaya, T. and Chausov, A. (2020) "National projects and the media sphere: promotion and perception", *Vlast*, 28 (3). *(In Russian).*

Kaminchenko, D. (2019), "Comparative analysis of media's agenda and content of social media", *Mediaskop*, 4. *(In Russian).*

Lushankin, S. (2017), "The concept of 'agenda' in political process: 'political agenda' and it's models", *Vestn. Udmurtsk. un-ta. Ser.: Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1 (4), 456-465. *(In Russian).*

Merzlyakov, A. (2018), "The problem of subjectivity in the sociology of management", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 6 (4), 95-104. *(In Russian).*

Polukhina, E. and Prosjanjuk, D. (2015), "Methods of text analysis in mixed-methods research", *Politicheskaya nauka*, (2), 104-116. *(In Russian).*

Russia: reforming the power and management vertical in the context of problems of sociocultural modernization of regions (2017), in Tihonov, A. (ed.), FNISC RAN, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Chernyh, A. (2008), *Sociology of mass media*, Izd. dom GU VShE, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Blei, D., Ng, A., and Jordan, M. (2003), "Latent Dirichlet allocation", *Journal of Machine Learning Research*, 3, 993-1022.

Bing, L. (2012), *Sentiment Analysis and Opinion Mining*, Morgan & Claypool Publishers.

Boot, W. (1985), "Ethiopia: Feasting on famine", *Columbia Journal Review*, 47-48.

Cohen, J., and Weimann, G. (2000), "Cultivation revisited: Some genres have some effects on some viewers", *Communication Reports*, 13 (2), 1-17.

Dearing, J. W., and Rogers, E. M. (1996), *Communication concepts 6: Agenda-setting*, Sage, Thousand Oaks, California, USA.

Guest, G., MacQueen, K., Namey, E. (2012), *Applied thematic analysis*, Sage, Thousand Oaks, California, USA.

Kinder, D. R. and Sanders, L. M. (1996), *Divided by Color: Racial Politics and Democratic Ideals*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Kingdon, J. W. (1984), *Agendas, alternatives, and public policies*, Little, Brown, Boston, USA.

Krippendorff, K. (2004), *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*, 2nd edition, Sage, Thousand Oaks, California, USA.

Lasswell, H. (1960), "Structure and Functions of Communications in Society", in Schramm, W. (ed.) *Mass Communications*, University of Illinois Press, Urbana, IL, USA.

Lazarsfeld, P., Berelson, B., and Gaudet, H. (1948), *The People's Choice*, Columbia University Press, New York, USA.

Lippmann, W. (1922), *Public Opinion*, Free Press, New York, USA.

Manning, C. and Schütze, H. (1999), *Foundations of Statistical Natural Language Processing*, MIT Press Cambridge, Massachusetts, USA.

Mccombs, M. and Shaw, D. (1972), "The Agenda-Setting Function of Mass Media", *Public Opinion Quarterly*, 36, 176-187.

McQual, D. (2000), *Mass Communication Theory*, 4th ed., Sage, London, UK.

Nordenstreng, K. (2000), *The Structural Context of media Ethics*, Media Ethics. Opening Social Dialog, Leuven; Belgium.

Shoemaker, P. J. and Reese, S. D. (1996), *Mediating the Message*, 2nd ed. White Plains, N.Y. Longman, USA.

Walker, J. L., Jr. (1977), "Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection", *British Journal of Political Science*, 7, 423-45.

Статья поступила в редакцию 01 ноября 2020 г. Поступила после доработки 26 ноября 2020 г. Принята к печати 01 декабря 2020 г.

Received 01 November 2020. Revised 26 November 2020. Accepted 01 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Просянюк Дарья Вячеславовна, кандидат социологических наук, социолог в «Объединенной металлургической компании», независимый исследователь.

Daria V. Prosyanyuk, PhD in Sociology, Sociologist, United Metallurgical Company (OMK), Independent Researcher.

Кислицина Ирина Дмитриевна, лаборант-исследователь Центра социологии управления и социальных технологий Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Irina D. Kislitsina, Laboratory Researcher, Center for Sociology of Management and Social Technologies, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.77 **DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-7**

Тихонов А. В.[1]
Мерзляков А. А.[2]

Что мешает «прорывному» российскому проекту «Наука» стать действительно прорывным?

[1)] Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
alvast39@mail.ru

[2)] Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
merzliakov@mail.ru

Аннотация. Эта работа продолжает исследование Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН проблем готовности регионов к инновационной деятельности с учётом их причастности к различным уровням социокультурной модернизации. Но если целью первого этапа было получение предварительных данных о барьерах, препятствующих реализации целей и задач системы научного-технического развития (СНТР), связанных с информационно-коммуникативными каналами обратной связи и с механизмами контроля за реализаций стратегических программ в регионах с использованием метода дистанционного анализа сайтов региональных органов власти, то на этом этапе мы получали данные от специально подобранных групп экспертов не только о ситуации в регионах, но и о сопоставлении первичной информации по отдельным программам с реализацией программы «Наука». В итоге мы пришли к выводу, что социологическое сопровождение подготовки и реализации Стратегических документов, на примере реализации СНТР РФ, даёт не полную картину организации работы в регионах по решению социально-экономических проблем их развития. В ходе анализа контента сайтов региональных органов власти и материалов экспертизы в регионах оказалось возможным понять интенцию систем управления и то, на что, преимущественно, направлены интересы руководства: на дело или на отчётность, получить более полные данные о содержании и структуре социальных условий в регионах, непосредственно влияющих на процесс реализации стратегически важных для страны решений на основе таких документов как Концепция, Стратегия и Программа инновационного развития. Однако в отношении проекта «Наука» сложилась неоднозначная ситуация: с одной стороны, эксперты ставят данный национальный проект в качестве одного из ключевых (80%), а с другой отмечают, что население вряд ли будет сильно его поддерживать (34%) и неизвестно как справится с этой задачей администрация регионов, находящихся на разных этапах социокультурной модернизации. Для более полного выяснения проблемной ситуации был сформулирован и изучен перечень специфических факторов (условий),

способствующих превращению национального проекта «Наука» в драйвер осуществления других национальных проектов, таких как административно-управленческие, финансовые, экономические, политические и социальные и сделаны предложения организационно-управленческого характера. Это позволило сделать выводы о создании в регионах специальных оргструктур для более полного использования потенциала национального проекта «Наука».

Ключевые слова: стратегии научно-технологического развития; уровень социокультурной модернизации региона; дистанционные методы исследований; оценка реализации стратегий развития; специфические факторы (условия) модернизации; драйвер модернизации региона; программа Наука

Информация для цитирования: Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Что мешает «прорывному» проекту «Наука» стать действительно прорывным? // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 112-127. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-7.

Original article

Aleksandr V. Tikhonov[1]
Andrey A. Merzlykov[2]

What prevents the "breakthrough" Russian project "Science" from becoming a real breakthrough?

[1)] Center for Sociology of Management and Social Technology,
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
alvast39@mail.ru

[2)] Center for Sociology of Management and Social Technology,
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
merzliakov@mail.ru

Abstract. This work continues the study of the problems of regional readiness for innovative activities, taking into account their involvement in various levels of socio-cultural modernization. The study is being carried out by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences. But if the goal of the first stage was to obtain preliminary data on the barriers that impede the implementation of the goals and objectives of the system of scientific and technical development (SSTD) associated with information and communication feedback channels and with mechanisms for monitoring the implementation of strategic programs in the regions using the method of remote site analysis regional authorities, then at this stage we received data from specially selected groups of experts not only on the situation in the regions, but also on the comparison of primary information on individual programs with the implementation of the Science Program. As a result, we came to the conclusion that sociological support for the preparation and implementation of strategic documents, using the example of the implementation of the RF SNTD, does not give a complete picture of the organization of work in the regions to solve the socio-economic problems of their development. The content analysis of websites of regional authorities and materials of expertise in the regions enabled to get a

better understanding of intentions of the management systems and their interests mainly aimed at: business or reporting, obtaining more complete data on the content and structure of social conditions in the regions, directly affecting the implementation of strategically important decisions for the country on the basis of such documents as the Concept, Strategy and the Program of Innovative Development. However, with regard to the Science Project, an ambiguous situation has developed: on the one hand, experts put this national project as one of the key ones (80%), and on the other hand, they note that the population is unlikely to strongly support it (34%) and it is not known how the administration of regions that are at different stages of socio-cultural modernization will cope with this task. To understand the problem situation more clearly, a list of specific factors (conditions) was formulated and studied that contribute to the transformation of the national Science Project into a driver for the implementation of other national projects, such as administrative, financial, economic, political and social, and proposals were made for organizational and managerial character. This made it possible to draw conclusions about the creation of special organizational structures in the regions for a fuller use of the potential of the national Science Project.

Keywords: scientific and technological development strategies; level of socio-cultural modernization of the region; remote research methods; assessment of the implementation of development strategies; specific factors (conditions) of modernization; driver of the modernization of the region; Science Program

Information for citation: Tikhonov, A. V. and Merzlykov, A. A. (2020), “What prevents the “breakthrough” science project from becoming a real breakthrough?”, Research Result. Sociology and management, 6 (4), 112-127, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-7.

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* В рамках организации и проведения 5 научно-исследовательских проектов по программе Президиума РАН (2006-2017 гг.) в Центре бала разработана и успешно апробирована технология дистанционного мониторинга разработки и реализации управленческих решений в практике отраслевых структур и органов государственного управления в субъектах РФ. Дистанционный мониторинг представляет собой познавательно-ориентированные процедуры, позволяющие получать предварительную (фоновую) информацию о проблемной ситуации в системе управления на бесконтактной (сетевой) основе, а также выявлять потенциал субъектности (активности социальных групп) для участия в принятии и реализации управленческих решений (ИНАБ №1, 2012; Тихонов, 2014). Основные результаты наших научно-исследовательских работ и апробации элементов дистанционного мониторинга проблем отраслевого и государственного управления отражены в научных публикациях и статьях профильных журналов. (Кластерная политика, 2015; Тихонов, 2015; Богданов, 2016).

В итоге была собрана 160 анкет, данные которых верифицированы по выделенным основаниям отбора экспертов (географическая принадлежность, направление деятельности и статусные характеристики экспертов) и высокому уровню информативности ответов, зафиксированных в открытых вопросах. Валидность этих данных подтверждается статусом контента, а именно официальных порталов правительств субъектов РФ. На втором этапе, экспертные оценки можно признать валидными на основе развернутых (содержательных) ответов экспертов в диапазоне 50-80% по каждому открытому вопросу, а также в соответствии с социально-статусными и профессионально-управленческими характеристиками экспертов.

По результатам исследований первого и второго этапов нами были опублико-

ваны две статьи в журнале МИР (Модернизация. Инновации. Развитие) (Тихонов 2017; Тихонов, 2018). Отчёт об исследовании заслушан на заседании Экспертного совета по вопросам развития региональной и муниципальной науки при Комитете Государственной Думы по образованию и науке на тему «Опыт и проблемы научного обеспечения устойчивого развития регионов и муниципальных образований»[1].

Другой важный момент – эксперты по-разному оценивают поддержку национальных проектов населением в регионах. Во-первых, по мнению экспертов, в целом сам уровень общественной поддержки населения не очень высокий: по всем национальным проектам экспертная поддержка оказалась выше общественной. Во-вторых, присутствуют различия в приоритетности того или иного национального проекта. Единственное совпадение – это проект «Образование», который оказался наиболее значимым как для экспертного сообщества, так и, по мнению экспертов, для населения регионов. (89% и 67% соответственно).

В отношении проекта «Наука» сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, как мы уже отмечали, эксперты ставят данный национальный проект в качестве одного из ключевых (80%), с другой считают, что население вряд ли будет сильно его поддерживать (34%). В итоге возник нетривиальный вопрос: а является ли в современной общественно-политической ситуации в России проект "Наука" действительно ключевым национальным проектом, своего рода главным звеном, «ухватившись» за которое, можно успешно реализовать другие приоритетные инновационные проекты регионов или это просто одно из актуальных направлений общего пакета неотложных политических мер в уменьшении нашего отставания от развитых стран?

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Решение поставленной задачи логично вписывается в контекст научно-исследовательской работы Центра социологии управления ИС РАН. Теоретико-методологическим основанием представленного исследования послужили работы А. С. Ахиезера, М. К. Горшкова, Н. И. Лапина (Ахиезер, 2008; Горшков, 2016; Лапин, 2017). В 2017 году Центр подвел итоги по теме «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (грант РНФ № 15-18-30077) (Россия…, 2017). В рамках этого исследования были изучены возможности и способности отечественной властно-управленческой вертикали (органов власти и управления от федерального до муниципальных уровней) отвечать на возникающие внутренние и внешние вызовы, решать конкретные социально-экономические проблемы регионов, а также интегрироваться в единое организационно-управленческое пространство стратегических решений. Для уточнения концептуальных подходов и решения содержательных задач авторы обратились к опыту группы ЦИСИ Института философии РАН, которая, в свою очередь, на основе адаптированного и модернизированного китайского опыта Центра исследования модернизации Китайской академии наук (под руководством Хэ Чуаньци) (Обзорный доклад, 2011), изучала процессы социокультурной модернизации в 85-ти регионах РФ и издала фундаментальный труд «Атлас модернизации России и ее регионов» (Атлас, 2016). Важную роль сыграли также работы О. В. Аксеновой и Н. Е. Тихоновой (Аксенова, 2016; Тихонова, 2007). Из иностранных источников, помимо Хэ Чуанци, следует особо отметить работы Э. Гидденса, Д. Блея, Дж. Лафферти, Дж. Колемана, Ф. Перро, кото-

[1]Состоялось очередное заседание экспертного совета по вопросам развития региональной и муниципальной науки. URL: http://www.komitet8.km.duma.gov.ru/Ekspertnye-sovety/Rabota-ekspertnyh-sovetov/item/20593501/ (дата обращения: 07.10.2020).

рые позволили сопоставить теоретико-методический подход авторов статьи к проблемам Стратегий с работами известных зарубежных исследователей (Blei, 2006; Coleman, 1990; Гиденс, 2011; Perroux, 1950).

В исследовании, методом экспертного опроса, выбранным в качестве способа сбора поисковой информации, были охвачены 17 субъектов РФ с различным уровнем социокультурной модернизации.

Основаниями для разработки экспертной базы стали:

• географическая принадлежность экспертов в соответствии с отбором 17-ти регионов;

• направление деятельности экспертов в конкретных сферах и областях производственной и непроизводственной деятельности;

• статусная характеристика экспертов, подразумевающая либо занятие руководящей должности в организации/предприятии, либо занятость в качестве эксперта/специалиста в определенной сфере деятельности (депутаты, управленческие консультанты).

В частности, эксперты были отобраны в соответствии со следующими типами деятельности:

1. Представители инновационных лабораторий, инновационных инкубаторов, технопарков на территории региона.

2. Представители инновационно-технологических кластеров региона.

3. Представители отдельных инновационных предприятий региона.

4. Руководство вузов и других учебно-образовательных заведений, связанных с инновационными разработками, технологиями.

5. Директора и заместители директоров научно-исследовательских организаций, включенных в инновационные разработки.

6. Представители и сотрудники региональных министерств промышленности, экономики и науки.

7. Руководство региональных венчурных и инвестиционных фондов, организующих поддержку инновационных разработок.

Рекрутинг состава экспертов производился региональными координаторами посредством личных связей с конкретными персонами, а также путем организации поиска и установления связи через контакты из открытых источников (официальные сайты компаний и организаций, справочные телефонные книги).

Диапазон отбора респондентов – не менее 5-ти экспертов из каждого региона.

В итоге было собрано 160 анкет. Валидность полученных данных подтверждается развернутыми (содержательными) ответами экспертов в диапазоне 50-80% по каждому открытому вопросу, а также в соответствии с социально-статусными и профессионально-управленческими характеристиками экспертов:

• высокий уровень должностной ответственности: 76% – руководители высшего (33%), среднего (38%) и низшего (5%) звеньев, остальные 24% – специалисты-практики;

• 87% экспертов оценивают свой управленческий опыт как положительный;

• уровень образования подтверждает компетентность экспертов: 60% имеют высшее образование, 32% кандидатов и 13% докторов наук.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). В качестве критерия вовлечённости регионов в инновационный процесс на основе поддержки научных контактов нами был взят учёт их контактов с передовыми научными центрами[1]. В частности, с Курчатовским институтом. Инженеры и технологи НИЦ Курчатовский институт представляют собой новаторов в том смысле, что они и в теории, и на практике (в предмете своей

[1] Второй этап опытной эксплуатации платформы обратной связи стартует в регионах с 1 августа. URL: https://d-russia.ru/vtoroj-jetap-jekspluatacii-platformy-obratnoj-svjazi-startuet-v-regionah-s-1-avgusta.html (дата обращения: 29.10.2020).

деятельности) объединяют социо-гуманитарное знание с научно-техническим.

О наличии тесных связей между региональными учеными и их коллегами из Института им. Курчатова заявили 5 регионов (Москва, Московская область, Новосибирская область, Республика Татарстан, Санкт-Петербург). Во всех регионах, за исключением 5-ти (Амурская область, Вологодская область, Московская область, Новосибирская область, Смоленская область) эксперты допустили наличие возможных отношений. О том, что у Института есть отношения с отдельными организациями, заявили 10 регионов, кроме Амурской, Белгородской, Вологодской, Новгородской, Омской областей, Республики Калмыкия и Санкт-Петербурга. Примечательно, что эксперты 11-ти регионов, включая Москву и Санкт-Петербург, не нашли общих связей между Курчатовским институтом и региональными научными организациями. Что касается отдельных организаций, взаимодействующих с Курчатовским институтом, регионы предоставили следующую информацию. Так, например, Белгородская область заявила о наличии возможных связей Института с Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (НИУ «БелГУ»), одним из старейших вузов Белгорода. Стратегически важные для Курчатовского института регионы, Москва и Санкт-Петербург, не забыли упомянуть организации, входящие в его состав. Например, НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ (ФГБУ Петербургский институт ядерной физики имени Б.П. Константинова НИЦ «Курчатовский институт», Гатчина), НИЦ «Курчатовский институт» – ЦНИИ КМ «Прометей» (ФГУП «Центральный научно-исследовательский институт конструкционных материалов «Прометей» имени И.В. Горынина» НИЦ «Курчатовский институт», Санкт-Петербург), а также Физико-технический институт имени А. Ф. Иоффе РАН. Ниже представлены данные прямого опроса экспертов относительно *актуальности проекта «Наука» и смежных с ним проектов в политике стратегического развития отдельных регионов (табл. 1)*

Таблица 1

Является ли проект «Наука» ключевым национальным проектом?
(данные на основе экспертного опроса 17 субъектов РФ), %

Table 1

Is the Science Project a key national project?
(data based on an expert survey of 17 constituent entities of the Russian Federation), %

да / yes	63
нет / no	16
затрудняюсь ответить / don't know	13
другое / other	8

Более половины опрошенных экспертов (63%) считают, что программа «Наука» является ключевым национальным проектом, главным звеном, способствующей успешной реализации других приоритетных инновационных проектов в регионах (см. табл. 1). Не согласны с данным утверждением 16% экспертов, а 13% затруднились дать однозначный ответ.

Ряд экспертов, обосновывая свою позицию, дали развернутые комментарии. Часть из них, соглашаясь с мнением о приоритетности проекта «Наука» по сравнению с другими национальными проектами, отмечают ряд существенных условий, при которых, данный проект может стать ключевым и способствовать интенсивному развитию регионов. Во-первых, выделяют ряд требований непосредственно к самому проекту «Наука», к которым относят формирование соответствующей инфраструктуры, подготовка квалифицированных

кадров, достойное финансирование, рост и развитие научного сообщества в целом, расширение научно-профессионального сотрудничества: «в проекте должна быть разработана база для взращивания реальной инфраструктуры для развития региона, бизнеса в целом… компетентные кадры, конкуренция…, унификация бизнес-процессов…, доступные инструменты финансирования, консультации, … оценки риска»; «Важно разработать единый регламент работы научного сообщества и обеспечить эту работу интерактивными механизмами поддержки в единой технологической политике и стыке перспективных технологий», «Это парус, но он требует внятных задач, финансирования, свободы действий и ответственности за результат». Во-вторых, эксперты указывают на требования к государственной политике, которая должна быть ориентирована на научно-техническую модернизацию ведущих отраслей региона, а также разработку внятной региональной программы экономико-технологического развития: «вместе с политикой, направленной на восстановление и развитие отраслей материального производства и определение технологических приоритетов в них», «созданные государством условия предназначены для удобства контроля, а не для работы. В-третьих, некоторые эксперты, акцентировали внимание на необходимости организации связки национального проекта «Наука» с другим проектом «Образование», их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности: «Только через науку и образование возможно развитие страны. Других вариантов просто НЕТ», «Программы «Наука» и «Образование» являются таковыми вместе». В-четвертых, эксперты отмечали важность и значимость усиления сотрудничества и кооперации науки и промышленности: «Почему-то наука отделилась от реальной экономики, хотя улучшение реальной экономики даст прорыв в производительности труда».

Таблица 2

Является ли проект «Наука» ключевым национальным проектом?
(данные на основе экспертного опроса 17 субъектов РФ), %

Table 2

Is the Science Project a key national project?
(data based on an expert survey of 17 constituent entities of the Russian Federation), %

Регион / Region	Варианты / Options			
	да / yes	нет / no	затрудняюсь ответить / don't know	Всего / total
Амурская область / Amurskaya region	100			100
Белгородская область / Belgorod region	60	40		100
Вологодская область / Vologda region	100			100
Москва / Moscow-city	60	20	20	100
Московская область / Moscow region	33	33	33	100
Нижегородская область / Nizhny Novgorod region	60		40	100
Новгородская область / Novgorod region	67		33	100
Новосибирская область / Novosibirsk region	100			100
Омская область / Omsk region	83	17		100
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	29	43	29	100

Регион / Region	Варианты / Options			
	да / yes	нет / no	затрудняюсь ответить / don't know	Всего / total
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	50	50		100
Республика Саха (Якутия) / The Republic of Sakha (Yakutia)	63	13	25	100
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	86		14	100
Санкт-Петербург / St. Petersburg	86	14		100
Свердловская область / Sverdlovsk region	100			100
Смоленская область / Smolensk region	67		33	100
Томская область / Tomsk region	25	50	25	100

Ряд экспертов не согласны с позицией приоритетности проекта «Наука» над другими национальными проектами, которые в обосновании своей позиции говорили о приоритетности решения актуальных социально-экономических проблем, возрождении деятельности крупных предприятий, формировании заинтересованности бизнеса в научных разработках: «Необходимость решать острые социальные вопросы (низкая заработная плата, высокая закредитованность населения, качество медицинского обслуживания и прочее) делает затруднительным развитие в регионе национального проекта «Наука»», «При низком спросе со стороны бизнеса на результаты исследований и разработок сам по себе полезный рост уровня научных центров вряд ли сможет оказать существенное влияние на экономику», «Программа «Наука» должна грамотно сочетаться с другими программами», «ключевым является вопрос возврата государству крупнейших предприятий, в первую очередь добычи полезных ископаемых, транспорта, энергетики, производства важнейших видов промышленной продукции».

Анализ экспертных оценок показал, что в регионах, попавших в выборку исследования, есть различия во мнениях по вопросу о приоритетности национального проекта «Наука». Ряд регионов полностью согласились с данной позицией, к ним нужно отнести Амурскую, Вологодскую, Новосибирскую и Свердловскую области (100%). Высока доля согласившихся с этим утверждением в Омкой области, Санкт-Петербурге и Республики Татарстан (83-86%). Большинство экспертов из Белгородской, Москвы, Нижегородской, Новгородской, Республики Саха (Якутия), Смоленской области (60-67%) считают важным выделение национального проекта Наука в качестве наиболее значимого. В Республике Калмыкия мнения экспертов разделись поровну (50%). Сторонников данной точки зрения меньше всего оказалось в Московской области, Республике Башкортостан и Томской области (25-33%).

Чаше всего с этим были не согласны в Республике Калмыкия и Томская области (по 50%), Республике Башкортостан (43%) и Белгородской области (40%), а также в Московской области (33%).

Перечень условий, способствующих превращению национального проекта «Наука» в драйвер осуществления других национальных проектов в регионе. Экспертами были рассмотрены административно-управленческие, финансовые, экономические, политические и социальные условия, позволяющие проекту «Наука» стать драйвером осуществления национальных проектов в регионах России.

Административно-управленческие условия. Наиболее обсуждаемыми среди экспертов стали административно-

управленческие условия. Эксперты масштабно подошли к этому вопросу и отметили необходимость изменения всей системы управления наукой, отмечая отсутствие системного подхода и стратегического планирования. По мнению экспертов, возникает потребность в разработке понятных механизмов управления с обязательной обратной связью от непосредственных участников научных групп, важный принцип этого механизма – самостоятельность принятия решений и максимальная дистанцированность чиновников от управления наукой: «наука должна управляться самим научным сообществом, пока наукой управляют чиновники, ничего хорошего не получится». Кроме того, оценивая текущую ситуацию, многие эксперты сходятся во мнении относительно необходимости внесения изменений в систему подбора руководящих кадров, акцентируя внимание на том, что «отбор руководителей следует вести только из научно-технической среды, … и ликвидировать феномен «эффективного менеджера» в отношении науки и образования». Также для них существенным является изменение внешних функций управления, а именно содействие политике импортозамещения, помощь в устранении барьеров, препятствующих допуску российских научных организаций к государственному и частному финансированию, а также исключение существующих преференций для использования в промышленности преимущественно иностранных технологий.

Другим важным условием эксперты называют формирование новой национальной системы оценки научной деятельности: «сложно представить, что в пятидесятые годы наука занималась не решением конкретных задач, а публикацией статей и на основании отзывов говорить о своей успешности, это бесперспективно». Требуется внесение изменений в критерии оценки вклада ученого, оценивая его, прежде всего, по количеству и сложности решаемых ими задач. Также необходимо разработать критерии оценки деятельности научных коллективов. Кроме того, экспертами предлагается ввести критерии оценки работы административно-управленческих подразделений (финансовый отдел и т.п.).

Еще одна важная проблема заключается, по мнению экспертов, в отсутствии условий по внедрению готовых научных разработок и созданию здоровой конкурентной среды без жесткого администрирования. В этой связи предлагается создание региональных научно-технических советов (центров, фондов) с соответствующими полномочиями и ресурсами. К основным функциям такого центра эксперты относят следующие позиции:

а) разработка комплексной программы управления научным знанием, переход к проектному принципу управления;

б) разработка механизма оценки научного знания и его социально-экономической целесообразности и востребованности в регионе – «создание механизма оценки и социально-экономической реализации научных разработок»;

в) содействие и оказание помощи по внедрению научного знания в производство – «ориентация на формирование цепочек поставок и встраивание в них производимой наукоемкой продукции»;

г) содействие в налаживании профессиональных контактов и организации межрегионального и международного сотрудничества с другими научными центрами и институтами – «необходима интеграция образовательных институтов с ведущими научно-исследовательскими центрами Москвы и Санкт-Петербурга».

Ряд экспертов выступает за снижение бюрократической нагрузки на науку – «уменьшение бюрократии и количества бумажной работы, освобождение от безумной отчётности». Отмечая важность внешней оценки эффективности проведенной научной работы, эксперты указывают на то, что она должна оцениваться только по конечным результатам и исключать дополнительные административные барьеры, к которым относят, в том числе, ограниче-

ния по использованию выделенных денежных средств – «существует множество ограничений по затратам этих субсидий, что сводит эффективность выделенных средств практически на нет».

Кроме вышеперечисленных эксперты выделили следующие важные проблемы: осуществление нормотворческой деятельности в отношении усовершенствования механизмов приобретения авторского права и юридического закрепления результатов интеллектуальной деятельности за их разработчиками – «создание единого центра по присуждению авторского права с условием участия в составе экспертной комиссии представителей НКО»; открытость и прозрачность проведения конкурсных мероприятий – «открытость конкурсов, изменение регулирования конкурсов по госзаказу, введение предквалификации участия в конкурсах»; повышение уровня цифровизации науки – «создание новых технологических решений и тиражирование их в региональных центрах на основе современных методов цифровизации, замена транспортных потоков на информационные».

Финансовые условия. В целом все опрошенные эксперты указали на необходимость значительного увеличения финансирования науки – «на развитие науки следует выделять значительные средства; необходимо увеличить финансирование научных исследований как фундаментальной, так и прикладной науки».

При более детальном анализе были выделен ряд ключевых направлений, которые требуют, по мнению экспертов, привлечения дополнительных финансовых средств. В первую очередь, эксперты говорили о повышении заработной платы научных сотрудников, стипендий для студентов и аспирантов – «зарплаты людей, занимающихся наукой, должны быть не ниже 1500 долларов, тогда они не будут искать дополнительного заработка и тратить время на другую работу; для привлечения молодых специалистов в научную сферу необходима финансовая поддержка: повышение суммы аспирантских стипендий». Также значимым, по мнению экспертов, является выделение дополнительных средств на закупку современного научного оборудования – «многие институты и научные центры по-прежнему плохо оснащены современным научным оборудованием, без которого невозможно выполнение исследований на современном уровне». Еще одно направление, требующее дополнительного финансирования – это увеличение сумм грантовой поддержки проводимых научных исследований – «бюджетная поддержка актуальных НИОКР от 50 млн. руб. и выше для доведения до практической реализации и внедрения».

Следующим аспектом является направленность целевого финансирования. При выборе основных направлений эксперты особо акцентировали внимание на увеличении фиксирования научных разработок, способствующих созданию инновационного продукта, который будет востребован на рынке – «необходимо финансирование науки в востребованном на рынке направлении». Эксперты отмечают важность финансирования с целью формирования научных коллективов, способных обеспечить не только разработку, но и внедрение востребованных научно-инновационных продуктов в производство - «в ситуации, если есть запрос на какой-либо инновационный продукт необходимо дополнительное финансирование для создания новых научно-исследовательских центров». Кроме того, отмечается важность выделения денежных средств для осуществления полного цикла научно-исследовательской деятельности коллективов – от теоретической разработки до ее внедрения в производство, требуется «систематизация финансовых государственных инструментов адресной поддержки для поэтапного развития ученого, инженера, технологического предпринимателя, развитие организационно-финансовых механизмов». Так же эксперты отмечают важность привлечения в науку частного

капитала, разработку и внедрение существующих прикладных научных исследований, связь науки и рынка, востребованность текущих разработок для развития экономики и промышленности.

Еще одним аспектом выступает изменение существующих механизмов и форм расходования выделенных денежных средств, к которым можно отнести предоставление научным коллективам свободы действий («нужна большая свобода при пользовании финансовыми инструментами, повышение финансовой грамотности»), а также развитие правовой базы и анализ существующего зарубежного опыта - нужно «развивать правовое регулирование при использовании финансирования через венчурные фонды, соотнести с международным опытом подобного вида финансирования».

Так же эксперты отметили необходимость обеспечения равного доступа к финансированию научных исследований для всех регионов («необходим равный доступ регионов к федеральному финансированию фундаментальных исследований и НИР») и снижение коррупции при распределении финансовых средств («большая коррупционная составляющая; при условии, что выделенные федеральные деньги перестанут пилить»).

Экономические условия. В целом к экономическим условиям развития проекта «Наука» эксперты относят необходимость создания эффективного и тесного взаимодействия науки, государства и бизнеса – «корректировка механизмов реализации экономической поддержки научных проектов, осуществляемых с привлечением бизнеса и государства».

Так эксперты отметили, что в настоящее время требуется частичная переориентация науки на решение прикладных задач с целью создания новых инновационных продуктов и технологий – «задачи для прикладной науки должны быть сформированы и переданы ученым для решения». Адаптация научных исследований для решения экономических задач региона, разработка высокотехнологичной продукции с использованием НИОКР приведет, по мнению экспертов, к повышению ее конкурентоспособности - «разработанная по НИОКР продукция должна быть дешевле зарубежных аналогов».

Вторым важным экономическим условием является создание тесной связи науки с производством «необходимо стимулировать активное сотрудничество промышленности и научных учреждений: академических и вузовских». Для решения этой задачи нужно предоставлять различные преференции и налоговые льготы промышленным организациям и предприятиям, финансирующим и внедряющим НИР – «преференции предприятиям-налогоплательщикам, внедряющим рекомендованные НИОКР; налоговые льготы более интересны крупным игрокам, которые должны их получать при условии участия в национальном проекте «НАУКА», таким образом, будет обеспечена заинтересованность предприятий участвовать в проектах или оплачивать работу экспертов».

Еще одним условием является повышение заинтересованности рынка в инновационной продукции. Эксперты констатируют отсутствие востребованности научного знания промышленными предприятиями и нежелание последними внедрять новые инновационные технологии. Необходимо активно вовлекать бизнес в процесс создания научных разработок через финансирование, долевое участие в проектах – «создания специальных площадок для реализации прорывных научных открытий, изобретений». Эксперты предлагают также создание кластеров, центров принятия решений, а также развитие в регионах высокотехнологичных отраслей, ориентированных на эксплуатацию отечественных разработок.

Помимо привлечения бизнеса, эксперты также говорят о государственной поддержке и стимулирование внедрения научных результатов в экономику региона – «государственные меры по поддержке

внедрения результатов научных работ». В этой связи, по мнению экспертов, требуется: повышение спроса на высокотехнологичную продукцию со стороны государства, его помощь в выходе на внешние рынки, развитие межрегионального и международного сотрудничества, оказание государственной поддержки научных исследований, ориентированных на развитие приоритетных отраслей науки – «необходимо максимально учесть существующие проекты и обеспечить им равные возможности для интеграции в производство».

Политические условия. Эксперты выдели несколько основных направлений реализации государственной политики в отношении науки:

- переориентация существующей стратегии государственной политики с федеральных государственных программ на поддержку и развитие региональных проектов – «необходимо перенести фокус внимания на региональные приоритеты», а также всестороннюю активную поддержку развития науки в самих регионах – «поддержка руководства региона со стороны экономико-политических групп, стоящих за проектом «Наука»; реализовывать единую технологическую политику», которая требует разработки и развития на уровне региона продуманной региональной политики – «здравая политика, а не имитация и подмена реальных дел».

- установление более тесных международных контактов и снижение изоляции в области научных исследований – «обеспечить более широкое сотрудничество отечественных ученых с зарубежными коллегами», оказание помощи в продвижении наукоемких технологий на российский и международные рынки – «демонополизация и создание условий продвижения на внешние рынки». Еще одним важным аспектом является создание условий и содействие для привлечения иностранных инвестиций в перспективные наукоемкие отрасли.

- независимость науки от политики – «наука должна быть вне политики».

Экспертами были предложены следующие ключевые направления реализации эффективной политики по отношению к науке:

1) формирование политики, ориентированной на объединение науки, образования и бизнеса для решения приоритетных задач - «стимулирование формирования консорциумов учреждений науки, образования и бизнеса для решения задач национальных проектов»;

2) определение государственных приоритетов развития экономики и на их основании формирование конкретных целей и задач для научных организаций необходимых для их достижения – «сейчас каждая организация и научный работник сами придумывают себе задачи»;

3) укрепление национально-ориентированных тенденций во внутренней, научно-технической и экономической политике, возрождение государственного заказа на науку по типу ГКНТ, поэтапное расширение сферы мобилизации экономических ресурсов на развитие с включением в эту сферу гражданских секторов экономики.

Социальные условия. Ключевым социальным условием реализации национального проекта «Наука», по мнению экспертов, является повышение престижа науки и статуса научного работника – «с помощью реального повышения социального статуса ученого, способствовать престижу научной деятельности», а также усиление вовлечения научного сообщества в развитие региона.

Также значимым эксперты называют обеспечение доступа населения к наукоемким образовательным программам, информирование граждан о результатах научной деятельности, популяризация науки и ее значимости для социально-экономического развития – «понимания в обществе роли науки». Особо эксперты отмечают создание условий для привлечения молодежи в науку – «отсутствует система привлечение молодых специалистов на производство и в науку, сведен к мини-

муму авторитет научного и инженерного труда».

В этой связи предлагается расширение льгот для научных работников и создание благоприятных условий для работы (укрепление социальных гарантий), обустройство социального быта ученого (например, предоставление жилья); предотвращение оттока кадров из регионов в центр – «разработка стимулирующих мер по предотвращению оттока кадров в Санкт-Петербург и Москву»; сокращение разницы в доходах в научных учреждениях – «выравнивание необоснованно завышенного уровня оплаты труда управленческого персонала, который распределяет фонд оплаты труда в своих интересах».

В качестве других условий были выделены снятие возрастных ограничений для руководителей научных организаций – «повысить возрастной ценз», а также осуществление дополнительного вознаграждения работнику предприятия за наличие научной степени – «обязать предприятия вводить дополнительную оплату за научную степень».

Заключение (Conclusions). Анализ полученных оценок показывает, что эксперты по-разному оценивают значимость национальных проектов. Показательно и оптимистично уже то, по их мнению, проекты «Наука» и «Образование» (80% и 89% соответственно) имеют принципиальное значение для эффективного и устойчивого развития регионов. Хотя и другие проекты также актуальны, но в значительно меньшей степени.

Следующий важный момент – эксперты по-разному оценивают поддержку национальных проектов населением в регионах. Во-первых, по мнению экспертов, в целом сам уровень общественной поддержки населения не очень высокий: по всем национальным проектам экспертная поддержка оказалась выше общественной. Во-вторых, присутствуют различия в приоритетности того или иного национального проекта. Единственное совпадение – это проект «Образование», который оказался наиболее значимым как для экспертного сообщества, так и для населения регионов (89% и 67% соответственно).

В отношении проекта «Наука», как мы уже упоминали, сложилась неоднозначная ситуация: с одной стороны, эксперты ставят данный национальный проект в качестве одного из ключевых (80%), а с другой отмечают, что население вряд ли будет сильно его поддерживать (34%). Само население, по их мнению, чаще склонно к поддержке национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» (58%).

Что касается сравнительного анализа приведенных экспертных оценок из разных регионов, попавших в выборку исследования, то следует отметить, что более востребованными национальные проекты оказались для регионов с низким уровнем социокультурной модернизации (Амурская область, Республика Калмыкия, Смоленская область, Томская область). И наоборот, более критичными в отношении актуальности и значимости национальных проектов (и в частности, проекта «Наука») были эксперты из регионов с высоким уровнем социокультурной модернизации (Москва, Московская область, Свердловская область, Нижегородская область, Омская область, Белгородская область). Обнаруженная в исследовании поляризация позиций квалифицированных экспертов по программе Наука совпадает с дифференциацией регионов по уровню их социокультурной модернизации[1]. Это означает,

[1] В основу определения уровней социокультурной модернизации регионов нами была положена методика, разработанная в Центре исследований модернизации Китайской академии наук под руководством ХЭ Чуаньци (КНР), адаптированная и дополненная с учетом российский условий и особенностей статистики в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (рук. Н. И. Лапин). В рамках исследования были выделены четыре уровня социокультурной модернизации: высокий, средний, ниже среднего и низкий. Подтверждение связи социокультурного уровня регионов с уровнем их общего социально-экономического развития, позволяет, в самом об-

что в ряде отстающих регионов могут быть созданы специальные группы для работы по ускорению модернизации регионов путём привлечения специалистов из других программ. Для реализации такой политики необходимо было бы создать комплекс условий, на описание которых мы вышли в ходе нашего исследования. В частности, разработку и внедрение региональных научно-технических советов с соответствующими полномочиями и ресурсами по разработке тактических и каждодневных задач по реализации прорывных проектов с участием местной и государственной программы НАУКА, по анализу краткосрочных и среднесрочных результатов: решению проблемы могло бы способствовать создание некого центра исследований и разработки проблем регионального развития.

Список литературы

Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост.-отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М.: Новый хронограф, 2008. 938 с.

Богданов В. С., Гусейнова К. Э., Мерзляков А. А., Тихонов А. В. Организационно-методологические аспекты дистанционного мониторинга реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах (по материалам дистанционного исследования) // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 41-56.

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Парадокус, 2011. 343 с.

Горшков М. К., Трофимова И. Н. Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1. С. 5–19.

щем виде, исследовать существующие различия в состоянии систем управления и условиях жизни населения в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации (Россия…, 2017; 31-41).

ИНАБ №1 – 2012. Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования). М.: Институт социологии РАН, 2012. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01.ISBN 978–5–89697–212–9 (дата обращения: 04.10.2020).

Кластерная политика в Российской Федерации: региональные и отраслевые аспекты (по материалам интерактивного исследования 2012-2014 гг.) / Отв. редактор А. В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объем 1,5 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 104 с. 1 CD ROM ISBN 978-5-89697-264-8.

Лапин Н. И. Спонтанный характер процессов модернизации и развитие региональных инновационных систем (на основе «Атласа модернизации России и ее регионов») // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 73-77.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. Предисл. Н. И. Лапина, Г. А. Тосуняна. М.: Весь Мир, 2011. 255 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А., Гусейнова К. Э. Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 380-415.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А. Опыт дистанционного анализа реализации кластерной политики в региональном и отраслевом аспектах // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 4 (20). С. 52-65.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Почестнев А. А. Экспертная оценка потенциальных точек роста народного хозяйства регионов РФ и условий их развития // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. 8 (2(30). С. 286-296.

Тихонов А. В., Мерзляков А. А., Богданов В. С. Реализация кластерной политики в регионах РФ (семинар по результатам иссле-

дования) // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 140-157.

Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007. 320 с.

Blei D. M., Lafferty J. D. Dynamic topic models // ICML '06 Proceedings of the 23rd international conference on Machine learning. Pittsburgh, Pennsylvania, USA, June 25-29. 2006. Pp. 113-120.

Coleman J. S. Foundations of Social Theory. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. 933 p.

Perroux F. Economic Space: Theory and Applications // Quarterly Journal of Economics. 1950. № 1. Pp. 34-64.

References

Aksenova, O. V. (2016), *Social action Paradigm: professionals in Russian modernization*, ISRAS, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (ed.) (2016), *Atlas of Russia and its regionsmodernization: socio-economic and socio-cultural trends and problems*, VesMir, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Akhiezer, A. S. (2008), *Russia: historical experience criticism*, Novy hronograf, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Bogdanov, V. S., Guseynova, K. E., Merzlykov, A. A. and Tikhonov, A. V. (2016), "Organizational and methodological aspects of remote monitoring of implementation of cluster policy in regional and sectoral aspects (on materials of the remote sensing studies)", *Research result. Sociology and Management*, 2 (1), 41-56. *(In Russian).*

Giddens, E. (2011), *The Consequences of modernity*, Paradokys, Moscow, Russia *(In Russian).*

Gorshkov, M. K. and Trofimova, I. N. (2016), "Education as a Factor and Resource of Civic Participation and Democratic Development of Society", *Sociological Science and Social Practice*, (1), 5-19. *(In Russian)*

SUIN № 1 (2012), The competitiveness of domestic IT companies (based on interactive study), Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, [Online], available at: http://www.isras.ru/ inab_2012_01 (Accessed 04 October 2020.).

The cluster policy in RF: regional and branch aspects (on the materials of an interactive research in 2012-2014) (2015), Project manager and Executive Editor Tikhonov, A. V., The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 1CD ROM. *(In Russian).*

Lapin, N. I. (2017), "The spontaneous nature of the regional modernization processes and innovation systems development (on the basis of the "Atlas of Russia and its regions modernization")', in *Russia and the world: global challenges and strategies of sociocultural modernization*, FNISCH RAN, Moscow, 73-77. *(In Russian)*

He Chuangui (ed.) (2011), *Overview report on modernization in the world and China (2001-2010)*, Ves Mir, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Russia: the power-management vertical reforming in the context of socio-cultural modernization of regions [monograph] (2017), in Tikhonov, A.V. (ed.), FNISCH RAN, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Merzlyakov, A. A. and Guseinova, K. E. (2018), "Development and Implementation Problems of Scientific and Technological Progress Strategic Programs in the Russian Federation Regions: Social and Organizational Barriers", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 9 (3), 380-415. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. and Merzlyakov, A. A. (2014), "Experience of remote analysis of the implementation of cluster policy in regional and sectoral aspects", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, (4), 52-65. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. and Pochestnev, A. A. (2017), "Expert Evaluation of Potential Points of Economic Growth in the Regions of Russia and the Conditions of their Development", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 8(2(30)), 286-296. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. and Merzlyakov, A. A. (2015), "Realization of Cluster Politics in the Russian Federation Regions (Workshop on the Research Results)", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (14), 140-157. *(In Russian)*

Tikhonova, N. E. (2007), *Social stratification in modern Russia: experience of empirical analysis*, ISRAS, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Blei, D. M. and Lafferty, J. D. (2006), "Dynamic topic models", *ICML '06 Proceedings of the 23rd international conference on Machine learning*, June 25 –29, Pittsburgh, Pennsylvania, USA, 113-120.

Coleman, J. S. (1990), *Foundations of Social Theory*, Belknap Press of Harvard University

Press, Cambridge, UK.

Perroux, F. (1950), "Economic Space: Theory and Applications", *Quarterly Journal of Economics*, (1), 34-64.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2020 г. Поступила после доработки 28 ноября 2020 г. Принята к печати 30 ноября 2020 г.

Received 17 November 2020. Revised 28 November 2020. Accepted 30 November 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Федеральный социологический центр РАН.

Alexander V. Tikhonov, Doctor of Sociology, Professor, Chief Scientific Officer, Head of the Center for Sociology of Management and Social Technology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий, Федеральный социологический центр РАН.

Andrey A. Merzlykov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Center for Sociology of Management and Social Technology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.35 **DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-8**

Шмарион Ю. В.[1]
Насонова М. А.[2]

Сравнительный анализ социальных портретов лидеров и активистов профсоюзных организаций

[1)] Ассоциация социологов «Институт социальных технологий»
ул. Желябова 12а, Липецк, 398050, Россия
jbshmarion@mail.ru

[2)] Федерация профсоюзов Липецкой области
ул. Советская, 7, Липецк, 398001, Липецк, Россия
marina_nasonova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов формирования нового поколения молодых профсоюзных кадров. В работе представлен обзор основных проблем современных отечественных и зарубежных профсоюзов. Одной из основных проблем является проблема лидерства и профсоюзного актива, в решении которой молодым лидерам регионального профсоюзного движения и профсоюзным активистам первичных организаций отводится одна из ключевых позиций. Профсоюзы разных стран уделяют большое вынимание молодежной политике. Молодые кадры профсоюза, обладая актуальными знаниями и опытом, достаточно быстро получают доступ к организационному пространству, извлекают выгоду из корпоративных отношений с государством и работодателями. Показано, что сложившаяся практика назначения молодых лидеров и активистов и традиционные программы подготовки кадров не эффективны. Для достижения результативности в профсоюзной деятельности активистам необходимо учитывать позитивный накопленный опыт профсоюзной организации в системе трипартизма, личностные качества и профессиональные компетенции. Это становится возможным, если имеется информация о социальных портретах актуального лидера профсоюза и претендента на роль лидера профсоюза. Сравнительный анализ этих двух социальных портретов позволяет определить структуру и содержание подготовки кандидатур на роль лидера профсоюза. Обосновано, что процесс формирования молодежного профсоюзного актива и молодых лидеров требует модернизационных преобразований молодежной политики региональных профсоюзов на институциональном и социально-технологическом уровнях. Результаты работы апробированы в Федерации профсоюзов Липецкой области (ФПЛО) в деятельности Молодежного совета ФПЛО.

Ключевые слова: трипартизм; социальный портрет молодого профсоюзного лидера; формирование кадрового резерва профсоюзов

Информация для цитирования: Шмарион Ю. В., Насонова М. А. Сравнительный анализ социальных портретов лидеров и активистов профсоюзных организаций // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 128-145. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-8.

Original article

Yuri V. Shmarion[1]
Marina A. Nasonova[2]

Comparative analysis of social portraits of leaders and activists of trade union organizations

[1)] Association of Sociologists «Institute of Social Technologies»
12a, Zhelyabova st., Lipetsk, 398050, Russia
jbshmarion@mail.ru

[2)] Federation of Trade unions of the Lipetsk region
7, Sovetskaya st., Lipetsk, 398001, Russia
marina_nasonova@mail.ru

Abstract. The article deals with the formation of a new generation of young trade union personnel. The paper presents an overview of the main problems of modern domestic and foreign trade unions. One of the main problems is the problem of leadership and trade union activism, in which the young leader of the regional trade union movement and trade union activists of primary organizations are assigned one of the key positions. Trade unions in different countries pay great attention to youth policy. Young employees of the trade union with relevant knowledge and experience quickly gain access to the organizational space, benefit from corporate relations with the state and employers. It is shown that the current practice of appointing young leaders and activists and traditional training programs are not effective. In order to achieve effectiveness in trade union activities, an activist should to take into account the positive experience of the trade union organization in the tripartism system, personal qualities and professional competencies. This becomes possible if there is information about the social portraits of the current union leader and the candidate for the role of a union leader. A comparative analysis of these two social portraits allows us to determine the structure and content of preparing candidates for the role of a trade union leader. It is proved that the process of forming youth trade union activists and young leaders requires modernizing the youth policy of regional trade unions at the institutional and socio-technological levels. The results of the work were tested in the Federation of Trade Unions of the Lipetsk region in the activities of the Youth Council of the Federation of Trade Unions of the Lipetsk region.

Key words: tripartism; social portrait of a young trade Union leader; formation of the trade Union personnel reserve

Information for citation: Shmarion, Yu. V. and Nasonova, M. A. (2020), "Comparative analysis of social portraits of leaders and activists of trade union organizations", Research Result. Sociology and management, 6 (4), 128-145, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-8.

Введение (Introduction). В современном обществе время от времени возобновляются дебаты о профсоюзном движении, обсуждается проблема участия в «социальном партнёрстве» как явлении, препятствующем полноценному развитию профсоюзов. В системе трипартизма велика роль органов власти, которые участвуют в регулировании договорных трудовых отношений в качестве арбитра между работодателями и профсоюзами, либо как один из социальных партнеров при заключении соглашений по вопросам труда и заработной платы (Ядов, 2006: 331-332). Характерно, что процессы регулирования социально-трудовых отношений в регионах яв-

ляются ключевыми в определении структуры и содержания развития переговорного процесса, как на уровне первичных профсоюзных организаций, так и федеральном уровне (Комаровский, 2006: 21-32).

Постоянное возобновление дискуссии о роли профсоюзов связано с неоднозначностью ответа на вопрос о том, как в конкретной системе трипартизма профсоюзы выполняют функцию института представительства интересов одной из сторон трудовых отношений – наёмных работников (Воронина, 2011: 114-126). Бюро Статистики Труда США изучило историю членства в профсоюзах в промышленно развитых странах с 1970 по 2003 год и установило, что из 20 стран с развитой экономикой, 16 испытали падение плотности профсоюзов с 1970 по 2003 год более, чем в два раза, и только четыре страны, увеличили плотность профсоюзов, это: Финляндия, Швеция, Дания и Бельгия (Jelly Visser, 2006: 38-49). Очевидно, что в динамичной социально-экономической среде профсоюзная работа приобретает свою специфику, которая существенно зависит от политических, социально-экономических, правовых факторов. При этом, профсоюзы добиваются более высоких показателей успеха в тех местах, где они имеют более широкий доступ к организационному пространству и извлекают выгоду из корпоративных отношений с государством и работодателями и, таким образом, активно участвуют в официальной структуре управления системой трипартизма (Sano, 2008: 479-500).

В российской действительности существуют ряд противоречий, в сложившейся системе трипартизма, которые присущи как российским профсоюзам, так и профсоюзам других стран.

Методология и методы (Methodology and methods). Противоречие между достаточно высокими запросами работников на появление активно работающих профсоюзов и низким уровнем защиты профсоюзами социально-трудовых прав трудящихся. По данным ВЦИОМ на 1 марта 2019 г. россияне считают, что профсоюзы нужны, но оценивают их работу критически, отмечая, что они лишь в редких случаях помогают защищать трудовые права граждан. Среди россиян выражен запрос на появление профсоюзов: 71% наших сограждан говорят о необходимости работы профсоюзов в современной России. Каждый второй (52%) опрошенный считает, что в современных условиях профсоюзы могут работать эффективно (ВЦИОМ, 2019).

Противоречие между сложностью и динамичностью современной социально-экономической среды и недостаточным уровнем подготовленности профсоюзных лидеров и профактива эффективно работать в такой среде из-за отсутствия научно обоснованных подходов, обеспечивающих разрешение этого противоречия. В системе институтов гражданского общества профсоюз – это единственная организация, которая реально является демократическим инструментом защиты интересов трудящихся. В сложной и динамичной социально-экономической среде руководителям профсоюзов и профсоюзному активу часто приходится действовать в ситуациях неопределенности: неопределенность функций, недостаток нормативных актов в отношении прав и полномочий, обязанностей и ответственности, способов действий. Обобщение зарубежного опыта (Институт органайзинга в США, Организационная академия в Великобритании, Международный учебный центр международной организации труда – Турин-Италия и др.) (Kim Voss, 2000: 303-349), (Программа, 2019) и отечественного опыта (Институт профсоюзного движения ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений», деятельность учебных центров федераций профсоюзов регионов России) показывает, что в современных условиях одной из ключевых проблем на пути совершенствования способов защиты интересов трудящихся является проблема лидерства и профсоюзного актива в профсоюзном

движении. Профсоюзный лидер – главная фигура профсоюза, и эта актуальная проблема осознается профсоюзами многих стран.

Противоречие между необходимостью эффективного подбора и обучения профактива и лидеров в современных условиях и отсутствием рациональных подходов к решению этих важных задач, а также наличием формализма в системе подбора и подготовки лидеров и активистов профсоюзных организаций. Российская практика подбора лидеров и формирования профсоюзного актива с формальной точки зрения четко соответствует демократическим принципам, однако, это лишь внешняя сторона. Реально роль первичной профсоюзной организации в определении лидера и формировании профактива обычно весьма ограничена. Процесс формирования актива и подбора лидера профсоюзных организаций достаточно часто осуществляется на безальтернативной основе под руководством менеджера организации совместно с действующими на данный момент лидером, либо вышестоящим профсоюзным органом. При этом, в основе принятия решений лежат традиционные представления об «удобном» профсоюзе, а система критериев отбора не учитывает возможность повышения потенциала обновления профсоюза (Германов, 2010: 174-182). На региональном и отраслевом уровне отмечается недостаточный уровень подготовки профсоюзных кадров: доминируют краткосрочные курсы, на которых преобладают теоретические занятия; при формировании групп на обучение, не везде учитываются личностные и профессиональные качества, уровень образования, стаж и опыт работы лидеров и профсоюзных активистов (Хрущева, 2000: 38-39). Поэтому традиционно программы подготовки профсоюзных кадров носят общий характер. Практика показывает, что часто профактивность возникает на базе общей социальной активности работника. Для достижения активистом результативности необходимо учитывать позитивный накопленный опыт в системе трипартизма, его личностные качества и профессиональные компетенции.

Следовательно, актуальность исследования определяется:

– усложнением социальных практик профсоюзных лидеров и актива в динамичной социальной среде;

– возрастанием потребности российских трудящихся в эффективно работающим профсоюзе, результативность которого во многом определяется лидером и профактивом, обладающими актуальными личностными качествами и профессиональными компетенциями и могущими отстаивать социально-трудовые права работников;

– дефицитом социально-технологических разработок, направленных на создание научно-обоснованных процедур подготовки и отбора лидеров и профактива, способствующих повышении роли профсоюзов в региональной системе трипартизма.

Таким образом, на основе представления об актуальности данного исследования, и степени научной разработанности можно сформулировать проблему исследования, которая определяется противоречием между необходимость появления в региональной системе трипартизма нового поколения лидеров профсоюза и профактивистов способных решать современные задачи профсоюзного движения и дефицитом научно обоснованных социально-технологических разработок подбора и обучения профсоюзных кадров, базирующихся на социологической информацией о социальном портрете актуального лидера профсоюза и подобной информацией претендента на роль лидера профсоюза.

Целью и задачами данной работы является сравнительный анализ этих двух социальных портретов, позволяющий определить структуру и содержание под-

готовки кандидатур на роль будущего лидера профсоюза из потенциальных активистов профсоюзной работы, реализация которых станет актуальным научным направлением совершенствования деятельности российских профсоюзов обеспечивающим формирование нового поколения профсоюзных лидеров и актива и, прежде всего, из молодежной среды, способных достигать эффективного и гармоничного социального партнерства во взаимодействии с работодателями и властью.

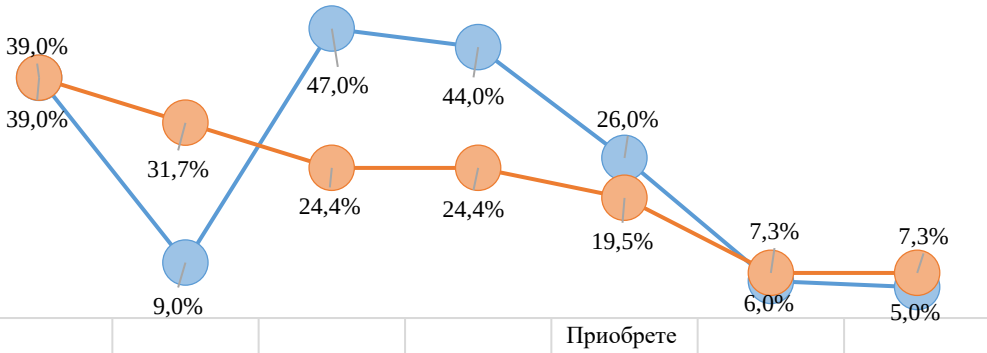
Теоретической основой составления социального портрета молодых лидеров регионального профсоюзного движения и профсоюзных активистов стала концепция идеальных типов М. Вебера (Вебер 1990), который не только разработал метод идеальных типов, но и активно его использовал в социологических исследованиях. Социальный портрет строится, как теоретическая смысловая конструкция, путем усиления, заострения, логического связывания элементов профсоюзной деятельности, встречающихся в разных первичных организациях региона.

Гипотеза исследования заключается в том, что новая модель деятельности актива региональных профсоюзов позволит, с использованием деятельностно-активистского подхода, предложенного В. А. Ядовым (Обременко, 2005: 10-44) и социально-технологического подхода решить ряд исследовательских практических задач, связанных с формированием нового поколения молодых лидеров и активистов регионального профсоюзного движения. В понятийную модель были включены полученные посредством построения социальных портретов: личностные характеристики, профессиональные компетенции, характеристики социального пространства и другие, в которых реализуются основные функции системы трипартизма.

Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анкетирования. В соответствии со структурой профсоюзных организаций ФПЛО методом основного массива была сформирована выборочная совокупность, в которую вошли молодые лидеры профсоюзных организаций в количестве 41 человека и представители актива соответствующих профсоюзных организаций в количестве 100 человек. Анкетирование осуществлялось в феврале 2019 года.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Факторы, побуждающие профсоюзный актив и лидера к активной профсоюзной деятельности, должны соответствовать современным тенденциям развития профсоюзов. При этом соотношение факторных пространств молодых лидера и актива должно быть таким, чтобы каждое последующее поколение лидеров обладало большим потенциалом роста как личностных, так и профессиональных качеств. В развитии современных профсоюзов во многих странах делается акцент на молодежь, обладающую современными компетенциями и высоким уровнем социальной активности.

Представленные на рис. 1 и в табл. 1 результаты социологического исследования отражают факторное пространство молодежи профсоюзного движения Липецкой области.



	Стремление самореализоваться/ Self-actualization	Стремление самоутвердиться/ Self-affirmation	Стремление быть полезным обществу/ Desire to be useful to society	Интерес/ Interest	Приобретение опыта управленческой деятельности/ Acquisition of management experience	Другое/ Other	Экономическая выгода/ The economic benefit
Актив/ Asset	39,0%	9,0%	47,0%	44,0%	26,0%	6,0%	5,0%
Лидер/ Leader	39,0%	31,7%	24,4%	24,4%	19,5%	7,3%	7,3%

Рис. 1. Структура факторного пространства, побуждающего активистов и лидера к активной профсоюзной деятельности
Fig. 1. Structure of the factor space that encourages activists and leaders to engage in active trade union activities

Таблица 1

Направление и интенсивность тренда факторного пространства, побуждающего активистов и лидера к активной профсоюзной деятельности

Table 1

The direction and intensity of the factor space trend that encourages activists and leaders to engage in active trade union activities

Факторы, побуждающие актив и лидера к активной профсоюзной деятельности / Factors encouraging activists and leaders to engage in active trade union activity	Актив (А) / Activists (A)	Лидер (Л) / Leader (L)	Отклонение (А-Л) / Deviation (A-L)	Направление тренда и его интенсивность / Trend Direction and intensity	
				уменьшение / Decrease	увеличение / Increase
Стремление быть полезным обществу / Desire to be useful to society	47,0%	24,4%	22,6%		1,93
Интерес / Interest	44,0%	24,4%	19,6%		1,80
Приобретение опыта управленческой деятельности / Acquisition of management experience	26,0%	19,5%	6,5%		1,33
Стремление самореализоваться / Self-actualizatic	39,0%	39,0%	0,0%		1,00
Другое / Other	6,0%	7,3%	-1,3%	-1,22	
Экономическая выгода / Economic benefit	5,0%	7,3%	-2,3%	-1,46	
Стремление самоутвердиться / Self-assertion	9,0%	31,7%	-22,7%	-3,52	

В сравнительном анализе мнений профсоюзного актива и лидеров наблюдается совпадение желания самореализоваться, как у актива (39,0%), так и у лидеров (39,0%). Установлено, что интенсивность и направление проявления других факторов у лидеров и актива не совпадают и имеют существенный размах, как в сторону увеличения (максимальное значение в 1,93 раза), так и в сторону уменьшения (максимальное значение в 3,52 раза) (см. табл. 1).

Так в частности (см. рис.1):

- ✓ стремление быть полезным обществу более выражено у профсоюзного актива (47,0%), чем у профсоюзного лидера (24,4%), т.е. в 1.93 раза;
- ✓ уровень интереса к активной деятельности в профсоюзной организации у профсоюзного актива в 1,8 раза выше, чем у профсоюзного лидера (соответственно 44,0% против 24,4%);
- ✓ желание приобрести опыт управленческой деятельности у профсоюзного актива в 1,33 раза выше, чем у профсоюзного лидера (соответственно 26,0% против 19,5%).

Вместе с этим, профсоюзный актив имеет не только более низкий уровень (в 3,52 раза) стремления самоутвердиться, чем лидер профсоюзного движения (соответственно 9,0% против 31,7%), но также активистов профсоюза в 1,46 раза меньше волнует экономическая выгода от активного участия в профсоюзной деятельности.

Профсоюзный актив имеет такой набор активизирующих факторов, который побуждает их к плодотворной профсоюзной деятельности больше чем лидеров, и этот набор факторов, во многом, соответствует специфике профсоюзной деятельности, командной работе на высоком уровне в рамках трипартизма, обеспечивая отстаивание социальных и трудовых прав членов профсоюзной организации. Можно утверждать, что профсоюзный актив обладает достаточным потенциалом для выдвижения из своих рядов, в случае необходимости, нового лидера профсоюзной организации.

В процессе подбора из профсоюзного актива кандидатур на должность лидера необходимо рассматривать тех, кто может сохранить достигнутый позитивный набор активизирующих факторов, от которых зависит результативная профсоюзная деятельность. Перед выдвижением кандидатур необходимо организовать их экспресс-подготовку с ориентацией на формирование лидерских качеств, востребованных в конкретной профсоюзной организации. Такая социальная технология формирования молодежного лидерского резерва будет способствовать повышению качества профсоюзной работы на конкретном предприятии.

Результаты сравнительного анализ личностных качеств профсоюзного актива и лидера представлены в таблице 2.

Совокупность личностных качеств профсоюзного актива и лидеров показывает, что актив имеет больший потенциал воздействия на работодателя, чем существующий лидер. У профсоюзного актива выше: уровень готовности поддержать работника в трудную минуту, способность представлять и отстаивать интересы коллектива, способность организовать коллектив на решение поставленных задач, активная жизненная позиция. Вместе с этим, у них развито чувство гибкости поведения, чувствительности к ситуации.

В реальной социальной среде действуют не только позитивные факторы, но и факторы, препятствующие участию в профсоюзной деятельности как лидеров, так и активистов. Установлено, что у лидеров и активистов они, в целом, совпадают, так как они работают синхронно в одном и том же социальном пространстве. Основные различия определяются разным статусом лидера и активиста на момент проведения исследования (см. рис. 2 и табл. 3).

Таблица 2

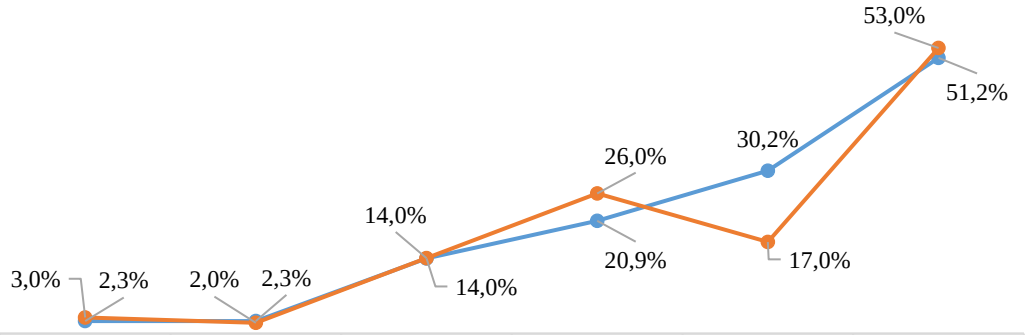
Направление и интенсивность тренда актуальности личностных качеств актива и лидера, побуждающих их к профсоюзной деятельности

Table 2

Direction and intensity of the trend in the relevance of the personal qualities of activists and leaders that motivate them to trade union activities

Актуальные качества профсоюзных активистов и лидера / Current qualities of trade union activists and leaders	Актив (А) / Activists (A)	Лидер (Л) / Leader (L)	Отклонение (А-Л) / Deviation (A-L)	Направление тренда и его интенсивность /Trend Direction and intensity	
				Уменьшение / Decrease	Увеличение / Increase
Готовность поддержать в трудную минуту / Willingness to support in difficult times	27,0%	12,2%	14,8%		2,21
Способность представлять и отстаивать интересы коллектива / Ability to represent and defend the interests of the team	62,0%	31,7%	30,3%		1,96
Способность организовать коллектив на решение поставленных задач / Ability to organize a team to solve tasks	37,0%	22,0%	15,0%		1,69
Активная жизненная позиция / Active life position	54,0%	39,0%	15,0%		1,38
Инициативность и умение мотивировать себя / Initiative and self-motivation	36,0%	29,3%	6,7%		1,23
Знание себя, своих чувств и эмоций/ Knowledge of yourself, your feelings and emotions	21,0%	17,1%	3,9%		1,23
Уверенность в себе / Self-confidence	47,0%	39,0%	8,0%		1,20
Коммуникабельность / Communication skills	46,0%	39,0%	7,0%		1,18
Умение создать команду / Ability to create a team	53,0%	46,3%	6,7%		1,14
Справедливость / Equity	25,0%	22,0%	3,0%		1,14
Умение создавать условия для самореализации своих последователей / Ability to create conditions for self-realization of their followers	29,0%	26,8%	2,2%		1,08
Другое/ Other	1,0%	1,0%	0,0%		1,00
Видение перспективы / Vision of the future	24,0%	24,4%	-0,4%	-1,02	
Надёжность, ответственность и последовательность / Reliability, responsibility and consistency	43,0%	46,3%	-3,3%	-1,08	
Готовность к риску / Risk tolerance	18,0%	34,1%	-16,1%	-1,90	
Гибкость поведения и чувствительность к ситуации / Flexibility of behavior and sensitivity to the situation	19,0%	41,5%	-22,5%	-2,18	

Лидеры и активисты, выполняя важную и ответственную работу, не всегда чувствуют себя защищенными. Данные, представленные на рисунке 3 и в таблице 4, показывают, что оценка уровня защищенности интересов лидеров и профсоюзного актива происходит в пределах одного и того же социального пространства и социального времени. В диапазоне оценок от «плохо» до «отлично» структура оценок лидеров и активистов практически совпадает.



	неудачный опыт/ bad experience	недоверие к профсоюзным организациям/ distrust of trade Union organizations	другое/ other	отсутствие информации о возможности такой деятельности/ lack of information about the possibility of such activities	непонимание окружающими моего желания работать в профсоюзе/ lack of understanding by others of my desire to work in a trade Union	отсутствие времени/ lack of time
Актив/ Asset	2,3%	2,3%	14,0%	20,9%	30,2%	51,2%
Лидер/ Leader	3,0%	2,0%	14,0%	26,0%	17,0%	53,0%

Рис.2. Факторы, препятствующие лидерам и профсоюзному активу в активной профсоюзной деятельности
Fig. 2. Factors that prevent leaders and trade union activists from active trade union activity

Таблица 3

Направление и интенсивность тренда влияния факторов, препятствующих профсоюзному активу и лидерам в активной профсоюзной деятельности

Table 3

The direction and intensity of the trend of influence of factors that hinder trade union activity and leaders in active trade union activity

Факторы, препятствующие лидерам и профсоюзному активу активной деятельности в профсоюзной организации / Factors that prevent leaders and trade Union activists from being active in a trade Union organization	Актив (А) / Activists (A)	Лидер (Л) / Leader (L)	Отклонение (А-Л) / Deviation (A-L)	Направление тренда и его интенсивность / Trend Direction and intensity	
				уменьшение / Decrease	увеличение / Increase
Отсутствие времени / No time	53,0%	51,2%	1,8%		1,04
Отсутствие информации о возможности такой деятельности / Lack of information about the possibility of such activities	26,0%	20,9%	5,1%		1,24

Неудачный опыт / Bad experience	3,0%	2,3%	0,7%		1,29
Недоверие к профсоюзным организациям / Distrust of trade unions	2,0%	2,3%	-0,3%	-1,16	
Непонимание окружающими моего желания принимать участие в управленческой деятельности профсоюзной организации / Lack of understanding by others of my desire to participate in the management activities of a trade union organization	17,0%	30,2%	-13,2%	-1,78	
Другое / Other	14,0%	14,0%	0,0%	1,00	

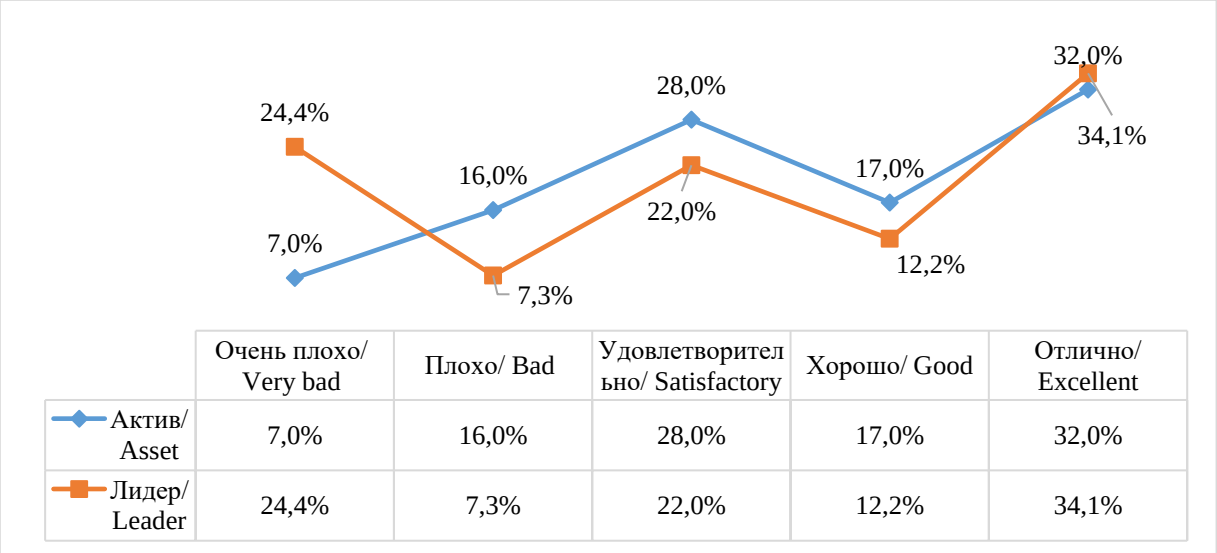


Рис.3. Оценки лидерами и профсоюзным активом уровня защиты их интересов профсоюзными организациями

Fig. 3. Assessment by leaders and trade union activists of the level of protection of their interests by trade union organizations

Таблица 4

Направление и интенсивность тренда изменения оценок лидеров и актива уровня защиты их интересов профсоюзными организациями

Table 4

Direction and intensity of the trend of change in the assessments of leaders and activists of the level of protection of their interests by trade union organizations

Оценки лидерами и активом уровня защиты их интересов профсоюзными организациями / Assessment by leaders and activists of the level of protection of their interests by trade union organizations	Актив (А) / Activists (A)	Лидер (Л) / Leader (L)	Отклонение (А - Л) / Deviation (A-L)	Направление тренда и его интенсивность / Trend Direction and intensity	
				уменьшение / Decrease	увеличение / Increase
Очень плохо / Very bad	7,0%	24,4%	-17,4%	-3,48	
Отлично / Excellent	32,0%	34,1%	-2,1%	-1,07	
Удовлетворительно / Satisfactory	28,0%	22,0%	6,0%		1,28
Хорошо / Good	17,0%	12,2%	4,8%		1,39
Плохо / Bad	16,0%	7,3%	8,7%		2,19

Такое соотношение структур оценок как лидеров, так профсоюзного актива естественно, так как все достижения профсоюзной организации обсуждаются на профсоюзных собраниях и на заседаниях профактива, на которых присутствует лидер профсоюзной организации.

Существенные расхождения в оценках наблюдаются при оценках «очень плохо», так как в большей степени только лидеру известно, какие интересы работников и профактива ему не удалось отстоять в обсуждении их с работодателем.

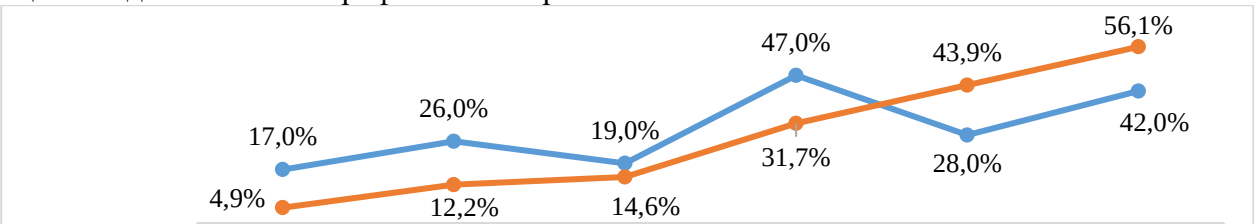
В оценке лидерами и профсоюзным активом уровня защиты их интересов профсоюзными организациями наибольшие расхождения возникают при плохих и очень плохих оценках. Факт, более критичного отношения лидеров к явным просчетам в деятельности профсоюзной организации, объясняется тем, что они эти просчеты принимают исключительно на свой счет. Вместе с этим, за «плохие решения» насущных проблем, по всей вероятности, более ответственна команда лидера, т.е. профсоюзный актив, который более критичен в этих оценках. Удача в деятельности профсоюзной организации одинаково оценивается как лидерами, и профсоюзным активом. Это их общая победа.

Отмеченное выше расхождение в оценках деятельности профсоюзной организации является основанием для разработки принципов построения команды профсоюзного актива, а также разработки социальных технологий распределения ответственности внутри управленческой команды профсоюзной организации.

Анализ показал (см. рис. 4 и табл. 5), что у профсоюзного актива выше, чем у лидеров, когнитивные потребности по следующим направлениям: социальное проектирование, иностранные языки, социальные технологии, менеджмент. Данный факт необходимо учитывать при определении содержания курсов повышения квалификации профсоюзного актива.

В системе трипартизма профсоюзы активно взаимодействуют с работодателями, федеральными, региональными и муниципальными властными структурами, используя при этом различные методы воздействия на власть (рис. 5, табл. 6).

Вместе с этим, необходимо обратить внимание на то, что у лидеров имеется неудовлетворенная потребность в освоении информационных технологий и связи с общественностью (PR), что объясняется широким использованием цифровых технологий в управленческой деятельности и необходимостью продвижения профсоюзной организации в виртуальном и реальном пространстве.



	Менеджмент/ Management	Социальные технологии/ Social technologies	Социальное проектирование/ Social engineering	Иностранные языки/ Foreign languages	Информационные технологии/ Information technology	Связи с общественностью/ Public relations (PR)
Актив/ Asset	17,0%	26,0%	19,0%	47,0%	28,0%	42,0%
Лидер/ Leader	4,9%	12,2%	14,6%	31,7%	43,9%	56,1%

Рис. 4. Потребность лидеров и актива в повышении квалификации для работы в профсоюзе
Fig. 4. The need for leaders and activists to improve their skills to work in a trade union

Таблица 5

Направление и интенсивность тренда потребностей лидеров и актива в повышении квалификации для работы в профсоюзе

Table 5

The direction and intensity of the trend of the needs of leaders and activists for professional development to work in a trade union

Дисциплины, востребованные для повышения квалификации / Disciplines that are in demand for professional development	Актив (А) / Activists (A)	Лидер (Л) / Leader (L)	Отклонение (А - Л) / Deviation (A-L)	Направление тренда и его интенсивность/ Trend Direction and intensity	
				уменьшение / Decrease	увеличение / Increase
Информационные технологии / Information technology	28,0%	43,9%	-15,9%	-1,6	
Связи с общественностью / Public relations (PR)	42,0%	56,1%	-14,1%	-1,3	
Социальное проектирование / Social engineering	19,0%	14,6%	4,4%		1,3
Иностранные языки / Foreign languages	47,0%	31,7%	15,3%		1,5
Социальные технологии / Social technologies	26,0%	12,2%	13,8%		2,1
Менеджмент / Management	17,0%	4,9%	12,1%		3,5

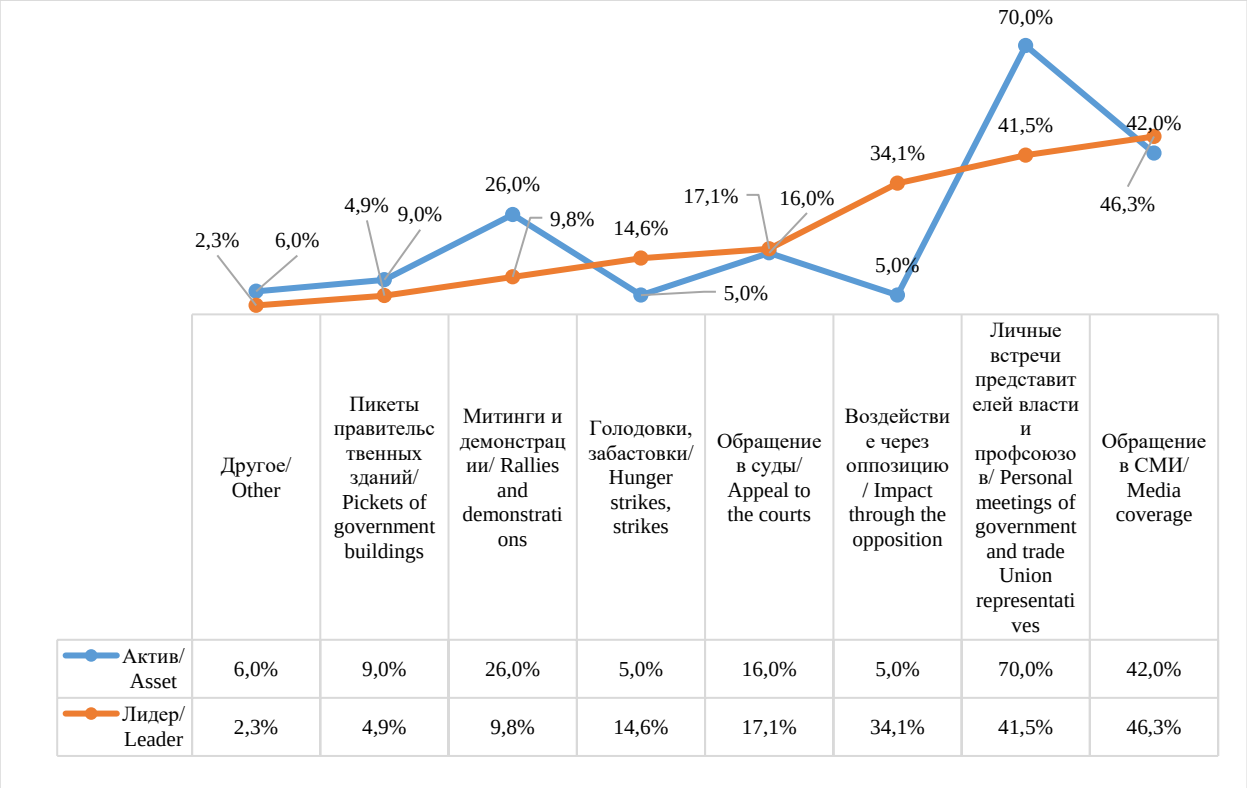


Рис. 5. Мнение лидеров и профсоюзного актива о методах воздействия на политическую власть со стороны профсоюзов

Fig. 5. Opinion of leaders and trade union activists on methods of influence on political power by trade unions

Таблица 6

Направление и интенсивность тренда изменения мнения лидеров и профсоюзного актива в методах воздействия на политическую власть со стороны профсоюзов

Table 6

The direction and intensity of the trend of changes in the opinion of leaders and trade union activists in the methods of influence on political power by trade unions

Методы воздействия на политическую власть со стороны профсоюзов / Methods of influence on political power by trade unions	Актив (А) / Activists (A)	Лидер (Л) / Leader (L)	Отклонение (А - Л) / Deviation (A-L)	Направление тренда и его интенсивность / Trend Direction and intensity	
				уменьшение/ Decrease	увеличение/ Increase
Воздействие через оппозицию / Impact through the opposition	5,0%	34,1%	-29,1%	-6,8	
Голодовки, забастовки / Hunger strikes, strikes	5,0%	14,6%	-9,6%	-2,9	
Обращение в СМИ / Media coverage	42,0%	46,3%	-4,3%	-1,1	
Обращение в суды / Appeal to the courts	16,0%	17,1%	-1,1%	-1,1	
Личные встречи представителей власти с представителями профсоюзов / Personal meetings of government representatives with trade union representatives	70,0%	41,5%	28,5%		1,7
Пикеты правительственных зданий / Pickets of government buildings	9,0%	4,9%	4,1%		1,8
Другое / Other	6,0%	2,3%	3,7%		2,6
Митинги и демонстрации / Rallies and demonstrations	26,0%	9,8%	16,2%		2,7

В современном обществе не прекращается полемика о проблемах и перспективах профсоюзного движения, о роли и месте профсоюзов в системе трипартизма. В системе трипартизма властные структуры, как социальные партнеры, чаще всего занимают позицию арбитра при определении принципов регулирования договорных трудовых отношений (Ядов, 2006: 331-332). Система отношений и взаимодействий властных структур и профсоюзов сложна, динамична, многообразна и трудно поддается типологизации. Технологический коридор этих отношений и взаимодействий достаточно широк и зависит от активности, как органов власти, так и профсоюзов. Размах технологического коридора определяется двумя соотношениями: активная власть – слабые профсоюзы и активные профсоюзы – слабая власть. В середине коридора гармоничное взаимодействие власти и профсоюзов.

Полученные эмпирические данные отражают сложившуюся в регионе систему взаимоотношений, взаимодействий органов власти и профсоюзов и характеризуют точки зрения лидеров профсоюзов и профсоюзного актива на методы воздействия на власть. Отмечаются существенные различия в подходах воздействия на власть у актива и у лидеров. Лидеры считают, что необходимо воздействовать на власть посредством оппозиции, а представители актива практически не видят в этом особенного смысла (уменьшение интенсивности в 6,8 раза см. таб. 6), а также активисты счи-

тают, что нерационально во взаимодействии с властью использовать голодовки и забастовки (уменьшение интенсивности в 2,9 раза см. таб. 6).

В отличие от лидеров, активисты профсоюза считают, что установление личных контактов представителей власти с представителями профсоюзов эффективным методом взаимодействия системе трипартизма. При необходимости прибегать к митингам и демонстрациям. Вместе с этим у лидеров и активистов практически совпадающие точки зрения о необходимости обращения в суды и СМИ по трудно разрешимым вопросам социального партнерства.

Современные перемены, связанные с переходом к цифровой экономике, оказали существенное влияние на все стороны жизни общества, и, прежде всего, на важнейшую – сферу трудовых отношений. Осмысление перемен, связанных с развитием цифровой экономики, относится к числу острых научных проблем российского общества. С переходом к цифровой экономике актуализируются вопросы подготовки профсоюзных кадров с учетом требований цифровой экономики, вопросы соотношения цифровых и профессиональных компетенций профсоюзных лидеров и активистов.

Результаты социологического исследования (рис. 6) показали, что практически половина активистов и лидеров профсоюзов активно использует информационные технологии во всех видах деятельности, а еще около 36% активистов и лидеров используют это исключительно для офисной работы. Таким образом, более 80% профсоюзных активистов и лидеров активно используют информационные технологии в условиях цифровой экономики.

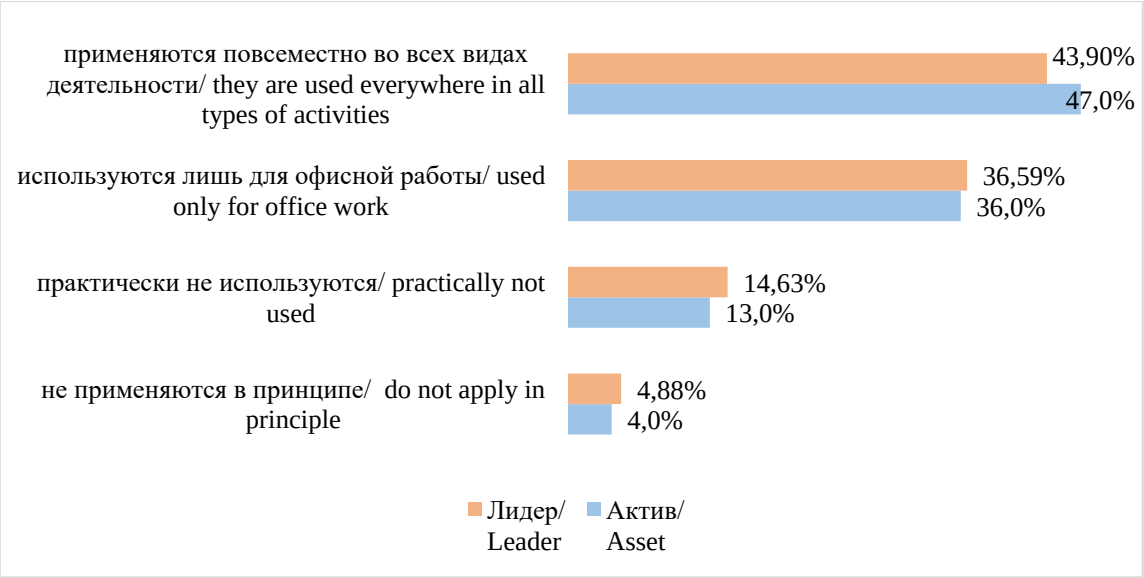


Рис. 6. Мнение лидеров и профсоюзного актива об использовании современных информационных технологий в работе профсоюзной организации
Fig. 6. Opinion of leaders and trade union activists on the use of modern information technologies in the work of a trade union organization

Современная молодежь остро и категорично осмысливает многочисленные изменения, происходящие в стране и обществе. Отношение профсоюзной молодежи к этим преобразованиям, к России в целом, к ее месту в мире определяется не только результативностью реформ, но и сформированными у нее, в период первичной социализации, ценностными ориентациями. Результаты сравнительного анализа показали, что настроения лидеров и профсоюзного актива свидетельствуют, что боль-

шинство профсоюзного актива позитивно относится к России: примерно 42 % лидеров и активистов (см. рис. 7) отмечают, что для них Россия – это страна, где они родились и живут. Более того, примерно 21% лидеров и активистов считают Россию страной больших возможностей. Примерно 31% лидеров и активистов считают, что Россия – это их Родина и они гордятся ей. Только 4,9% лидеров и 6,0% активистов считают, что Россия – это безнадежно отсталая страна, страна без будущего.

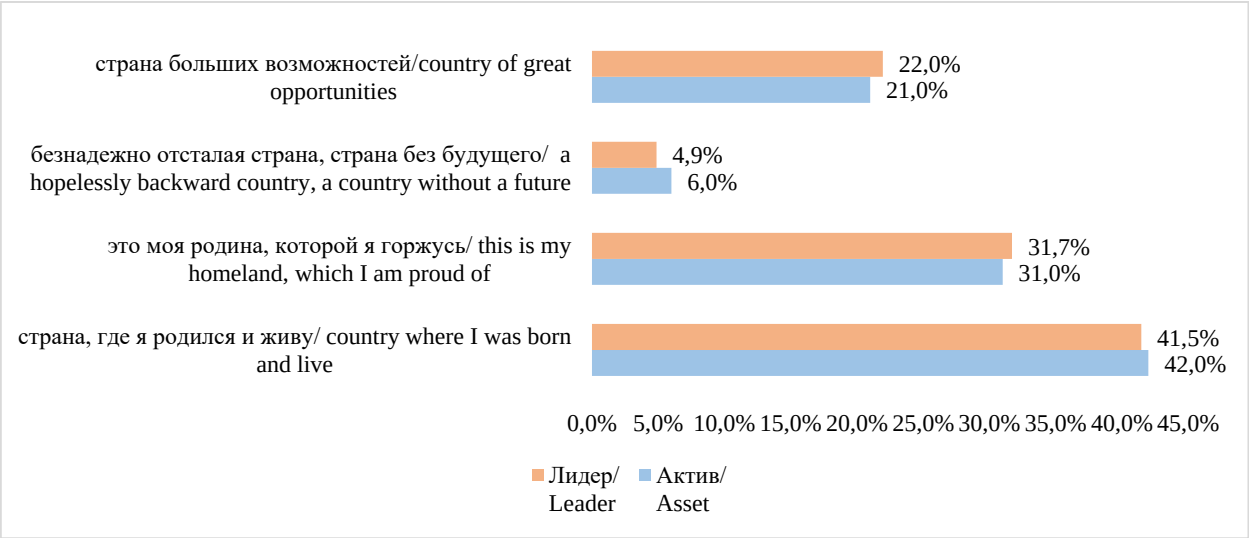


Рис. 7. Отношение лидеров и профсоюзного актива к современной России
Fig. 7. The attitude of leaders and trade union activists to modern Russia

Заключение (Conclusions). Проблемы современного российского профсоюзного движения определяются трудностью его адаптации к новым условиям, ослаблением его влияния в политической и социально-трудовой сферах, процессом сокращения членской базы профсоюзных организаций. Отмеченные проблемы являются общей тенденцией, характерной для большинства профсоюзов индустриально развитых и развивающихся стран (Heery, 2003: 79-97), (Ken Green, 2018). Данные полученные в результате сравнительного анализа социальных портретов лидеров и профактива составили научную основу для разработки новой организационной модели региональных профсоюзов посредством модернизации внутренней организационной деятельности, направленной на формирование нового поколения молодежного актива профсоюзов. В Федерации профсоюзов Липецкой области (ФПЛО) в рамках реализации молодежной политики, активно работает Молодежный совет ФПЛО, одним из основных направлений работы которого является активизация профсоюзной работы для обеспечения подготовки и пополнения профсоюзного актива из числа молодежи, с целью реализации ее общественно-полезных инициатив и интересов. Одним из инструментариев этой работы является построение социальных портретов активистов и лидеров профсоюзного движения. Сравнительный анализ характеристик социальных портретов молодежных лидеров и активистов профсоюзных организаций позволил установить следующее.

Полученные социологические данные послужили основой для разработки на региональном уровне эффективной системы формирования (подбор и обучение кадров) нового поколения молодых профсоюзных активистов и лидеров, представляющей совокупность системно интегрированных инновационных социальных технологий:

- стратегии и тактики оптимального социального взаимодействия представите-

лей региональных профсоюзов с властью и работодателями с целью достижения гармоничного социального партнёрства, обеспечивающего устойчивое развитие региона.

- рекрутинга, из среды работающей молодежи социально-активных кандидатур в профсоюзный актив первичных организаций с использованием результатов социологического мониторинга работающей молодежи.

- повышения квалификации молодежного профсоюзного актива и молодых лидеров профсоюзных организаций. Программа повышения квалификации должна базироваться на результатах социологического мониторинга.

- мониторинга личностного и профессионального роста представителей молодежного профсоюзного актива до уровня нового поколения потенциальных лидеров профсоюзных организаций, обеспечивающих дальнейшее развитие профсоюзного движения в регионе.

- социологического мониторинга текущего состояния и перспектив развития системы трипартизма на макро- и микроуровнях.

Сравнительный анализ социальных портретов показал, что в профсоюзных организациях ФПЛО молодежный профсоюзный актив имеет достаточно высокий уровень личностных качеств и профессиональных компетенций. У молодежного профсоюзного актива сформирован актуальный набор личностных качеств, который имеет более высокие показатели, чем у действующих лидеров. Это те качества, которые необходимы современному лидеру профсоюза: готовность поддержать в трудную минуту (рост в 2,21 раза), способность представлять и отстаивать интересы коллектива (рост в 1,96 раза), способность организовать коллектив на решение поставленных задач (рост в 1,69 раза), активная жизненная позиция (рост в 1,38 раза) и другие.

Установлено, что региональный профсоюзный актив достаточно информирован о факторах, препятствующих профсоюзной деятельности. Оценки лидеров и профсоюзного актива практически совпадают. В личностном плане отмечаются большие временные затраты на профсоюзную работу.

Выявленные когнитивные потребности лидеров и активистов составят основу для разработки программ их курсовой подготовки и повышения квалификации. У профсоюзного актива выше потребности в инструментальных средствах профсоюзной деятельности (основы менеджмента, социальные технологии, социальное проектирование, иностранные языки), а у лидеров велика потребность в информационных и коммуникационных технологиях, PR-деятельности. У лидеров и активистов совпадают потребности в освоении информационных технологий, используемых в профсоюзной деятельности.

Лидеры и актив профсоюза имеют разные точки зрения в части воздействия на власть при отстаивании интересов трудящихся. Их мнения совпадают по поводу обращения в суды и СМИ. Лидеры считают, что на власть можно воздействовать через оппозицию, а активисты – сторонники митингов и демонстраций.

Большинство активистов и лидеров имеют существенный запас «патриотической прочности», а более 20% считают – Россия – это страна больших возможностей, что определяет их веру в будущее, одобрение намеченных перспектив развития российского общества и четкое представление о перспективах своего развития.

Результаты сравнительного анализа характеристик социальных портретов молодых лидеров и активистов регионального профсоюзного движения послужили основой для разработки структуры и содержания курсовой подготовки и повышения квалификации как лидеров, так и актива, а также при определении образовательных траекторий подготовки кандидатов на выборные должности в профсоюзах.

Список литературы

Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Воронина Н. А., Смоляков В. А. Формы взаимодействия профсоюзов с органами государственной власти по снижению социально-политической напряженности // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2011. № 3(54). С.114-126.

Германов И. А., Плотникова Е. Б. Проблемы формирования актива первичных профсоюзных организаций // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2. С. 174-182.

Комаровский В. В. Социальный диалог в России // Обществ. науки и современность. 2006. № 1. С. 21-32.

Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ; Под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 10-44.

Программа социальной защиты, управления и трипартизма. 2019 г. Международный учебный центр международной организации труда. Viale Maestri del Lavoro 10 Turin 10127, Италия. URL: https:://www.itcilo.org/en/areas-of-expertise/social-dialogue-and-tripartism (дата обращения: 16.05.2019).

Профсоюзы сегодня // ВЦИОМ. 01.03.2019 г. №3891. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9580. (дата обращения: 15.05.2019).

Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В. А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. 426 с.

Хрущёва М. И. К вопросу о совершенствовании кадровой политики профсоюзов // Формирование профсоюзного лидера на пороге XXI века. Краснодар, 2000. С. 38-39.

Barajas Montes De Oca, Santiago. El sindicato ante la problemática de una nueva relación laboral // Boletín Mexicano de Derecho Comparado, [S.l.], jan. 1999. URL: https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/derecho-comparado/article/view/3608/4359. (дата обращения: 16.05.2019).

Heery E., Kelly J., Waddington J. Union Revitalization in Britain // European Journal of Industrial Relations. 2003. Vol. 9, № 1. P. 79-97.

Jelly Visser Statistics on trade Union membership in 24 countries // Monthly labor Review. 2006. P. 38-49.

Ken Green Understanding and Responding to the Major Challenges to Unions Today. Published august 28, 2018. URL: https://www.uniontrack.com/blog/unions-today. (дата обращения: 16.05.2019).

Sano, J., and Williamson J. B. Factors influencing the decline of trade unions and their implications for labor reform // International journal of comparative sociology. 2008. 49. P. 479-500.

Voss K., Sherman R. Breaking the Iron Law of Oligarchy: Union Revitalization in the American Labor Movement // The American Journal of Sociology. 2000. Vol. 106, № 2. P. 303-349.

References

Weber, M. (1990), *Selected works: Transl. from German*, in Davydov, Yu. N. (ed.), Progress, Moscow, Russia, (*In Russian)*.

Voronina, N. A. and Smolyakov, V. A. (2011), “Forms of interaction of trade unions with state authorities to reduce socio-political tension”, *Bulletin of Khabarovsk State Academy of Economics and Law*, (3). *(In Russian).*

Germanov, I. A. and Plotnikova, E. B. (2010), “Problems of formation of primary trade union organizations activists”, *Vestnik Permskogo universiteta*, (2), 174-182. *(In Russian).*

Komarovsky, V. V. (2006), “Social dialogue in Russia”, *Social Sciences and modernity*, (1), 21-32. *(In Russian).*

Oberemko, O. A. and Yadov, V. A. (2005), “General theoretical approaches to the analysis of social development and social changes”, in Yadov, V. A. (ed.), *Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis: a Textbook*, Flinta, Moscow, Russia, 10-44. (*In Russian*).

Program of social protection, management and tripartism. Two thousand nineteen International Training Center of the International Labour Organization. Viale Maestri del Lavoro 10 Turin 10127, Italy [Online], available at: https://www.itcilo.org/en/areas-of-expertise/social-dialogue-and-tripartism (Accessed 17 June 2019).

Trade unions today, VTSIOM, 01.03.2019, №3891 [Online], available at:

https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9580. (Accessed 15 June 2019). *(In Russian).*

Sociology of work. Theoretical and applied explanatory dictionary (2006), in Yadov, V. A. (ed.), Nauka, Saint Petersburg, Russia. *(In Russian).*

Khrushcheva, M. I. (2000), "On the issue of improving the personnel policy of trade unions", *Formation of a trade union leader on the threshold of the XXI century,* Krasnodar, Russia, 38-39. *(In Russian).*

Barajas Montes De Oca Santiago (1999), "El sindicato ante la problemática de una nueva relación laboral", *Boletín Mexicano de Derecho Comparado,* (1) [Online], available at: https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/derecho-comparado/article/view/3608/4359. (Accessed 17 June 2019).

Heery, E., Kelly, J. and Waddington, J. (2003), "Union Revitalization in Britain", *European Journal of Industrial Relations*. 9 (1), 79-97.

Jelly Visser (2006), "Statistics on trade union membership in 24 countries", *Monthly labor Review,* 38-49.

Ken Green (2018), "Understanding and Responding to the Major Challenges to Unions Today" [Online], available at: https://www.uniontrack.com/blog/unions-today (Accessed 17 June 2019).

Sano, J., and Williamson, J. B. (2008), "Factors influencing the decline of trade unions and their implications for labor reform", *International journal of comparative sociology,* 49, 479-500.

Voss, K. and Sherman, R. (2000), "Breaking the Iron Law of Oligarchy: Union Revitalization in the American Labor Movement", *The American Journal of Sociology,* 106 (2), 303-349.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2020 г. Поступила после доработки 21 ноября 2020 г. Принята к печати 01 декабря 2020 г.

Received 15 November 2020. Revised 21 November 2020. Accepted 01 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, директор Ассоциации социологов «Институт социальных технологий».

Yuri V. Shmarion, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Association of Sociologists «Institute of Social Technologies».

Насонова Марина Александровна, советник по информационной политике Федерации профсоюзов Липецкой области.

Marina A. Nasonova, Adviser on Information policy of the Federation of Trade Unions of the Lipetsk region.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-9

Богданов В. С.[1]
Смирнова А. С.[2]

Проблема социологического измерения социально-сетевого группообразования в условиях реализации российских национальных проектов

[1)] Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru

[2)] Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
nastyanestea812@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты апробации измерения социального сетевого группообразования (далее – «ССГ») в рамках реализации национальных проектов, как нового способа установления в онлайн сетевом пространстве процессов формирования и взаимодействия коллективных субъектов (стейкхолдеров), заинтересованных в качестве разработки и конкретных результатах проектных решений. Выявление и интерпритация сущностных характеристик коллективных субъектов, имеющих общие или разные интересы, стратегии поведения, а также цели, может социологически измеряться в рамках процесса группообразования, результатом которого может стать фиксация зарождения деятельности новой коллективной субъектности или новых социальных групп. Общегуманистический подход к обществу в современной социологии признает значимость всех социальных групп, поскольку различие в их положении приводит к разным интересам, согласование которых является основной целью государственной политики. В ходе разработки и реализации проектных решений имеются группы решения, которые отвечают за постановку проблемы, установление целей и выбор средств их достижения. Характер и контуры деятельности групп решения в рамках национальных проектов, по сути, определяют органы власти и управления, которые задают критерии процессов соучастия или отчуждения заинтересованных лиц в решении социально значимых проблем и возможности наполнения конкретным содержанием проектных решений. Апробация ССГ проведена на основе материалов поискового онлайн исследования (2019 г.), проведенного в 4-х субъектах РФ. Исследование актуализировано в контексте академического проекта, реализуемого Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН при поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345).

Акцентируется внимание на эмпирическом измерении общих тенденций ССГ через специально разработанные индексы социально-сетевой субъектности, выражающейся в онлайн сетевом взаимодействии региональных стейкхолдеров по поводу постановки и решения проблем, поиска конструктивных решений их разрешения или трансляции протестных настроений в ходе реализации национальных проектов. Предложены три критерия для диагностики социально-сетевой субъектности: наличие, содержание и распространение целевой информации со стороны органов власти, достаточной для активизации и конструктивного включения населения в управленческие решения; наличие/отсутствие онлайн и оффлайн форм включения населения (использование его потенциала: информации, знаний, ресурсов) в реализацию национальных проектов на основе организации социальной обратной связи; характер взаимодействия (нейтральный, оппозиционный, организационно-конструктивный) органов власти и населения в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов. Выявлено, что каждый регион имеет свой характер и тенденции организации ССГ, а также свои критерии социальной субъектности. Отмечается низкий уровень удовлетворенности населения ходом реализации национальных проектов из-за определенных барьеров и трудностей, в том числе из-за слабо организованной социально-ориентированной обратной связи в части исполнения проектных решений. То есть сегодня ССГ как процесс активизации онлайн коммуникативного взаимодействия стейкхолдеров для выработки социально-ориентированных решений в рамках национальных проектов, слабо регулируется органами власти. Население практически не рассматривается одним из главных исполнителей проектных мероприятий. Выявленная информация о ходе реализации проектов, распространяемая в большей степени органами власти, носит зачастую декларативно-прожективный характер. Апробация методики социологического измерения ССГ будет продолжена в 2021 году в ходе сетевого мониторинга реализации нацпроектов.

Ключевые слова: социально-сетевое группообразование; онлайн социальные сети; сетевое взаимодействие; социальная сетевая субъектность; социальная обратная связь; социологическое измерение в онлайн социальных сетях; национальные проекты

Информация для цитирования: Богданов В. С., Смирнова А. С. Проблема социологического измерения социально-сетевого группообразования в условиях реализации национальных проектов // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 146-168. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-9.

Original article

Vladimir S. Bogdanov
Anastasiia S. Smirnova

Problems of sociological measurement of social and network group formation in the context of Russian national projects implementation

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
nastyanestea812@gmail.com

Abstract. The article presents the results of testing the measurement of social network group formation (hereinafter "SNGF") within the framework of national projects as a new way to establish in the online network space the processes of formation and interaction of collective subjects (stakeholders) interested in the quality of development and specific results of project solutions. The identification and interpretation of the essential characteristics of collective subjects that have common or different interests, behavioral strategies, and goals can be measured sociologically in the process of group formation, which can result in fixing the origin of the activity of a new collective subjectness or new social groups. The General humanistic approach to society in modern sociology recognizes the importance of all social groups, since the difference in their position leads to different interests, the coordination of which is the main goal of state policy. During the development and implementation of project solutions, there are solution groups that are responsible for setting the problem, setting goals, and choosing the means to achieve them. The nature and contours of the solution groups within the framework of national projects are defined by the authorities, which set the criteria for processes of participation or exclusion of stakeholders in addressing important social issues and the ability to operationalize the design decisions. The testing of the SNGF is based on the materials of an online search study (2019) conducted in 4 constituent entities of the Russian Federation. The study was updated in the context of an academic project implemented by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Scientific Foundation (Research Project No. 19-18-00345). Attention of the study is focused on the empirical measurement of the general trends of SNGFs through specially developed indices of network social subjectness, expressed in the online network interaction of regional stakeholders regarding the creation and resolution of problems, the search for constructive solutions to them or translation of the protests during the implementation of national projects. Three criteria for the diagnosis of social network subjectness are proposed: the availability, content and dissemination of targeted information from the authorities sufficient to activate and constructively include the population in management decisions; the presence/absence of online and offline forms of inclusion of the population (using its potential: information, knowledge, resources) in the implementation of national projects based on the organization of social feedback; the nature of interaction (neutral, oppositional, organizational and constructive) between authorities and the population in the network space during the implementation of national projects. It was revealed that each region has its own character and trends in the organization of the SNGF and own criteria of social subjectness. There is a low level of public satisfaction with the implementation of national projects due to certain barriers and difficulties, including poorly organized social-oriented feedback regarding the implementation of project decisions. That is, today the SNGF as a process of intensifying the online communication interaction of stakeholders to develop socially oriented solutions within the framework of national projects is poorly regulated by the authorities. The population is practically not seen as one of the main performers of project activities. The revealed information on the implementation of projects, disseminated to a greater extent by the authorities, is often declarative and projective. Test of the methodology for sociological measurement of SNGF will continue in 2021 during the network monitoring of the implementation of national projects.

Keywords: social network grouping; online social networks; network interaction; social network subjectivity; social feedback; sociological dimension in online social networks; national projects

Information for citation: Bogdanov, V. S. and Smirnova, A. S. (2020), "Problems of sociological measurement of social and network group formation in the context of national projects implementation", Research Result. Sociology and management, 6 (4), 146-168, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-8.

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* Центр социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН уже более 5 лет занимается изучением проблемы формирования механизмов онлайн и оффлайн социальной обратной связи в управлении регионами с разным уровнем социокультурной модернизации (Богданов, Тихонов 2014). Для этой цели в рамках методологии социологии управления разработан уникальный интерактивный комплексный продукт, который позволяет в дистанционном режиме разными методами (массовый и экспертный опрос, контент-анализ СМИ и сайтов, анализ соцмедиа) собирать и анализировать проблемную информацию о функционировании и взаимодействии органов власти и управления с населением, устанавливать реальное проблемное содержание, формы и результаты обратной связи. Уже на основе проведенных нами исследований (Россия…2016; Тихонов, Богданов 2020) мы можем констатировать, что в регионах назрел общественный запрос на социально ориентированные практики управления, которые позволяли бы решать социально значимые проблемы не в общепринятом режиме контроля и надзора, доводя их в некоторых случаях до эскалации конфликта, а на основе рационально-познавательных процедур и новейших инфокоммуникативных технологий выявлять социально-значимые проблемы, определять возможных стейкхолдеров их решения. В 2018 разработанный нами научно-обоснованный подход к изучению обратной связи с населением с последующим выходом на проектирование управленческих решений был одобрен Правительством и Президентом Республики Башкортостан. Однако институциональные изменения и смена руководства Республики не позволили реализовать наши наработки в режиме натурного эксперимента.

С 2019 года российские федеральные и региональные органы власти начали активно разрабатывать платформы обратной связи[1], а также использовать социальные сети для выстраивания системы получения «информационных сигналов» – проблемных сообщений, которые фиксируют теперь специальные аналитические службы и передают их в соответствующие органы власти. Для подобной практики разрабатываются специальные онлайн-сервисы отслеживания сообщений, содержащих информацию о социально-бытовых проблемах. Это информационные онлайн-платформы типа «Добродел» в Московской области, а также более широко распространенная программа – «Инцидент», которую используют уже в большинстве регионов Российской Федерации. Принцип работы последней прост и оперативен. За три часа после получения информации о проблеме, «органы власти должны отреагировать на сообщение (мол, получили, разбираемся), и восемь дней, чтобы решить проблему и отчитаться о проделанной работе»[2]. Мы согласимся с тем, что отработка подобных онлайн-систем реагирования в онлайн социальных сетях и интернете имеет свой смысл и положительный эффект. Однако взаимодействие органов власти с населением на онлайн сетевых площадках регулируется на принципах односторонней технократической свя-

[1] Второй этап опытной эксплуатации платформы обратной связи стартует в регионах с 1 августа. URL: https://d-russia.ru/vtoroj-jetap-jekspluatacii-platformy-obratnoj-svjazi-startuet-v-regionah-s-1-avgusta.html (дата обращения: 29.08.2020).

[2] Система мониторинга «Инцидент»: как она работает. URL: https://newsbash.ru/society/interesting/7697-sistema-monitoringa-incident-kak-ona-rabotaet.html (дата обращения: 21.08.2020).

зи без организации конструктивного взаимодействия с людьми, столкнувшимися с реальной проблемой. Получается, что констатация и заявление о нерешаемой проблеме исходит от жителей, а её рассмотрение, разработка и качество реализации решения уходит на практически бесконтрольное (без соответствующего контроля жителями) исполнение контрольно-надзорным органам и органам власти. Такое положение дел в практике разработки и принятия управленческих решений подтверждается результатами нашего лонгитюдного исследования (Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН (Россия…, 2017)), посвященного изучению взаимодействия населения с властно-управленческой вертикалью на всех уровнях – от федерального до местного. В частности, мы зафиксировали, что главной традиционной функцией управления в региональных системах управления является отчетность перед вышестоящими органами власти, а социальная обратная связь с населением и мобилизация его потенциала находится далеко на периферии внимания госслужащих.

Сегодня Правительство Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» планирует запустить ещё один интернет-сервис для ознакомления и контроля россиянами исполнения мероприятий нацпроектов, опираясь на уже существующие информационные системы реагирования – «Инцидент», «Эталон» (Минтранс), система ОНФ (система, позволяющая контролировать строящиеся объекты).

В свою очередь Центр социологии управления инициировал изучение социальных, социолого-управленческих ресурсов и возможностей реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Для этой цели исследовательский коллектив под руководством профессора А.В. Тихонова организовал и запустил академический проект в рамках грантовой поддержки Российского научного фонда[1]. *Главной его целью становится* получение нового знания относительно возможностей отечественной системы управления, наряду с рациональным решением задач в ходе реализации национальных проектов на основе формальных структур, создавать благоприятные условия для появления неформального группообразования и субъектности, способствующей реализации стратегических решений.

Говоря о группообразовании, необходимо отметить, что данный термин рассматривается в различных аспектах (психологических, поведенческих и социологических) в работах разных ученых. Э. Мэйо изучал социально-психологические факторы неформального группообразования в трудовых коллективах (Мауо, 2007). Г. П. Щедровицкий анализировал группообразование в игровых техниках, запускающих «поисковую», «творческую» стратегию (Щедровицкий, 1993). П. Бурдье исследовал социальные поля и «габитус» как логически мыслимые структуры, среды, в которых осуществляются социальные отношения между субъектами сознания и действия (Бурдье, 1994). Мы идем дальше и полагаем, что в процессе социокультурной модернизации региона в рамках «прорывных» проектов могут участвовать группы, состоящие из различных социальных агентов (стейкхолдеров), различающихся по своим характеристикам и функционалу, но демонстрирующих признаки социальной субъектности. Данную гипотезу мы попытаемся эксплицировать из результатов массового и экспертного

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345). «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

опросов. В данной же статье мы акцентируем внимание на научной новизне изучения социально-сетевого группообразования через разработку оценочных критериев и индексов социально-сетевой субъектности как нового феномена социолого-управленческой практики, возникающего в процессе проектного управления, в нашем случае, в ходе реализации национальных проектов. Актуализация указанных феноменов в проблемном поле социологии управления связана в первую очередь с возникновением социальной проблемы цифровизации обратной связи в ходе цифровой трансформации управления, о чем сегодня в разных аспектах начинают говорить отечественные и зарубежные ученые (Богданов, Тихонов, 2020; Cotterill, King, 2007; Srivastava, 2013; Chatfield, Reddick, 2015).

Методология и методы (Methodology and methods). Научная экспликация определения социального группообразования в отраслевых социологических дисциплинах на сегодняшний день отсутствует, поэтому мы вводим 2 определения, отвечающие целям и задачам нашего исследования: 1) общее, *социальное группообразование* как спонтанное формирование групп населения для реализации национальных проектов из заинтересованных граждан с провластными и оппозиционными установками, обладающих общими и различными интересами в социальных преобразованиях на территории своего проживания; 2) Под *социально-сетевым группообразованием* (далее – «ССГ») понимается активизация и организация инфокоммуникативного взаимодействия пользователей онлайн социальных сетей в контексте обсуждения конкретных проблем региона и выработке проектных решений по их разрешению. При этом характер ССГ (консолидирующий или оппозиционный) определяется организационно-управленческими условиями, созданными органами власти и управления (организация социальной обратной связи, формы включения стейкхолдеров в разработку управленческих решений, использование потенциала стейкхолдеров).

Под социально-сетевой субъектностью мы понимаем возможность и способность (как свойство) реализовать потенциал (информацию, знания, ресурсы) пользователей сетевых сообществ для оказания реального воздействия на разработку и реализацию управленческих (проектных) решений.

В соответствии с программой общего исследования нам необходимо изучить особенности социально-сетевого группообразования. В связи с этим главной целью поискового онлайн-исследования является изучение ССГ через разработку, выявление и установление критериев социальной сетевой субъектности, которая, с одной стороны, может влиять на характер ССГ, а с другой стороны, может быть результатом активизации и организации инфокоммуникативного пространства органами власти с пользователями онлайн социальных сетей в контексте обсуждения конкретных проблем региона и выработке проектных решений по их разрешению.

Для достижения поставленной цели исследовательским коллективом разработана специальная типология сетевых сообществ, в которых сконцентрирована активность стейкхолдеров – заинтересованных пользователей онлайн-сети ВКонтакте, участвующих в обсуждении накопившихся проблем в сфере здравоохранения и благоустройства региона:

1. Региональные и местные органы власти – 3 сообщества.
2. Профессиональные сообщества (профильные организации) – 3 сообщества.
3. Общественные и политические организации – 3 сообщества.
4. Онлайн-СМИ – 3 сообщества.
5. Информационно-аналитические сообщева (площадки коммуникации сетевых активистов региона) – 3 сообщества.
6. Сообщества населения региона (сообщества типа «подслушано») – 3 сообщества.

Мы полагаем, что установление характеристик социально-сетевой субъектности позволит нам определить масштаб и характер включенности пользователей онлайн социальных сетей в реализацию национального проекта «Здравоохранение» и «Жилье и городская среда», а также выявить в целом тенденции сетевого группообразования.

Указанные проекты являются по данным нашего массового опроса[1] наиболее сензитивными для населения в исследуемых регионах. Для достижения цели и задач онлайн исследования, проверки рабочих гипотез, отобраны 4 пилотных региона с различным уровнем социокультурной модернизации (по версии ЦИСИ ИФ РАН (Атлас…, 2016): Свердловская область (высокий уровень), Омская область (средний уровень), Вологодская область (ниже среднего), Смоленская область (низкий уровень). По факту отработки методики анализа целевого контента онлайн социальных сетей, в данных регионах (в 2020 году) будет исследован и ход реализации нацпроектов «Образование», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», которые также являются наиболее сензитивными.

Анализ проблемного контента произведен в социальной сети «ВКОНТАКТЕ». Данная социальная сеть выбрана не случайно, т.к. является сегодня самой популярной среди населения России. По данным Mediascope ей пользуется 38 миллионов россиян[2].

Сообщества в сети «ВКонтакте» отбирались в соответствии с группой популярных ключевых запросов системы wordstat.yandex.ru, среди которых основным является «национальный проект «Здравоохранение»» и «национальный проект «Жилье и городская среда»».

Единицей анализа в сетевом сообществе «ВКонтакте» стало информационное сообщение (посты, комментарии к отобранным постам).

Нами была апробирована модель многоступенчатой выборки сетевых сообществ для отбора и анализа проблемного контента на основе следующих критериев:

1. Наибольшее количество участников в сетевом сообществе с наибольшим количеством проблемных постов и комментариев к ним – 1 группа.

2. Среднее количество участников с наибольшим количеством проблемных постов и комментариев к ним – 1 группа.

3. Наименьшее количество участников с наибольшим количеством проблемных постов и комментариев к ним – 1 группа.

Критерии социальной субъектности фиксировались двумя способами. Первый – полностью автоматический на базе аналитического сервиса «Соцмедиа» в программной среде Медиалогия. Второй – полуавтоматический способ с подключением экспертизы контента со стороны участников исследовательской группы. Такой подход позволил выделить более релевантную информацию по изучаемой проблеме.

Так как проблемный контент был подвержен экспертизе на пертинентность текстов (соответствие проблематике исследования), то указанный выше принцип выборки проблемного контента позволил отобрать его в концентрированном виде с учетом масштабности информационного поля всех групп. В каждом регионе зафиксирована своя специфика представленности проблемных постов и комментариев в различных типах сообществ.

Всего в соответствии с указанной выборкой по проекту «Здравоохранение»

---

[1] Пилотное исследование проведено Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН методом анкетирования. Объем выборки в каждом регионе – 500 респондентов. Общий объем массива – две тысячи человек.

[2] Социальные сети в цифрах. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%A0%D0%98%D0%A4+%D0%9A%D0%98%D0%91%202019.pdf (дата обращения: 24.08.2020).

отобрано 62 сообщества в 4 регионах, в которых зафиксированы и проанализированы 504 проблемных поста и 710 комментариев к ним. По проекту «Жилье и городская среда» - 59 сообществ, 246 проблемных постов и 741 комментарий к ним. Данные были собраны за полгода: с 26.11.2019 по 26.05.2020.

Отметим, что полученные данные онлайн исследования, в частности анализа целевого контента онлайн социальных сетей, будут использованы, как отдельно для репрезентации процесса ССГ, так и в комплексе с данными массового и экспертного опросов, анализа региональных СМИ, в рамках предметной области исследования управляемости процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, а также фиксацией положения дел с поддержкой населением реализации национальных проектов.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). С возрастающей ролью цифровых трансформаций и «сетевых» структур в современном обществе, о которых в 1998 году писал М. Кастельс (Кастельс, 2004) как о выделившемся атрибуте глобализирующего общества, в социальных и гуманитарных науках растет интерес к изучению феноменов, возникающих в результате онлайн сетевых взаимодействий в цифровом обществе (Ли, 2020; Boyd, 2007; Rheingold, 1993; Wellman, 2001), а также к методологии их социологических измерений (Punam B, Sharma, 2016; Cornia, Sehl, Levy, Nielsen, 2018). Так автор работы «Умная толпа» Говард Рейнгольд (Рейнгольд, 2006), изданной по результатам исследования роли мобильных ИКТ в повседневной жизни людей, приходит к выводу, что роль онлайн сетевых взаимодействий будет расти, оказывая непосредственное влияние на трансформацию и организацию коллективных действий. Как отмечает академик М. К. Горшков и Н. Н. Седова (Горшков, Седова, 2015) со ссылкой на А. Мартинелли, подобное становится неизбежным в ходе постоянных и скоротечных изменений современного общества, в котором процессы трансформации, модернизации углубляются и расширяются, создавая условия для активных транзакционных процессов глобального перемещения людей, передачи технологий, идей, символов и капитала. Однако далее исследователи констатируют, что ценности, практики и институты, обосновывающие результаты указанного обмена, пока не поспевают за ними. От себя добавим, что, указанные социальные разрывы – это скорее последствия деформации системы управления (в том числе и региональных систем управления), связанные с проблемой управляемости социальными процессами на местах – в отсутствие необходимых механизмов регуляции социальных отношений и взаимодействий (Тихонов, 2011). В связи с этим мы всё чаще становимся свидетелями серьезных социально-политических протестов, конфликтов и потрясений (Докука, 2014; Gonzalez-Bailon, 2016), выкристаллизовывающиеся в социальных сетях и сложившиеся в реальности легитимацию власти и социальный порядок.

Российские исследователи онлайн социальных сетей Г. Градосельская и её партнеры по исследовательской группе фиксируют особенность современных сетевых процессов, которые становятся теперь не только реальным отражением объективных социальных установок, но и механизмами, консолидирующими или дезинтегрирующими группы граждан по сходству или различию социально-политических установок (Градосельская; Карпов; Щеглова, 2019). Этот момент, по сути, разделяет и подтверждает другой российский исследователь Л. В. Сморгунов. Он заявляет о необходимости разработки механизмов публичной управляемости в условиях цифровых взаимодействий, порождающих возможность контроля сверху и снизу, а также по горизонтали. В этих условиях управляемость сетевых взаимодействий должна достигаться на основе участия расширенного круга стейкхол-

деров, а её результатом должна стать сетевая координации взаимодействий, призванная создать эффект сотрудничества, а не конкуренции или радикального оппозиционного противостояния (Сморгунов, 2019). Ориентация на подобное взаимодействие означает получение реальных социальных эффектов от совместно обсуждаемых и вырабатываемых управленческих решений органами власти и населением, а не на получение положительной отчетности для конкретных учреждений, как это зачастую происходит в реальной практике регионального и федерального управления. В этом же ключе на трансформацию управляемости цифровыми взаимодействиями обращает внимание Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В очередных рекомендациях ОЭСР по формированию цифрового правительства выдвигается проблема гражданского участия, предполагающая в ближайшей перспективе разрешить следующие задачи: «обеспечить большую прозрачность, открытость и инклюзивность правительственных процессов и операций; поощрять вовлечение и участие публичных, частных и гражданских стейкхолдеров в разработке политики, дизайнов публичных услуг и их предоставления; (3) создать в публичном секторе культуру, ориентированную на информационные данные (Recommendation…, 2014, p. 6-7).». Просто декларативные заявления не дадут продвинуться в сторону организации взаимовыгодного сотрудничества на основе новых средств связи и информационных каналов. В связи с этим возникает необходимость эмпирического изучения характера, степени и качества участия граждан в сетевых взаимодействиях управления (Сморгунов, 2019; Parés et al., 2012).

Мы считаем, что изменить ситуацию может только разворот от техноцентричной парадигмы управления на принципах технократической обратной связи к социально-ориентированному управлению на основе социальной обратной связи, подразумевающему использование рационально-познавательных и коммуникативных диагностических процедур для установления более широкого круга интересантов (стейкхолдеров) решения проблемы. Именно от стейкхолдеров должна быть получена фоновая информация о сложившейся проблемной ситуации, а также о необходимых превентивных мерах и перспективных способах её возможного разрешения (Дридзе 1998; Тихонов 2009; Щербина 2018). Решение указанных задач сегодня стоит как перед отраслевыми научными дисциплинами (в первую очередь речь идет о социологии управления), так и перед практиками управления – бизнес-организациями и государственным управлением. По сути, практическая сторона этой проблемы была озвучена Президентом Российской Федерации, который не раз заявлял о том, что для решения накопившихся социально значимых проблем в регионах необходимо создавать коммуникативные площадки для взаимодействия органов власти со стейкхолдерами (врачами, учителями и т.д.), в том числе и в рамках разработки и реализации национальных проектов.

Таким образом, мы констатируем необходимость создания новых механизмов управления на принципах обратной связи. В научно-исследовательском плане возникает запрос на эмпирическое исследование социально-сетевого группообразования в рамках реализации национальных проектов как нового феномена сетевого взаимодействия с одной стороны, и элемента социального группообразования с другой. Гипотетически мы можем предположить, что процесс ССГ, обусловленный организационно-управленческими условиями, созданными органами власти и управления в рамках реализации национальных проектов, напрямую зависит от развитости региональных систем управления, качество и результат функционирования которых выражается фоново в информационных сообщениях и потоках пользователей онлайн-сетей.

Говоря о рабочих гипотезах нашего онлайн исследования, то мы выдвигаем всего 3:

1. Стейкхолдеры из населения как отдельные субъекты, отвечающие за постановку и решение задач в ходе реализации определенных национальных проектов, выделяются слабо (слабо задействован потенциал стейкхолдеров).

2. Процесс социально-сетевого группообразования проходит скорее стихийно, без активной регуляции целевых информационных потоков органами власти и управления с выходом на конструктивные решения.

3. Взаимодействие органов власти и населения в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов носит скорее оппозиционный и нейтральный, чем организационно-конструктивный характер.

На основе специально разработанных индексов социологического измерения ССГ в ходе реализации национальных проектов в 4 пилотных регионах, мы проверяем рабочие гипотезы через установление критериев сетевой социальной субъектности:

- наличие/отсутствие онлайн и оффлайн форм включения населения (использование его потенциала: информации, знаний, ресурсов) в реализацию национальных проектов на основе организации социальной обратной связи;

- наличие, содержание и распространение целевой информации со стороны органов власти, достаточной для активизации и конструктивного включения населения в управленческие решения;

- характер взаимодействия (нейтральный, протестно-оппозиционный, конструктивный) органов власти и населения в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов.

Чтобы проверить первую гипотезу обратимся к данным таблицы 1. Исходя из проанализированных информационных постов, мы можем сделать следующий вывод: основными субъектами постановки и решения проблем в реальной практике реализации национальных проектов являются официальные субъекты, а именно региональные и муниципальные органы власти, и подведомственные им учреждения (50%), а также федеральные органы власти (15%). Их упоминают в основном по поводу проведения программных мероприятий по нацпроекту «Жилье и городская среда» (61%) (НП «Здравоохранение» – 39%). Подобная информация чаще встречается в трех типах онлайн сетевых сообществ: сообществах населения регионов (28%), в информационно-аналитических пабликах (25%), а также в сетевых онлайн-СМИ (16%). В региональном разрезе можно увидеть, что о региональных властях как о главном субъекте решения чаще всего упоминается в Свердловской (30%) и Вологодской областях (25%). В Омской и Смоленской областях процент упоминаний ниже (по 23%).

В качестве второго основного субъекта решения проблемы в информационных постах называются федеральные органы власти (15%). Главенствующая роль им отводится в ходе реализации нацпроекта «Здравоохранение» (78%). В первую очередь, об этом говорится в официальных сетевых онлайн сообществах, а именно в официальных онлайн-СМИ (33%) и подведомственных медицинских учреждениях (22%). О главенстве субъекта федеральных органов власти чаще заявляют в Свердловской (39%) и Смоленской (28%) областях.

Таблица 1

Субъекты постановки и решения проблемы, выделенные по факту рассмотрения проблемных комментариев к постам
(в % от общего числа проанализированных комментариев)

Table 1

Subjects of problem definition and problem solving according to analyzed comments (in % of total number of analyzed comments)

Наименование категорий анализа / Name of the analyzed category	Субъекты решения / Subjects of decision-making					
	Региональные, муниципальные органы власти, подведомственные учреждения / Subjects of decision-making	Федеральные органы власти / Federal authorities	Бизнес / Business	Активисты из жителей региона / Activists from regional citizens	Управляющая компания / Managing company	Представители общественных и политических организаций / Social and political organizations
Национальные проекты / National projects						
«Жилье и городская среда» / «Housing and urban environment»	61	22	75	100	100	40
«Здравоохранение» / «Healthcare»	39	78	25	–	–	60
Сетевые сообщества / Network						
Общественные и политические организации / Social and political organizations	8	6	8	–	–	20
Профессиональные сообщества (профильные организации) / Professional communities (profile organizations)	11	22	8	–	33	–
Онлайн-СМИ / Online mass media	16	33	17	25	17	20
Региональные и местные органы власти / Regional and local authorities	11	6	33	25	17	20
Сетевые активисты информационно-	25	6	8	25	17	20

Наименование категорий анализа / Name of the analyzed category	Субъекты решения / Subjects of decision-making					
	Региональные, муниципальные органы власти, подведомственные учреждения / Subjects of decision-making	Федеральные органы власти / Federal authorities	Бизнес / Business	Активисты из жителей региона / Activists from regional citizens	Управляющая компания / Managing company	Представители общественных и политических организаций / Social and political organizations
аналитических порталов / Online activists of information-analytical publics						
Сообщества населения региона / Communities of regional residents	28	28	25	25	17	20
Регионы / Regions						
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	30	39	50	35	–	80
Омская область / Omsk oblast	23	17	17	25	–	20
Вологодская область / Vologda oblast	25	17	33	20	–	–
Смоленская область / Smolensk oblast	23	28	–	20	–	–
В целом / Total	50	15	10	10	3	2

Практически в равной, но в меньшей мере, роль ведущего регионального субъекта управления отводится представителям местного бизнеса (10%) и населению (10%). Если представители бизнеса приглашаются органами власти – а иногда и назначаются в добровольно-принудительном порядке – в качестве соинвестора программных решений (активнее в Свердловской (50%) и Вологодской (33%) областях), то население выделяется в качестве субъекта только по проекту «Жилье и городская среда» и выступает как участник конкурса заявок на благоустройство придомовых территорий, а также как соучастник общественных слушаний по разработке и утверждению проектов благоустройства общественно-деловых и рекреационно-парковых зон поселений.

По сути, по нацпроекту «Здравоохранение» население рассматривается местными властями только в качестве получателя готовых инфраструктурных и сервисных медицинских услуг, произведенных в результате взаимодействия органов власти, подведомственных учреждений и бизнеса. Среди субъектов-получателей чаще упоминаются работники медучреждений и пациенты в целом. В единичных случаях выделяются конкретные категории среди населения, на которых ориентировано то или иное проектное решение: молодежь, пожилое население,

родители и дети, люди с ограниченными возможностями, женщины в декретном отпуске.

Картина по НП «Жилье и городская среда» похожая. Население, а именно жителей региона и поселений, в целом обозначают как конечного получателя услуг по благоустройству и расселению. В единичных случаях в качестве субъекта-получателя зафиксированы следующие категории: жильцы дворов, дети-сироты, обманутые дольщики, молодые семьи с детьми. Как субъекты постановки проектных решений более-менее выделяются только жильцы дворов (подача заявок на благоустройство, общественные слушания). Однако они практически не имеют ресурсов и механизмов контроля за исполнением этих решений и/или оценки их реальных результатов. Причем результаты являются скорее неудовлетворительными: формальное вовлечение заявок в конкурсы, некачественное исполнение работ, решение сторонних проблем в меньшей степени касающихся жителей и др.

Доверие к ответственным лицам, отвечающим за реализацию национальных проектов, подрывает также факт отсутствия четких механизмов и каналов обратной связи между органами власти и населением (табл. 2). Мы отдельно рассмотрели отобранные нами онлайн сетевые сообщества органов власти и управления на предмет организации обратной связи.

Таблица 2

Средства обратной связи в рамках реализации национальных проектов
(в аб. значениях от общего числа онлайн сетевых сообществ органов власти и управления)

Table 2

Feedback from the national projects
(in absolute values from the total number of online network communities of authorities and administrations)

Наименование / Name	Средства обратной связи / Feedback possibilities		
	Объявления об открытых обсуждениях по проблемам нацпроектов / Announcement of public discussions on the challenges of national projects	Указаны контакты ответственных лиц за реализацию нацпроектов / Contacts of people responsible for implementation of national projects specified	Обратная связь отсутствует / None
Национальные проекты / National projects			
«Жилье и городская среда» /«Housing and urban environment»	2	1	7
«Здравоохранение» /«Healthcare»	2	2	8
Регионы / Regions			
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	1	1	4
Омская область / Omsk oblast	1	2	3
Вологодская область / Vologda oblast	2	-	3
Смоленская область / Smolensk oblast	-	-	5

В итоге из 21 рассмотренного сообщества только в 6 нам удалось зафиксировать только некоторые элементы обратной связи: 1) объявления об общественных слушаниях, касающихся обсуждения разрабатываемых проектов благоустройства

по нацпроекту «Жилье и городская среда»; 2) объявления о возможности подать заявку на благоустройство придомовых территорий. За редким исключение были указаны контакты ответственных лиц за реализацию нацпроектов.

Нам не удалось выявить такие рубрики обратной связи электронного формата, как «вопрос-ответ», открытое голосование на предмет согласования и выбора возможных вариантов решения проблем. При рассмотрении сетевой площадки Министерства здравоохранения Свердловской области и официальной площадки «Екатеринбург» удивительным оказался факт отключения возможности оставлять комментарии к информационным постам.

В целом обратная связь по нацпроектам в онлайн сетевых сообществах сводится к ответам пресс-служб и официальных лиц на проблемные комментарии жителей. Ответы на комментарии зачастую носят формальный характер. Забегая немного вперед, опираясь на первые результаты предварительного анализа нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», скажем, что в Свердловской области имеется официальное сетевое сообщество «Дороги Свердловской области», в котором наблюдается содержательная дискуссия официальных и заинтересованных лиц. Несмотря на негативные комментарии, касающиеся качества и объемов работ, состояния местных дорог, эксперты дают развернутые ответы, объяснения по принимаемым решениям, собирают информацию, перенаправляют пользователей в надзорные органы или местные администрации. Ни один комментарий не остается без внимания. С нашей точки зрения, в сетевом пространстве не хватает межведомственной онлайн коммуникации и оперативного обмена данными по проблемам реализации национальных проектов, когда целевая информация по факту возникновения проблемных комментариев могла бы быть перенаправлена в соответствующие сетевые площадки конкретным ответственным лицам.

Сведение роли участия стейкхолдеров проектных решений к минимуму в части разработки и реализации проектных решений, а также отсутствие адекватного регулирования информационных потоков проблемной информации, становится причиной продуцирования множества негативных комментариев жителей по поводу положения дел в сфере здравоохранении, а также в системе организации жилья и городской среды. Проанализировав эти комментарии, мы можем сделать вывод о наличии конкретных барьеров, которые указывают на низкое качество организационно-управленческих решений и низкий уровень ответственности за их результаты, а также на проблемы организации онлайн и оффлайн форм взаимодействия между органами власти и управления с населением для выработки социально-ориентированных управленческих решений.

На первом месте находятся барьеры социально-организационного характера, указывающие на серьезный недостаток квалифицированных кадров на местах. Это связанно как с результатами реформирования системы здравоохранения в регионах (сокращением персонала и учреждений), так и с особенностями взаимодействия органов власти с представителями медицинского сообщества. Фактическим подтверждением этого являются высказывания официальных лиц и рядовых граждан, зафиксированные в онлайн сетевых сообществах ВКонтакте в 4 исследуемых регионах. Целевая проблемная информация транслируется в большей степени на неофициальных сетевых ресурсах: информационно-аналитических сообществах региона, а также в сетевых сообществах населения типа «Подслушано». Говоря об официальных площадках, то, в первую очередь, это сетевые площадки региональных СМИ.

На втором месте – административно-организационные барьеры, касающиеся плохой организации работы и практически отсутствующей ответственности за разработку и реализацию проектных решений

(63% по проекту «Здравоохранение» и 27% по проекту «Жилье и городская среда»).

Практически в равной мере выделяются барьеры, связанные с инвестиционно-финансовыми трудностями (58% по НП «Здравоохранение», 42% по НП «Жилье и городская среда»), влекущими за собой инфраструктурно-технологические проблемы и финансовые нарушения (по НП «Здравоохранение» – 48% и 47%, НП «Жилье и городская среда» – 52% и 53% соответственно).

В ходе решения проблем благоустройства и расселения по нацпроекту «Жилье и городская среда» на ряду с первоочередными проблемами инвестиционно-финансового, инфраструктурного и коррупционного характера, главными также становятся социально-коммуникативные барьеры (71% по НП «Жилье и городская среда», 29% по НП «Здравоохранение»), вытекающие из отсутствия инфокоммуникативных площадок (67% по НП «Жилье и городская среда, и 33% по НП «Здравоохранение», соответственно). Это указывает на то, что зачастую во взаимодействии органов власти с населением и стейкхолдерами (экспертами, гражданскими активистами) прослеживается сильная несогласованность, а личные интересы ответственных исполнителей, в частности членов комиссий по отбору заявок на ремонт и благоустройство, отодвигают реальные запросы населения на периферию решений.

Помимо указанных выше барьеров, возникающих в большей степени в ходе реализации нацпроекта «Жилье и городская среда», нам также удалось выделить и барьеры социально-политического характера, связанных с разработкой таких решений и документов, которые направлены скорее на хорошую отчетность, чем на решение конкретных проблем (67%, и 33% по НП «Здравоохранение»).

Следующий измеряемый критерий социальной сетевой субъектности мы рассмотрели, анализируя возможные формы и характер обсуждения хода реализации национальных проектов. Как мы уже говорили выше, большинство информационных постов, которые нам удалось отобрать для анализа, имеют сугубо официальный характер. При детальном рассмотрении отобранного контента можно констатировать, что порядка 50% информационных постов имеют декларативный характер, освещают намеченные проекты, представляя общие цели и задачи без конкретных решений. Подобные информационные заявления органов власти, транслируемые в большинстве случаев на сетевых площадках подведомственных учреждений и региональных органов власти, в большинстве своем не вызывают интерес у населения, т.к. не содержат информацию о конкретных решениях по устранению социально-значимых проблем (табл. 3). Если подобные информационные посты попадают в поле обсуждения сетевых активистов в информационно-аналитических сообществах или в сообществах типа «подслушано», то часть жителей откликается, указывает на существующие проблемы в сфере здравоохранения и благоустройства, хочет быть услышанной в первую очередь по проблемам нехватки конкретных специалистов-медиков, состоянию диагностического и инфраструктурного оборудования, а также по вопросам благоустройства территорий их проживания (дворов и придомовых территорий) и зон общественного значения (площади, парки и т.п.). Некоторые жители предлагают конкретное видение разрешения накопившихся социально значимых проблем (26%), а также возможные подходы и процедуры исполнения решений, которые могли бы улучшить их качество (как устранить очереди в поликлиниках, какие требуются инфраструктурные решения в рамках модернизации местной медицины, где обратить внимание на качество исполненных работ и устранить недочеты, в каких случаях сменить недобросовестного подрядчика, как улучшить проект общественно-деловых зон и т.п.).

Таблица 3

Характер и формы обсуждения реализации национальных проектов, выделенные по факту рассмотрения проблемных постов и комментариев (в % от общего числа проанализированных постов)

Table 3

Character and forms of discussion of the national projects implementation according to analyzed posts and comments (in % of total number of analyzed posts)

Наименование / Name	Формы обсуждения НП / Forms of discussion of national projects			
	Только сообщения информационного характера без обсуждения / Only informational messages without discussion	Имеются комментарии жителей с поиском выхода на конструктивное решение вопросов в рамках НП / Comments of residents searching for constructive solution to issue	Негативные комментарии местных жителей без поиска конструктивного решения / Negative comments of residents without searching for constructive solution	Общие комментарии официальных лиц на вопросы жителей / Common comments from officials on residents questions
Национальные проекты / National projects				
«Жилье и городская среда» / «Housing and urban environment»	44	45	71	75
«Здравоохранение» / «Healthcare»	56	55	29	25
Сетевые сообщества / Network				
Общественные и политические организации / Social and political organizations	15	3	-	-
Профессиональные сообщества (профильные организации) / Professional communities (profile organizations)	29	-	-	13
Онлайн-СМИ / Online mass media	18	13	29	13
Региональные и местные органы власти / Regional and local authorities	19	16	5	25
Сетевые активисты информационно-аналитических порталов / Online activists of information-analytical publics	10	35	19	25
Сообщества населения региона / Communities of regional resi-	10	32	48	25

Наименование / Name	Формы обсуждения НП / Forms of discussion of national projects			
	Только сообщения информационного характера без обсуждения / Only informational messages without discussion	Имеются комментарии жителей с поиском выхода на конструктивное решение вопросов в рамках НП / Comments of residents searching for constructive solution to issue	Негативные комментарии местных жителей без поиска конструктивного решения / Negative comments of residents without searching for constructive solution	Общие комментарии официальных лиц на вопросы жителей / Common comments from officials on residents questions
dents				
Регионы / Regions				
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	19	48	19	44
Омская область / Omsk oblast	29	23	38	38
Вологодская область / Vologda oblast	32	13	24	6
Смоленская область / Smolensk oblast	19	16	19	13
В целом / Total	51	26	13	10

На комментарии жителей официальные лица отвечают либо формальными отписками, либо замечания жителей вообще остаются без ответа. Т.е. жители не получают должные ответы на поставленные вопросы, не говоря уже о конструктивном подходе к разрешению указанных проблем (10%). Данный факт, конечно же, порождает недоверие как к ответственным исполнителям нацпроектов, так и к намеченным программным мероприятиям и проектным решениям.

Наиболее конструктивный подход и предложения в рамках обсуждения информационных постов по реализации проектных решений отмечены в онлайн сетевых сообществах Свердловской области (48%).

Негативные комментарии в рамках оппозиционно-протестных позиций жителей без поиска конструктивного решения приходятся на Омскую и Вологодскую области (28% и 24%). Чаще негативная тональность комментариев отмечается в сетевых сообществах типа «Подслушано» (48%). Подобные сообщения касаются хода реализации нацпроекта «Жилье и городская среда» (71%). Однако, следует отметить, что по этому проекту жители чаще получают ответы на свои комментарии от ответственных исполнителей. Хотя содержание ответов в большинстве случаев не указывает на их качественную проработку. В итоге основанная часть ответов воспроизводится по шаблонным отпискам: «будет рассмотрено», «подавайте заявку», «денег на исполнение всех заявок не хватит, т.к. недостаточно выделено средств в этом году», «будет заложено в смету в 2021 году» и т.д.

В Смоленской области на проанализированных онлайн сетевых площадках зафиксирован скорее нейтральный характер взаимодействия органов власти управления с населением, связанный с минимальной подачей со стороны ответственных лиц целевой проблемной информации или замалчиванием ими конкретных фактов о ходе реализации проектных решений.

Заключение (Conclusions). Проведенный анализ информационных постов и комментариев в 6 типах онлайн сетевых сообществ ВКонтакте в 4-х регионах поз-

волил подтвердить 3 гипотезы нашего поискового онлайн исследования:

1) Содержание информационных постов, а также установленная активность и характер включенности населения в их обсуждение, дают нам повод констатировать, что население сегодня не является полноправным субъектом постановки и реализации проектных решений в ходе реализации нацпроектов. Основными игроками – субъектами решения – являются органы региональной и муниципальной власти и подведомственные им учреждения, а также вышестоящие над ними органы федеральной власти (см. табл. 1).

Анализ информационных сообщений (постов и комментариев) показал, что органы власти и управления считают население скорее потребителем конечных результатов, причем тех, которые они сами (власти) и предложат. В связи с этим ответственные исполнители не развивают активную дискуссию со стейкхолдерами, не ориентируются на организацию социальной обратной связи, нацелены в большей степени на формирование отчетности по достижению контрольных цифр и формальному закрытию объективных статистических показателей.

2) Опираясь на проведенный анализ, можно говорить о том, что социально-сетевое группообразование действительно происходит скорее стихийно, и не организовано регуляцией целевых информационных потоков органами власти и управления с выходом на конструктивные решения. Сообщения от жителей регионов о проблемах, связанных с вопросами реализации национальных проектов, либо игнорируются, либо к ним даются официальные комментарии (отписки) без конкретных подходов и поиска соответствующих решений. Т.е. своевременная подача целевой информации, необходимой и достаточной для включения населения в проектные решения, а также адекватной регуляции информационных потоков органами власти и управления с выходом на конструктивные решения не прослеживается. В итоге социально-сетевое группообразование стейкхолдеров проходит чаще стихийно – без внимания, включения и регулирования со стороны официальных лиц. Заинтересованные лица самостоятельно разворачивают обсуждение накопившихся проблем в актуальных для них онлайн-сообществах: онлайн-СМИ, информационно-аналитических группах, сообществах типа «Подслушано».

3) Зафиксированные организационно-управленческие барьеры, отстранение или формальное включение стейкхолдеров в процесс разработки и реализации проектных решений порождает негативный фидбэк пользователей сетевых сообществ относительно реализации национальных проектов, выражающийся в проблемных комментариях к официальным сообщениям. В двух регионах (Омская и Вологодская области) жители занимают чаще протестно-оппозиционные позиции и указывают на плохое качество исполнения решений и неудовлетворительные результаты работы органов власти и подведомственных учреждений в ходе реализации нацпроектов: несистемное решение проблем в сфере здравоохранения, некачественное и частичное благоустройство, использование средств на разрешение неприоритетных для жителей проблем. Отправители комментариев пытаются, с одной стороны, опосредованно указать на конкретные приоритетные проблемы, с другой, – предложить органам власти и управления обратить внимание на те аспекты их (органов власти) деятельности, которые порождают барьеры и трудности реализации проектных решений. Следует заметить, что на подобные заявления населения органы власти либо не реагируют вообще, либо отвечают шаблонно и часто сугубо формально, констатируя невозможность решения проблем из-за недостаточного финансирования, либо предлагают такие альтернативы, которые никак не помогут реальному разрешению социального вопроса.

В Омской области зафиксирован наиболее оппозиционный характер ССГ,

который выражается в максимальном количестве негативных комментариев к официальным постам региональных и муниципальных властей, а также в наибольшей концентрации контента декларативного характера, воспроизводимого органами власти для отчетности на своих сетевых ресурсах. Однако, следует отметить, что Омская область находится на втором месте после Свердловской по уровню активности сетевых активистов: в этих 2-х регионах интенсивнее формируется повестка социально значимых проблем. Можно предположить, что это особенность двух областей, которые относятся к более развитым регионам по версии социокультурной модернизации.

В Вологодской области прослеживается слабо выраженный интерес населения к обсуждению информационных постов о ходе реализации национальных проектов, а также достаточно негативное отношение к работе органов власти и управления в части реализации проектных решений. Возможно, это связанно с тем, что в Вологодской области ответственные исполнители не смогли в полном объеме реализовать бюджетные средства по нацпроектам в 2019 году.

В регионах с более низким уровнем социокультурной модернизации – Вологодской и Смоленской областях – население практически не выделяется как субъект постановки и реализации проектных решений, а признаки ССГ либо отсутствуют, либо выражены слабо. В Смоленской области наблюдается слабое, нейтральное взаимодействие органов власти и управления с населением. Причиной этого может быть минимальное количество онлайн сетевых сообществ, отсутствие каналов обратной связи на официальных сетевых площадках, практически отсутствующая дискуссия официальных лиц с населением по поводу реализации проектных решений.

В Свердловской области жители сильнее проявляют интерес к проектным решениям и активнее обсуждают целый спектр неразрешенных социально-значимых проблем в сфере здравоохранения и благоустройства, предлагают свои решения по их разрешению. Однако вместе с тем свердловчане на разных сетевых площадках масштабно и стихийно высказывают своё недовольство в отношении их отчуждения от конкретных решений, о некачественных результатах проектных решений в сфере здравоохранения, строительства жилья и благоустройства.

Отдельно отметим, что в комментариях жителей всех регионов мы обнаружили схожие суждения, указывающие на критическую деформацию отношений между органами власти и населением в контексте исполнения нацпроектов. Эта деформация связанна в первую очередь с нерасторопностью и некомпетентностью местных органов власти, с извлечением собственной выгоды и приоритетности личных интересов чиновников. Всё это порождает в качестве причин и следствий целый спектр трудностей и барьеров, влекущих за собой незаинтересованность ответственных исполнителей в организации специальных условий социально-ориентированной обратной связи с населением для достойного достижения качества исполнения проектных решений.

Приведенные выше факты указывают на то, что социально-сетевое группообразование как процесс активизации онлайн коммуникативного взаимодействия стейкхолдеров для выработки адекватных решений в рамках национальных проектов слабо регулируется органами власти, не проявляющими должного интереса к созданию коммуникативно-конструктивных сетевых площадок для диалога всех заинтересованных субъектов регионального управления. В этой связи можно констатировать, что сегодня вместо организации новых форм коммуникации с населением органами власти и управления продуцируются такие организационно-управленческие условия, при которых чаще формируется стихийная оппозиционно-протестная субъектность стейкхолдеров проектных решений, чем конструктивная

работа по достижению социально-обоснованных решений и ожидаемых социальных эффектов.

Несмотря на то, что информация, продуцируемая в онлайн социальных сетях, является оперативной («здесь и сейчас») и фоновой о сложившихся организационно-управленческих проблемах и проблемных ситуациях на местах (в регионе, городе, деревне), мы можем констатировать её актуальность для исследования общих тенденций социального-сетевого группообразования через социологическое измерение критериев социальной сетевой субъектности в рамках реализации национальных проектов. Апробация социологического измерения ССГ через разработку оценочных критериев и индексов социально-сетевой субъектности будет продолжена в 2021 году в ходе социолого-управленческого мониторинга реализации национальных проектов.

Список литературы

Богданов В. С. Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы: монография. М.: Университетская книга, 2017. 320 с.

Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4-16.

Градосельская Г. В., Карпов И. А., Щеглова Т. Е. Картирование политически активных групп в фейсбуке: динамика 2013-2018 гг. // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4 (32). С. 94-104.

Докука С. В. Практики использования онлайновых социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137-145.

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 44-47.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Ли Д. Й. Механизмы управления репутацией в социальных сетях. URL: http://postnauka.ru/video/46789 (дата обращения: 28.08.2020).

Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Сморгунов Л. В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62-75.

Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 40-45.

Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. М.: Изд-во Канон+, 2009.

Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 176-183.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

Щедровицкий П. Г. Очерк основных идей системомыследеятельностной педагогики // Очерки по философии образования. М., 1993. С. 125-144.

Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии: ФНИСЦ РАН. М.: Новый хронограф, 2018.

Boyd D. Why youth (heart) social network sites: The role of networked publics in teenage social life // MacArthur foundation series on digital learning–Youth, identity, and digital media volume. 2007. P. 119-142.

Chatfield A., Reddick, C. G. Understanding Risk Communication Gaps through E-Government Website and Twitter Hashtag Content Analyses: The Case of Indonesia's Mt. Sinabung Eruption // Journal of Homeland

Security and Emergency Management. 2015. 12 (2). P. 351-385

Cornia A., Sehl A., Levy D. A. L., Nielsen R. K. Private Sector News, Social Media Distribution, and Algorithm Change. Reuters Institute, University of Oxford, 2018. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-10/Cornia_Private_Sector_News_FINAL.pdf. (дата обращения: 24.09.2020).

Cotterill S., King S. Public Sector Partnerships to Deliver Local E-Government: A Social Network Study // Electronic Government. EGOV 2007. Lecture Notes in Computer Science. 2007. Vol. 4656.

Gonzalez-Bailon S., Wang N. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // Social Networks. 2016. Vol. 44. P. 95-104.

Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilisation. Routledge, 2007. 200 p.

Parés M., Bonet-Martí J., Martí-Costa M. Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain) // Urban Affairs Review. 2011. 48 (2). P. 238-271.

Punam B., Sharma Ch. Community detection in social networks // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2016. 6 (3). URL: https://www.researchgate.net/publication/295395520_Community_detection_in_social_networks (дата обращения: 24.09.2020).

Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier // The electronic version of The Virtual Community. 1993. URL: http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html (дата обращения: 28.09.2020).

Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. Adopted by the OECD Council on 15 July 2014. OECD. URL: https://www.oecd.org/gov/digital-government/recommendation-on-digital-government-strategies.htm (дата обращения: 29.09.2020).

Srivastava M. Social Media and Its Use by the Government // Journal of Public Administration and Governance. 2013. 3 (2). P. 161-172.

Wellman B. Physical and Cyber Place: The rise of personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 200. Vol. 25. P. 228.

References

Bogdanov, V. S. (2017), *E-governance in society: social and cognitive problems: monography*, Universitetskaya kniga, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Bourdieu, P. (1994), *Choses dites*, Transl. by Shmatko, N. A., Socio-Logos, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Gorshkov, M. and Sedova, N. (2015), “Self-sustained» Russians and their life priorities”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (12), 4-16. *(In Russian)*

Gradoselskaya, G. Scheglova, T. and Karpov, I. (2019), “Mapping of politically active groups on Facebook: dynamics of 2013-2018”, *Voprosy kiberbezopasnosti*, (4), 94-104. *(In Russian)*

Dokuka, S. (2014), “Praxis of using online social networks”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 137-145. *(In Russian)*

Dridze, T. (1998), “Social communication in management with feedback”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (10), 44-47. *(In Russian)*

Castells, M. (2004), *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society*, Transl. by Matveeva, A. in Kharitonov, V. (ed.), U-Faktoria, Ekaterinberg, Russia. *(In Russian)*

Li, D. “Mechanisms of reputation management in social media”, [Online], available at: http://postnauka.ru/video/46789 (Accessed 28.09.2020). *(In Russian)*

Rheingold, H. (2006), *Smart mobs: the next social revolution*, Transl. by Garkavyi, A., in Lugovaya, I. (ed.), FAIR PRESS, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2017), *Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions*, in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Smorgunov, L. (2009), “Institutionalization of gogernability and the problem of veillance in the space of digital communications”, *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20 (3), 62-75. *(In Russian)*

Tikhonov, A. (2011), “From Sociology of management to sociology of administration”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (2), 40-45. *(In Russian)*

Tikhonov, A. (2009), *Sociology of management: Theoretical bases*, Kanon+, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. and Merzlykov, A. (2019), "Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization", *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 176-183. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. and Bogdanov, V. S. (2020), "From «smart regulation» to «smart management»: social issue of feedback digitalization", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 74-81. *(In Russian)*

Shchedrovitskiy, P. (1993), "Essay on the main ideas of system-mind-making pedagogics", in *Essays on philosophy of education*, Pedagog. Centre Experiment, Moscow, Russia, 125-144. *(In Russian)*

Scherbina, V. (2018), *Rationalizing diagnostic managerial social technologies*, FNISC RAN, Novyy khronograpg, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Boyd, D. (2007), "Why youth (heart) social network sites: The role of networked publics in teenage social life", in *MacArthur foundation series on digital learning–Youth, identity, and digital media volume*, 119-142.

Chatfield, A. and Reddick, C. G. (2015), "Understanding Risk Communication Gaps through E-Government Website and Twitter Hashtag Content Analyses: The Case of Indonesia's Mt. Sinabung Eruption", *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 12 (2), 351-385.

Cornia, A., Sehl, A., Levy, D. A. L. and Nielsen, R. K. (2018), "Private Sector News, Social Media Distribution, and Algorithm Change", Reuters Institute, University of Oxford, available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-10/Cornia_Private_Sector_News_FINAL.pdf. (Accessed 24.09.2020).

Cotterill, S. and King, S. (2007), "Public Sector Partnerships to Deliver Local E-Government: A Social Network Study", *Electronic Government. EGOV 2007. Lecture Notes in Computer Science*, 4656.

Gonzalez-Bailon, S. and Wang, N. (2016), "Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media", *Social Networks*, 44, 95-104.

Mayo, E. (2007), *The Social Problems of an Industrial Civilisation*, Routledge.

Parés, M., Bonet-Martí, J. and Martí-Costa, M. (2011), "Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain)", *Urban Affairs Review*, 48 (2), 238-271.

Punam, B. and Sharma, Ch. (2016), "Community detection in social networks", *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*, 6 (3), available at: https://www.researchgate.net/publication/295395520_Community_detection_in_social_networks (Accessed 24.09.2020).

Rheingold, H. (1993), *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*, The electronic version of The Virtual Community, available at: http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html (Accessed 28.09.2020).

Recommendation of the Council on Digital Government Strategies (2014), Adopted by the OECD Council on 15 July 2014, OECD, available at: https://www.oecd.org/gov/digital-government/recommendation-on-digital-government-strategies.htm (Accessed 29.09.2020).

Srivastava, M. (2013), "Social Media and Its Use by the Government", *Journal of Public Administration and Governance*, 3 (2), 161-172.

Wellman, B. (2001), "Physical and Cyber Place: The rise of personalized Networking", *International Journal of Urban and Regional Research*, 25, 228.

Статья поступила в редакцию 01 ноября 2020 г. Поступила после доработки 21 ноября 2020 г. Принята к печати 05 декабря 2020 г.

Received 01 November 2020. Revised 21 November 2020. Accepted 05 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociological sciences, Senior researcher, Federal Cen-

ter for theoretical and applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Смирнова Анастасия Сергеевна, магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Anastasiia S. Smirnova, Master's degree student State Academic University for the Humanities, junior researcher, Federal Center for theoretical and applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10

Гусейнова К. Э.

Проблема организации коммуникативного пространства российских регионов в условиях реализации национального проекта «Наука»

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
liksedar@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования проблем группообразования в регионах с разным уровнем социокультурного развития в 4 субъектах Российской Федерации. Эмпирические данные получены в ходе реализации Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН академического проекта в рамках гранта Российского научного фонда (№ 19-18-00345). Анализируется специфика терминов коммуникативное пространства (его форма и особенности), субъекты коммуникативного пространства (как с точки зрения непосредственного участия, так и с позиции уровня заинтересованности), инновационное развитие, национальные проекты, модернизация и её этапы (первичная и вторичная), социокультурное развитие регионов. Рассматривается особенность оценки региональным экспертным сообществом, имеющим опыт управленческой деятельности, проблем реализации национального проекта «Наука», а также неспособность регионов оценить его научно-технологический потенциал для коммуникационного развития региона. Раскрывается суть социокультурной типологии Н. И. Лапина об уровне модернизированности субъектов Российской Федерации с учетом их региональных различий. В статье сделана попытка оценить возможности организации коммуникативного пространства в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, а также эффективность использования региональных ресурсов для инновационного развития. Среди факторов, формирующих такое пространство представлены состав и качество коммуникации между участниками (субъектами), а также культурные, исторические и социо-экономические особенности регионов. Все эти факторы так или иначе оказывают влияние на построение диалога между всеми заинтересованными участниками, способствуя тем самым организации коммуникативного пространства.

Ключевые слова: регион; коммуникативное пространство; региональное, коммуникативное пространство; национальные проекты; национальный проект «Наука»; инновации; инновационный уровень; социокультурная модернизация; взаимодействие; научно-образовательный центр

Информация для цитирования: Гусейнова К. Э. Проблема организации коммуникативного пространства российских регионов в условиях реализации национального проекта «Наука» // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 169-183. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10.

Original article

Ksenia E. Guseynova[1]

The problem of organizing the communicative space of Russian regions in the context of the national project "Science"

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
liksedar@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the problems of group formation in regions with different levels of socio-cultural development in 4 subjects of the Russian Federation. Empirical data were obtained during the implementation of an academic project by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of FCTAS of the Russian Academy of sciences under a grant from the Russian Science Foundation (No. 19-18-00345). The article analyzes the specifics of the following terms: communicative space (its form and features), subjects of communication space (both from the point of view of direct participation and from the point of view of the level of interest), innovative development, national projects, modernization and its stages (primary and secondary), socio-cultural development of regions. The article considers the peculiarities of assessment by the regional expert community with management experience of the problems of implementing the national Science Project, as well as the inability of the regions to assess its scientific and technological potential for the communication development of the region. The article reveals the essence of N. I. Lapin's socio-cultural typology about the level of modernization of the Russian Federation's subjects, taking into account their regional differences. The article attempts to assess the possibilities of organizing communicative space in regions with different levels of socio-cultural modernization, as well as the effectiveness of using regional resources for innovative development. The composition and quality of communication between participants (subjects), as well as cultural, historical, and socio-economic features of regions are among the factors that form such a space. All these factors somehow influence the construction of a dialogue between all interested participants, thereby contributing to the organization of the communication space.

Keywords: region; communicative space; regional communicative space; national projects; national Science Project, innovations; innovative level; socio-cultural modernization; interaction; scientific and educational center

Information for citation: Guseynova, K. E. (2020), "The problem of organizing the communicative space of Russian regions in the context of the national science project", Research Result. Sociology and management, 6 (4), 169-183, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10.

Введение (Introduction). Изучение проблем построения коммуникативных отношений и коммуникативного социального пространства взаимодействия между субъектами инновационной и научно-технологической политики является актуальнейшей проблемой сегодняшнего дня. За последние 10 лет мы стали свидетелями внедрения в практику управления и модернизации множества дискурсов и речевых маркеров российского правительства (инновационная политика, «4И» технологиче-

ские платформы, «кластерная политика», СЭЗ и т.д.), которые, к сожалению, не дали ожидаемых «прорывных» результатов.

Однако сегодня, похоже, необходимо взглянуть на организацию такого пространства через призму перспективы построения новых отношений между научными и инновационными структурами. Успешным проектом является НБИКС Курчатовского института, который активно сотрудничает с Росатомом, результат их работы – широкий спектр достижений на основе четко выстроенных отношений между внутренними структурами управления и организации науки. На этой основе можно изучить данную модель и рассматривать её в качестве гипотетически перспективной для организации фундаментальной и прикладной науки (с учетом выявления и преодоления барьеров в данной структуре).

Национальные проекты (в частности проект «Наука») мы рассматриваем в качестве инновационных, поскольку их реализация направлена как на создание новых практических средств, отвечающих современным запросам, так и на трансформацию существующих. Таким образом, они представляют собой 2 вида инноваций – радикальные (базовые) и модифицирующие (Гусейнова, 2018). Появление национальных инновационных проектов представляет научный интерес, поскольку процесс их разработки происходит в социальном пространстве и обладает особым информационным качеством. Таким образом, инновация попадает в социальные отношения, обладает информационным потенциалом и ценностью для социокультурной модернизации. Иными словами, коммуникативное пространство становится фактором развития пространства инновационного.

Исследование организации коммуникативного пространства разработки и реализации национальных инновационных проектов подразумевает использование такого термина как «инновационное сотрудничество» (Осипов, Миндели, 2016: 95). В его основе лежит идея активного участия в совместных проектах, обмен опытом, доступ к новым знаниям между всеми заинтересованными участниками независимо от прибыли. Таким образом, мы можем дать определение термину *коммуникативное пространство*. Это вид социального пространства, для которого характерна организация коммуникативных связей посредством построения диалога между его субъектами (участниками), обладающими конкретным набором капиталов, определяющих их роль в пространстве. Самоорганизация такого пространства способствует формированию устойчивой коммуникативной структуры, целостность которой зависит не только от количества участников, но и от полноты распределения информации. Появление очередного элемента коммуникативного пространства добавляет новые качества и оказывает влияние на структуру в целом, при этом он должен соответствовать требованиям, установленным в пространстве. Коммуникативное пространство многомерно и состоит из подпространств, каждое из которых обладает своими коммуникативными свойствами, информационной полнотой. Как правило, меньшие по размеру подпространства встроены в более крупные, являясь при этом единым целым. Коммуникативное пространство может быть региональным или межрегиональным, открытым и полуоткрытым. К имеющимся признакам можно добавить также размерность пространства по типам коммуникации: а) межличностная (обыденное общение двух акторов), б) групповая (малая социальная группа, насчитывающая, как правило, от двух до десяти участников), в) общественная или публичная (среди акторов имеется самый активный, транслирующий основное информационное сообщение), г) организационная (большая социальная группа, структурированное по наличию иерархии, горизонтальных и вертикальных каналов связи), д) массовая (подразумевает участие большого количества акторов, имеет массовый характер). Очевидно, что наше коммуни-

кативное пространство относится к типу организационной коммуникации. Акторы пространства стремятся к взаимодействию друг с другом, объединяясь во множестве подпространств. При этом сторонние субъекты могут рассматриваться в качестве потенциальных участников, если их цели и интересы совпадают.

В нашем случае субъектами коммуникативного пространства являются разработчики и ответственные исполнители национальных проектов, региональные органы власти, представители науки и образования, бизнеса, общественных организаций – люди, непосредственно вовлеченные в процесс управленческой деятельности, а также имеющие потенциал для его преобразования.

В данной статье мы рассматриваем реализацию национального проекта «Наука» в регионах как импульс, способствующий организации коммуникативного пространства, а также повышению уровня инновационного развития посредством модернизации существующих процессов. Задачи проекта призваны увеличить научно-технологический и инновационный потенциал России по широкому спектру направлений. В состав участников проекта входят региональные органы власти, некоммерческие организации (НКО), образовательные и научно-исследовательские организации, общественные организации, бизнес. Национальный проект «Наука» включает в себя три федеральных проекта: 1. Развитие научной и научно-производственной кооперации; 2. Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации; 3. Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок. В качестве ответственных исполнителей в паспорте проекта указаны Российская академия наук, ряд отраслевых министерств – Минобрнауки России; Минэкономразвития России; Минпромторг России; Минздрав России; Минкомсвязь России, Минсельхоз России; Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), венчурная компания (АО «Российская венчурная компания»), образовательный фонд «Талант и успех», НИЦ Курчатовский институт – ПИЯФ, Объединенный институт ядерных исследований; Институт катализа им. Г.К. Борескова, а также фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Уже сейчас можно оценить, какие перспективы могут открыться перед региональными субъектами в случае, если они будут заинтересованы в налаживании диалога с участниками проекта. Если реализация программы «Наука» будет способствовать привлечению ученых не только на региональном, но и на межрегиональном уровне, у слабо развитых регионов появится возможность улучшить свои социо-экономические показатели. Однако, не все регионы понимают выгоду такого сотрудничества, поэтому потенциал использования подобных проектов требует проверки эмпирическим путём.

Степень готовности субъектов к межрегиональному сотрудничеству во многом зависит от уровня их модернизации, последнее оказывает непосредственное влияние на организацию коммуникативного пространства. Это объясняется тем, что несмотря на политическую актуальность национальных проектов, стратегические цели, которые они преследуют, являются спорными.

Так, эффективность использования региональных ресурсов для инновационного развития должна охватывать всю страну. При этом абсолютно не учитывается готовность регионов к модернизации, в частности имеющийся у них потенциал, социально-культурные и экономические особенности и работу властно-управленческой вертикали. От этого напрямую зависит успех пространственного модернизационного и инновационного развития страны и поддержка населением действий органов власти и управления всех уровней. Низко развитые регионы

просто не способны обеспечить адекватные условия для инновационного развития. Национальные проекты должны не просто создать эффект ускоренного развития страны вообще, а конкретно регионов, поскольку каждый из них представляет собой отдельное социальное пространство. Концепция стратегической линии развития России должна разрабатываться с учетом специфики регионов, их потенциала (культурного и экономического и проч.), а также изучения и обнаружения барьеров, препятствующих их инновационному развитию. Национальные проекты – это инновации, обладающие особым социальным свойством. Попадая в ракурс социального пространства, они становятся объектом его внимания и активизируют различные процессы, трансформируя модернизационное пространство по ряду социокультурных признаков.

Методология и методы (Methodology and methods). Понятие «регионализация» наиболее точно отображает различные социокультурные, экономические и политические процессы в современной России. Каждый регион представляет собой локализованное пространство, в котором эти процессы существуют. Если в советское время использовалось целенаправленное сбалансированное распределение производственных сил по всей стране в целом, то сейчас подобная тактика говорила бы о том, что современное государственное административное управление мало заботит специфика регионов. В процессе регионализации каждая территориальная единица, будь то область или республика, входящая в состав сегодняшней России, получила статус субъекта РФ. Соответственно, каждая из них обладает особыми конкурентными преимуществами, уровень которых напрямую зависит от модернизационного развития.

Многочисленные статистические данные, собранные Китайской академией наук (далее – ЦИМ КАН) в период с 2001 по 2010 г. по 131 стране мира, подарили научному сообществу обширные данные о современном этапе модернизационного развития. Теоретическую предпосылку подобного исследования ЦИМ КАН составляет концепция вторичной модернизации, руководителя Центра, профессора Хэ Чуаньци. С его точки зрения, в развитых и большинстве развивающихся стран одновременно осуществляются две стадии модернизации. Первичная (классическая) стадия модернизации представляет собой переход от традиционного общества к индустриальному. Первичная стадия модернизации началась промышленной революцией XVIII в. и закончилась в развитых странах к 60-м годам XX в. В остальных странах первая стадия модернизации продолжается в XXI в. Переход к вторичной модернизации ознаменовался ростом информационных технологий, основанных на опыте и знаниях, и был характерен для развитых стран. Вторая стадия модернизации возникла в следствие первичной стадии модернизации и взаимодействует с нею.

Исследования ЦИМ КАМ наглядно демонстрируют, что модернизация государства невозможна без повышения уровня развития его регионов. Для достижения данной цели России необходимо сформировать политическую стабильность, основанную на обеспечении эффективного взаимодействия в решении проблем модернизации властной вертикали и местного самоуправления регионов. На этом фоне, определение эффективности действующей властно-управленческой структуры является приоритетной задачей, решение которой позволит ускорить процессы модернизации государства.

Модернизация представляет собой сложный процесс, включающий в себя изменения в промышленности посредством индустриализации, изменения в сфере знаний, связанные с развитием и трансформацией современного информационного общества, а значит, и его социокультурного пространства. Социокультурная модернизация – одно из наиболее значимых направлений модернизации как таковой.

Её успешность может зависеть от множества факторов, таких как: легитимность власти, доверие и благополучие граждан, соблюдение их прав и свобод. Достижение данных целей возможно путем внедрения эффективных инноваций в государственную власть, экономику, управление. Многие факторы, будь то социальные, либо природные могут стать предпосылками социальных напряжений и препятствовать построению коммуникативного пространства. Последнее мы рассматриваем как социальную категорию (см. Бурдье, 1993; Гофман, 2000, 2003; Гидденс, 2003; Giddens, 1987; Simmel, 1992). Структурирование коммуникативного пространства происходит за счет статусов социальных акторов, а также их распределения среди имеющихся позиций (см. Bourdieu, 1994; Бурдье, 2007; Сорокин, 1992). В то время как физическое расположение тел в пространстве делает его обозримым (Ионин, 1981; Гидденс, 2003).

Научное обоснование проблем модернизации России на протяжении нескольких лет являлось предметом исследовательского интереса авторского коллектива ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина. Созданный ими фундаментальный труд нашёл отражение в Атласе социокультурной модернизации (Атлас модернизации России: 2016), охватывающем период с 2000 по 2012 гг. Российскими учеными была проведена масштабная работа по анализу процессов социокультурной модернизации в 85 регионах страны. В результате мы имеем типологию, основанную на критериях индустриальной и информационной развитости и состоящую из шести уровней (от высокого до самого низкого уровня развития).

Рассматривая модернизацию как комплексный цивилизационный процесс (Тихонов, Маркин: 2017), авторы создали уникальную методологию по определению уровней социокультурного развития, позволяющую проводить многосторонний анализ регионов. Так, например, при оценке населением условий жизни принимается во внимание политическая субъектность региона как части федерации, его социальная общность, культурные, исторические, религиозные и даже географические особенности. Учет индивидуальных характеристик субъектов (их социальное, культурное, и историческое прошлое) в купе со статистическими данными даёт нам представление о современной социальной структуре общества, помогает определить дальнейшие пути модернизации страны в целом. Вологодский научный центр РАН сейчас является продолжателем трудов Н. И. Лапина, на основе данных которого была создана информационная система ИС «Модернизация».

На протяжении нескольких лет в своих исследованиях по грантам РНФ Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН использует социокультурную типологию регионов по Н. И. Лапину. С учетом данных об уровнях социокультурного развития регионов, мы проверяем гипотезы о возможных способах их инновационного развития, а также ищем дополнительные показатели процесса модернизации с учетом региональных различий. При этом в качестве объекта управления мы рассматриваем процессы «саморегуляции отношений людей, спонтанно возникающих в ходе их совместной жизни и деятельности. Можно сказать, … что объектом управления является не человек и не группа людей, а процесс их консолидации при выработке ответов на внешние и внутренние вызовы, что позволяет рассматривать участников как становящуюся социальную общность» (Россия: реформирование, 2017: 36).

В 2019 году Центром социологии управления и социальных технологий под руководством А. В. Тихонова было запущено академическое исследование по гранту Российского научного фонда[1], в

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345). «Академический проект: управляемость процессов социального группообра-

рамках которого по рейтингу социокультурной модернизации (Лапин, Беляева, 2009) были отобраны 4 пилотных региона: Московская область, Белгородская область, Республика Башкортостан и Республика Калмыкия. Несколько задач исследования состояло в анализе и применении экспертного знания для «объяснения сложившихся и необходимо достаточных социокультурных условий оптимальной организации систем управления на местах», а также получении «недостающих данных о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов, использования их для последующей разработки и корректировки стратегий управления» (Информационно-аналитический, 2019: 43) в условиях реализации «Стратегии развития Российской Федерации до 2024 года».

В статье использованы данные экспертного онлайн-опроса, общий объем которого составил 207 анкет, при этом был достигнут порог – не менее 50 интервью в каждом субъекте РФ. В соответствии с квотами[1] были отобраны люди, имеющие опыт управленческой или экспертной практики в конкретных сферах производственной и непроизводственной деятельности, постоянно проживающие на территории отобранных регионов. Подробнее с результатами проведённого исследования можно ознакомиться в Информационно-аналитическом бюллетене «Отношение населения пилотных регионов Российской Федерации к работе органов власти и управления: сравнительный анализ 2015-2019 гг.» (Информационно-аналитический, 2019: 41-61). Большинство участников опроса (93%) имеют опыт управленческой деятельности. В республиках квотные группы распределены более-менее равномерно, при этом наибольший процент экспертов Башкортостана (12%) пришелся на представителей научно-исследовательских организаций (НИИ). В Калмыкии наиболее многочисленными оказались эксперты из вузов, политических партий, органов власти и общественных организаций – по 16,7% от каждой организации. Представители вузов также составили самую многочисленную квоту в Московской области (18%), за ней последовали НИИ и промышленные предприятия – по 15% в каждом. В Белгородской области картина несколько иная, так, большинство экспертов являются представителями органов власти (16%), за ними с небольшим отрывом, но также в равных долях следуют общественные организации (14%) и консалтинговые агентства (14%). Одна из наиболее многочисленных в Калмыкии (16,7%) и малочисленных в Московской области (3%) категория политических партий представлена в Белгородской области на уровне 10%, также, как и строительные организации.

Что касается распределения самих регионов по уровню социокультурной модернизации, мы адаптировали имеющуюся методику Н.И. Лапина, в результате чего получили 4 уровня: первая группа – низкий уровень развития (Республика Калмыкия), вторая группа – ниже среднего уровня развития (Республика Башкортостан), третья – средний уровень развития (Белгородская область), четвертая – высокий уровень развития (Московская область). Таким образом, в исследовании были представлены регионы, обладающие раз-

зования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

[1] Экспертные квоты: 1. Руководство консалтинговых агентств, независимых институтов развития регионов, муниципальных образований и подобных консультативно-управленческих организаций. 2. Представители общественных организаций. 3. Руководство научно-исследовательских организаций. 4. Руководство вузов и других учебно-образовательных заведений. 5. Руководство промышленных организаций (крупные предприятия и заводы). 6. Представители бизнеса и строительной отрасли (директор, зам. директор). 7. Представители торговли – владельцы магазинов, салонов и т. п. 8. Общественно-политические деятели (депутаты, политики). 9. Представители экологического сообщества (эксперты, руководители экологических направлений и организаций). 10. Представители, должностные лица, сотрудники региональных и местных администраций.

личными уровнями социокультурного развития. Последние напрямую связаны с развитием инновационным (Гусейнова, 2019: 136). Мы предполагаем, что внедрение национального проекта «Наука» в регионах с высоким уровнем развития будет способствовать лучшей организации коммуникативного пространства в области инновационного развития. На этом основании мы также выделяем индексы коммуникативного пространства регионов, а именно: высокий, средний, ниже среднего и низкий. В качестве оснований будем рассматривать такие показатели как: человеческие ресурсы, уровень научно-инновационного развития, информационно-коммуникационные технологии, финансирование образовательных и научных организаций.

Опыт предыдущих исследований, основанный на работах современных отечественных и зарубежных ученых, изучающих процессы социальной стратификации и социального действия (Аксёнова О. В., Тихонова Н. Е.), институционального развития общества как теории действия (Гидденс Э., Коулман Дж., Коллинз Р.), инновационного и научно-технологического развития (Ивантер В. В., Комков Н. И., Глазьев С. Ю., Иванов В. В.) даёт нам право утверждать, что на организацию коммуникативного пространства также значительное влияние оказывают имеющиеся в регионе формы взаимодействия между органами власти и наукой, наукой и образованием, а также коммуникация между региональным и межрегиональным научным сообществом, участвующем в разработке и реализации национальных проектов.

К перспективным формам взаимодействия участников коммуникативного пространства на уровне региона можно отнести:

- создание координационных советов, участники которых должны иметь равный вес в вопросах инновационного развития. Здесь на равных условиях могут принимать участие представите региональных органов власти, науки и бизнеса. Квалификация чиновников при этом должна включать в себя основы научно-технологического развития, чтобы уметь вести грамотный диалог с научным сообществом, а также использовать научные данные в экономике региона;

- организацию образовательного процесса на основе актуальных социокультурных и экономических запросов общества с привлечением научного сообщества (организация круглых столов, создание лабораторий);

- проведение совместных научных мероприятий между региональными учеными с целью формирования единого информационного пространства междисциплинарных исследований (международные гранты, привлечение отечественных и зарубежных ученых);

- организацию межрегиональных научных лабораторий, центров, институтов с привлечением представителей власти и бизнеса.

Национальные проекты должны перенести организацию инновационной деятельности в новую плоскость с расширенной сетью научно-исследовательских организаций, лабораторий с достаточным финансированием, где проводились бы фундаментальные исследования с последующей передачей результатов в практику организации опытного знания.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). В своих предыдущих исследованиях 2015-2019 гг. мы проводили анализ готовности регионов к инновационной деятельности по критериям разработанности общих стратегических документов и отдельных элементов инновационной и технологической систем (Проблемы разработки и реализации, 2019). Тогда эксперты в целом негативно оценивали реализацию инновационных задач в своих регионах. Если представители Белгородской и Московской областей заявляли, что регион справляется с поставленным задачами на более или менее должном уровне, то в Республиках Баш-

кортостан и Калмыкия такой опыт оценили, как негативный.

Оценка собственных возможностей при разработке и реализации национальных проектов есть ключ к пониманию процесса самоорганизации коммуникативного пространства, состоящего из заинтересованных участников коммуникации. Для выявления конкурентоспособности регионов, обладающих разным уровнем развития, экспертам было предложено оценить конкретные преимущества своей области. Наиболее востребованным оказалось сельское хозяйство (73,6%), за ним со значительным отрывом следуют человеческие ресурсы (40,4%) и промышленное производство (35,6%). Такие необходимые для проекта «Наука» преимущества, как научно-инновационный уровень и информационно-коммуникативные технологии, эксперты оценили в качестве менее перспективных – 23,6% и 17,3% соответственно. В региональном разрезе это выглядит следующим образом (таблица): наличие человеческих ресурсов почти в равной степени отметили эксперты всех четырех регионов, при этом Республика Калмыкия как регион с наименьшим уровнем развития выше остальных оценила данное преимущество (29,7%). Подавляющее большинство экспертов Московской области, как наиболее развитого региона, выше всего оценило наличие информационных технологий (52,8%) при значительном отставании человеческого потенциала (28,6%). На втором месте по уровню социокультурного развития и распределению конкурентных преимуществ находится Белгородская область, которая в сравнении с Республикой Башкортостан в 3 раза выше оценила свои шансы в области науки (32,7% против 10,2%) и ровно в 2 раза – в области информационно-коммуникационных технологий (27,8% против 13,9%).

Таблица

Экспертная оценка конкурентных преимуществ регионов в рамках проекта «Наука» (в % от числа ответивших)

Table

Expert assessment of regional competitive advantages within the framework of the Science Project (in % of respondents)

	Белгородская Область / Belgorod region	Московская область / Moscow region	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia
Наука и инновации / Science and innovation	32,7	46,9	10,2	10,2
Информационные и коммуникационные технологии / Information and communication technologies	27,8	52,8	13,9	5,5
Человеческие ресурсы / Human resources	22,6	28,6	19,1	29,7

В контексте решения задач реализации проекта «Наука» немаловажную роль играет финансирование, от него напрямую зависит успешность внедрения проекта в том или ином регионе, которая в свою очередь зависит от качественной организации коммуникативного пространства. Среди целей проекта можно увидеть «увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны»[1], а также

[1] http://static.government.ru/media/files/UraNEEbOnbjocoMLPOnnJZx4OT20Siei.pdf

создание благоприятных условий для молодых исследователей, чьи разработки и опытные знания могут лечь в основу создания научно-образовательных центров. Так, согласно паспорту национального проекта, в России планируется увеличить число исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей. На момент создания нацпроекта данный показатель составлял 43,3%, в течение нескольких последующих лет он должен быть увеличен в среднем на 1-3%, чтобы к концу 2024 года достигнуть значения 43,3%. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики[1] на конец 2018 года первое место по данному показателю занимала Республика Башкортостан (57,1%), за ней со значительным отрывом следовала Белгородская область (44,5%). По такому же принципу предстали данные о числе образовательных и научных организаций в регионах. Так, на территории Белгородской области имеется 4 государственных и 1 частное научное учреждение, что составляет ровно половину имеющихся организаций в Башкортостане – 8 государственных и 2 частных.

Примечательно, что Республика Калмыкия, на территории которой имеется лишь одна научная организация и то государственного типа, обогнала Московскую область по количеству молодых исследователей – 40,2% против 38,8%. Последняя при этом имеет 8 государственных и 2 частных научно-образовательных учреждения.

На реализацию проекта «Наука» в общей сложности выделено 635, 9 млрд рублей из федерального бюджета и внебюджетных источников. Сумма не такая уж значительная в сравнении с другими проектами. Очевидно, что на реализацию имеющихся задач во многом окажут внимание финансовые возможности самих регионов. Так, согласно всё тем же статистическим данным, Московская область является лидером по количеству внутренних затрат на исследования за счет всех источников – 124.272.587,1 тыс. рублей. Белгородская область, будучи регионом среднего уровня и с бюджетом значительно более скромным – 2.147.898,1 тыс. руб., снова уступает менее развитой Республике Башкортостан с бюджетом 10.890.420,5 тыс. руб. Республика Калмыкия в отличие от других регионов не может рассчитывать на собственные силы при организации исследований, независимо от источников финансирования, её бюджет в 2018 году составил всего 77.925,3 тыс. рублей.

Как можно заметить, проблема недостаточного финансирования из бюджетных и внебюджетных источников на региональном уровне стоит достаточно остро. Так, например, 80,4% ответивших в Республике Калмыкия оценивают данную проблему в качестве первостепенной, за ней с заметным отрывом следуют Республика Башкортостан (54,0%) и Московская область (47,1%). Для Белгородской области недостаток финансирования представляется проблемой первого и второго порядка – 38,0% и 40,0% соответственно. В целом подавляющее число респондентов из всех регионов оценивает важность финансирования, их общий показатель составил 55,0%.

Заинтересованность регионов в реализации проекта «Наука» также удалось измерить с помощью экспертных оценок. Выяснилось, что 38% экспертов уверены, необходимость разработки проекта является для региональных властей вопросом третьего порядка. При этом Белгородская область больше других заинтересована в его реализации, 51,7% экспертов считают это вопросом первостепенной важности. Это подтверждается и данными, относительно оценки коммуникативного пространства, представленного в виде конструктивного взаимодействия между властью, наукой и бизнесом при реализации национальных проектов. На стадии реализации проектных мероприятий эксперты

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019.

Белгородской области выше всех оценили такую консолидацию (29%). На стадии разработки проектов привлечение специалистов из разных сфер больше всех оценили Республики Башкортостан и Калмыкия. В то же время 26,7% экспертов Московской области заявили, что такое взаимодействие до сих пор не организовано должным образом.

Эксперты также оценили примерный круг (пространство) участников, привлеченных к разработке и реализации национальных проектов в регионах. На первом месте по количеству участников находятся региональные органы власти (губернатор, региональные министерства, ведомства и т.д.) – 91,8%, на втором – муниципальные органы власти (органы местного самоуправления, городские думы и т.д.) – 70,7%, на третьем – федеральные органы власти – 65,9%. Далее со значительным отрывом следуют общественные организации (торгово-промышленные палаты, союзы, НКО и т.п.) – 38,9%, за ними представители бизнеса (корпорации, холдинги, частные компании) – 33,7%, научное сообщество (НИИ, лаборатории и т.п.) – 31,7% и научно-образовательные коллективы – 27,4%. Самое незначительное место среди участников коммуникативного пространства занимают консалтинговые компании – 3,4% и венчурные фонды – 1,4%. Такая картина наглядно демонстрирует нам асимметричность коммуникативного пространства, поскольку в нём лоббированы интересы определенных групп и почти не учтены интересы других. Таким образом, несмотря на заявления властей о привлечении широкого круга профессионалов и экспертов, последние остаются невостребованными. При этом федеральные власти запустили новый интернет-ресурс[1], где представлена вся актуальная информация по каждому из национальных проектов. Особое внимание следует уделить разделу «Герои», в нём собраны мотивирующие истории рядовых граждан, которые личным примером доказывают, что их голос был услышан. Подобная стратегия «ближе к народу» призвана повысить уровень доверия со стороны населения, которое, судя по содержанию ресурса, не только верит, но и личным примером доказывает необходимость реализации прорывных проектов. Подобную поведенческую стратегию можно рассмотреть с позиции Ирвинга Гофмана (Goffman, 1983), утверждавшего, что при помощи различных декораций создаётся внешний публичный образ, «картинка» как результат скрытой «закулисной игры» (Гофман, 2000: 285).

Однако, если посмотреть на организацию коммуникативного пространства с точки зрения заинтересованности в нём его участников, картина будет несколько иной. Так наиболее вовлеченными в процесс реализации национальных проектов, по мнению экспертов из 4 регионов, являются органы власти (70,7%), за ними с большим отрывом следуют население региона (49,5%), а также малый и средний бизнес – 34,1%. Представили общественных организаций, крупных компаний, научных и научно-образовательных организаций, инициативных групп не смогли набрать и 30%.

Стимулом к формированию межрегионального коммуникативного пространства также является научное взаимодействие, на основе которого могут быть организованы научно-образовательные центры. Эффективность такой консолидации можно оценить посредством связи между региональными учеными и крупными научными организациями федерального значения, а также инновационной инфраструктурой региона. Так, например, НИЦ «Курчатовский институт» выступает в качестве ответственного исполнителя при реализации нацпроекта «Наука». Наличие связей с данным институтом даёт нам возможность утверждать, насколько эксперты осведомлены о межрегиональном уровне взаимодействия своего региона с ведущей научной организацией страны. Имеются данные о наличии связей института Курча-

[1] https://национальныепроекты.рф

това с Белгородской и Московской областями, а также Республикой Башкортостан.

Организации коммуникативного пространства также может способствовать наличие в регионах филиалов крупных научно-исследовательских учреждений. Так, согласно данным портала «Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации»[1] региональные научные центры РАН присутствуют в трёх регионах: Московская область (Научный центр Российской академии наук в Черноголовке; Федеральный исследовательский центр «Пущинский научный центр биологических исследований Российской академии наук»), Республика Башкортостан (Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук), Республика Калмыкия (Калмыцкий научный центр Российской академии наук). Государственные научные центры имеют место лишь на территории Московской области (Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений, Институт физики высоких энергий имени А. А. Логунова Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», Летно-исследовательский институт имени М.М. Громова, Центральный аэрогидродинамический институт им. профессора Н. Е. Жуковского).

Также в ноябре 2020 министерством науки и высшего образования Российской Федерации были опубликованы результаты конкурса оказания «государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики»[2]. В результате Белгородская область получила поддержку на развитие НОЦ мирового уровня «Инновационные решения в АПК». Способность региона привлечь научное сообщество для реализации технологического прорыва в стране посредством создания благоприятных условий для межрегионального взаимодействия – фактор, повышающий уровень его социокультурного развития. Это должно послужить примером и стимулом для менее развитых регионов, чей потенциал так и остаётся невостребованным.

Заключение (Conclusions). В итоге мы можем сказать, что на организацию коммуникативного пространства, сформированного вокруг национального проекта «Наука», влияет множество факторов. Во-первых, состав и качество коммуникации между участниками, которых в начале статьи мы назвали субъектами управления. Все участники должны непрерывно согласовывать свои интересы друг с другом, иметь общие цели и интересы. Благодаря этому само пространство способно упорядочивать действия своих субъектов, объединяя их посредством коммуникации. Деятельность самих участников, их возможности и опыт, во многом оказывает влияние на формирование институционной среды коммуникативного пространства. Так, привлечение научного сообщества к проекту «Наука», сможет повысить их роль в качестве организаторов коммуникации. Уже сейчас можно сделать вывод о том, что регионы недооценивают возможности данного проекта. Основная идея состоит в том, чтобы регионы могли рассчитывать не только на свои силы, но также использовали имеющийся научно-технологический потенциал проекта для собственного развития. Представители науки должны выступить в качестве ретранслятора актуальных социо-экономических проблем и научного опыта для лучшей организации обратной связи с органами власти в вопросах управленческих решений.

Во-вторых, культурные, социальные, исторические и экономические особенности той или иной области также могут регулировать уровень инновационного раз-

[1] http://www.miiris.ru
[2] https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dsrmio/notc

вития. Неравномерное распределение ресурсов может ставить регионы в позицию более слабых или более сильных, но не сможет оказать значительного влияния на организацию коммуникативного пространства, если регион обладает достаточным человеческим потенциалом. Регионы с высоким уровнем социокультурной модернизации действительно имеют больше возможностей для реализации национальных проектов, в том числе финансовых. В то же время менее развитые регионы обладают большими человеческими ресурсами, которые часто остаются невостребованными. Неравномерная и относительно слабая организация коммуникативного пространства есть результат недостаточно организованного диалога между его участниками.

На примере анализа данных в 4 регионах мы можем выделить субъектов коммуникативного пространства вокруг проекта «Наука», расположенных в порядке убывания, а именно: региональные органы власти, муниципальные органы власти, федеральные органы власти, общественные организации, бизнес-организации, научно-образовательные организации, консалтинговые компании и венчурные фонды. Несмотря на количество участников, пространство нельзя считать однородным, поскольку статусы определённых групп делают их в некотором роде генераторами информации, формирующими повестку дня. Это, в свою очередь, может и приводит к построению неадекватного диалога между участниками. Уровень социокультурного развития, действительно, во многом может объяснить появление ряда барьеров, препятствующих информационному обмену, что особенно актуально для низко развитых регионов. В то же время построение диалога с более опытным участником может значительно увеличить шансы регионов повысить уровень модернизации.

Таким образом, для успешной реализации национального проекта «Наука» необходимо повысить научный и социо-экономический потенциал субъектов Российской Федерации. На данном этапе отмечается относительно низкая готовность регионов к его реализации. Для её предотвращения необходимо развить и повысить конкурентные способности регионов, увеличить финансирование наукоёмких технологий, создать множественные каналы связи для межрегионального научного взаимодействия.

Список литературы

Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация. М.: ИС РАН, 2005. 158 с.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Балезина Е. А. Понятие коммуникативного пространства в организации // Вестник Пермского университета. 2014. № 4 (20). С. 90-94.

Бурдье П. Социология политики. М.: SocioLogos, 1993.

Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 258 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 78-86.

Гусейнова К. Э. Оценка уровня инновационного развития регионов в контексте проблем пространственного взаимодействия (по критерию «свои» - «не свои») // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 130-138.

Дридзе Т. М. Организация и методы лингвопсихосоциалогического исследования

массовой коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145-152.

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. М., 2000.

ИНАБ №2 – 2019. Отношение населения пилотных регионов Российской Федерации к работе органов власти и управления: сравнительный анализ 2015-2019 гг. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7610 (дата обращения: 10.09.2020).

Ионин Л. Г. Георг Зиммель – социолог (Критический очерк). М.: Наука, 1981.

Лапин Н. И., Беляева Л. А. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: Academia, 2009. 806 с.

Осипов Г. В., Миндели Л. Э. Наука и инновации: стандарты измерения, методология, международные сопоставления. Том 2. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. 378 с.

Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры. Часть 2 / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Мерзляков, К. Э. Гусейнова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10, № 3. С. 340-368.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295-425.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

Тихонов А. В., Маркин В. В. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Колл. научный труд / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. Центр изучения социокультурных изменений. Институт философии РАН. М., 2016. Рец. А. В. Тихонов, В. В. Маркин // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 170-172.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

Bourdieu P. Zur Soziologieder symbolischen Formen. 5. Aufl. Frankfurt: Suhrkamp, 1994.

Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: PolityPress, 1987.

Goffman E. The Interaction Order // Amer. Sociol. Rev. 1983. Vol. 48, № 1.

Simmel G. Soziologie. Untersuchungen iiber die Formen der Vergesellschaftung (Gesamtausgabe, Bd. 11). Frankfurt: Suhrkamp, 1992.

References

Adamyants, T. Z. (2005), *Social communication*, IS RAS, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves Mir, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Balezina, E. A. (2014), “The concept of communication space in an organization”, *Vestnik Permskogo universiteta*, (4), 90-94. *(In Russian).*

Bourdieu, P. (1993), *Sociology of politics*, SocioLogos, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Bourdieu, P. (2007), *Sociology of social space*, Aleteya, Institut eksperimentalnoy sociologii, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Giddens, E. (2003), *Organization of society: Outline of structuration theory*, Akademicheskiy proekt, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Hoffman, I. (2000), *Presenting yourself to others in everyday life*, Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Hoffman, I. (2003), *Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience*, IS RAS, Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Guseynova, K. E. (2018), “Breakthrough innovation projects as a solution to the problems of strategic development of the country”, *Research Result. Sociology and Management*, 4 (4), 78-86. *(In Russian).*

Guseynova, K. E. (2019), "Assessment of the level of innovative development of regions in the context of problems of spatial interaction (according to the criterion "own" - "not own")", *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 130-138. *(In Russian).*

Dridze, T. M. (1979), *Organization and methods of linguistic and psychosocial research of mass communication*, MGU, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Dridze, T. M. (1996), "Social interaction as a textual activity in semicolonial", *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, (3), 145-152. *(In Russian).*

Dridze, T. M. (2000), "Two new paradigms for social cognition and social practice", in *Social communication and social management in eco-anthropocentric and semio-sociopsychologic paradigms*, 1, Moscow, Russia. *(In Russian).*

"The attitude of the population of the pilot regions of the Russian Federation to the work of authorities and management: a comparative analysis of 2015-2019" (2019), INAB 2 [Online], available at: URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7610 (Accessed 10 September 2020). *(In Russian).*

Ionin, L. G. (1981), *Georg Simmel-sociologist (Critical essay)*, Nauka, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Lapin, N. I. and Belyaeva, L. A. (2009), *Regions in Russia: socio-cultural portraits of regions in the Russian context*, Academia, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Osipov, G. V. and Mindeli, L. E. (2016), *Science and innovation: measurement standards, methodology, international comparisons*, 2, FGBUN ISPI RAS, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Merzlyakov, A. A. and Guseynova, K. E. (2019), "Problems of development and implementation of strategic programs of scientific and technological development in the regions of the Russian Federation: socio-organizational barriers. Part 2", *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, 10 (3), 340-368. *(In Russian).*

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. *(In Russian).*

Sorokin, P. A. (1992), "Sotsialnaya stratifikatsiya i mobilnost", in *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*, Politizdat, 295-425. *(In Russian).*

Sociology of management: Theoretical and applied dictionary (2015), KRASAND, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Tikhonov, A. V. and Markin, V. V. (2017), "Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems" Callective scientific work, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (7), 170-172. *(In Russian).*

Habermas, Yu. (2000), *Moral consciousness and communicative action*, Nauka, St. Petersburg, Russia. *(In Russian).*

Bourdieu, P. (1994), *Zur Soziologieder symbolischen Formen*, 5 Aufl., Suhrkamp, Frankfurt, Germany.

Giddens, A. (1987), *Social Theory and Modern Sociology*, PolityPress, Cambridge, London, UK.

Goffman, E. (1983), "The Interaction Order", *Amer. Sociol. Rev.* 48 (1).

Simmel, G. (1992), *Soziologie. Untersuchungen iiber die Formen der Vergesellschaftung* (Gesamtausgabe, Bd. 11), Suhrkamp, Frankfurt, Germany.

Статья поступила в редакцию 01 ноября 2020 г. Поступила после доработки 29 ноября 2020 г. Принята к печати 05 декабря 2020 г.

Received 01 November 2020. Revised 29 November 2020. Accepted 05 December 2020.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The author has no conflict of interest to declare.

Гусейнова Ксения Эльдаровна, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Ksenia E. Guseynova, Junior Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

(cc) BY

Обзорная статья

УДК 316.4.066

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-11

Певная М. В.[1]
Шуклина Е. А.[2]
Черникова-Бука М.[3]
Каземирчик Е.[4]
Телепаева Д. Ф.[5]

Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран

[1)] Уральский федеральный университет
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 260002, Россия
m.v.pevnaya@urfu.ru,

[2)] Уральский федеральный университет
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 260002, Россия

[3)] Политехнический университет в Тимишоара (Румыния)
mariana.cernicova@upt.ro

[4)] Государственный экономический университет в Познани (Польша)
jerzy.kazmierczyk@ue.poznan.pl

[5)] Уральский федеральный университет
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 260002, Россия
e.a.shuklina@urfu.ru

Аннотация. В посвящена постановке исследовательской проблемы социального участия молодежи в развитии городов и поиску теоретических оснований для ее дальнейшей научной разработки. Ее актуальность определяется запросом на понимание направлений трансформации институционально-закрепленных практик работы с молодежью в системе городского управления, управления конкретными организациями образования, культуры, социальной защиты, все чаще вступающим в противоречия с жизненным миром самой молодежи. Цель статьи – раскрыть существующие исследовательские ракурсы вовлеченности городской молодежи в социокультурное развитие городов для определения характеристик феномена социального участия и разработки теоретических положений концепции управления молодежным участием. В основе теоретического исследования лежат результаты развернутого обзора научных публикаций, посвященных проблемам молодежи, социального участия, проблематизации активности молодых горожан в городской среде. Научная новизна данной работы определяется тем, что в ходе понятийного анализа разработана авторская трактовка феномена социального участия городской молодежи в контексте управления, обозначены его теоретические границы, конкретизирована структура. В ходе осмысления представленных в обзоре исследований российских и зарубежных ученых сформулированы теоретические положения концепции управления социальным участием, которые призваны на следующем аналитическом этапе лечь в основу методологии и методики междисциплинарного проекта. Социальное участие молодежи рассматривается как вовлеченность молодежи в конструктивные социальные практики повседнев-

ной жизни, направленные на удовлетворение общественных интересов и потребностей самой молодежи. Молодежное участие определяется как континуум практик участия молодых людей и девушек как ответственных граждан и горожан, где социальные и политические действия молодежи находятся в определенном сопряжении. Заявляемое молодежью «право на город» обуславливает очевидную потребность в развитии условий для его реализации как в благотворительной (социальной), так и в политической (гражданской) активности, не исключающих, но серьезно усиливающих друг друга. Широкий обзор актуальных исследований, который представлен в данной статье, можно рассматривать в качестве основы для разработки методологии социологических и управленческих проектов в обозначенном авторами проблемном поле, применять для обоснования конкретных исследовательских методик.

Ключевые слова: молодежь; социальное участие; молодежное участие; развитие городов; методология молодежных исследований

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления» № 20-011-00471».

Информация для цитирования: Певная М. В., Шуклина Е. А., Черникова-Бука М., Каземирчик Е., Телепаева Д. Ф. Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: основы методологии и теоретические положения концепции // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 184-200. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-11.

Review article

Maria V. Pevnaya[1]
Elena A. Shuklina[2]
Mariana Cernicova-Bucă[3]
Jerzy Kazmierczyk[4]
Daria F. Telepaeva[5]

Management of youth participation in the socio-cultural development of cities in Russia and post-Soviet countries

[1)] Yeltsin Ural Federal University
19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
m.v.pevnaya@urfu.ru

[2)] Yeltsin Ural Federal University
19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
e.a.shuklina@urfu.ru.

[3)] University Timisoara
2, Piaţa Victoriei, RO-300006, Timisoara, Romania
mariana.cernicova@upt.ro

[4)] University of Economics and Business in Poznan
10, al. Niepodleglosci, 61-875, Poznan, Poland
jerzy.kazmierczyk@ue.poznan.pl

[5)] Yeltsin Ural Federal University
19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
daria.telepaeva@urfu.ru

Abstract. The article considers the formulation of research problems in social participation of youth in urban development and search of theoretical grounds for its further scientific development. The relevance is determined by the request to understand the directions of transformation of institutionalized practices for working with young people in the management system of cities, educational organizations, culture and social protection, which increasingly come into conflict with the lives of young people. The purpose of the article is to reveal the existing research perspectives of urban youth involvement in the socio-cultural development of cities in order to determine the characteristics of social participation phenomenon and develop theoretical provisions of the youth participation management concept. The theoretical research is based on the results of detailed scientific publications review devoted to the problems of youth, social participation and activity of young citizens in the urban environment. The scientific novelty of the article is determined by the following provisions: the author's interpretation of the phenomenon in the course of conceptual analysis is developed, its theoretical frameworks are outlined; the structure of youth participation in the context of management is specified. After analyzing the research of Russian and foreign scientists, we have formulated the theoretical provisions of the management concept, which will form the basis of the methodology in the interdisciplinary project at the next analytical stage. Social participation of young people is seen as an involvement of youth in constructive social practices of everyday life aimed at satisfying the public interests and needs of the young people. Youth participation is defined as a continuum of practices involving young people as responsible citizens, where social and political actions of young people are intertwined. The “right to the city” claimed by young people causes an obvious need to develop conditions for its implementation in both charitable (social) and political (civil) activity, which do not exclude, but seriously strengthen each other. An overview of current research presented in the article can be considered as a basis for developing the methodology of sociological and management projects in the problem field identified by the authors, and used to justify specific research methods.

Keywords: youth; social participation; youth participation; urban development; youth research methodology

Acknowledgements. The research was supported by RFBR, project № 20-011-00471. The work was supported by the Government of the Russian Federation (№ 02.A03.21.0006).

Information for citation: Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Cernicova-Bucă, M., Kazmierczyk, J. and Telepaeva, D. F. (2020), “Management of youth participation in the socio-cultural development of cities in Russia and post-Soviet countries: background and methodology”, Research Result. Sociology and management, 6 (4), 184-200, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-11.

Введение (Introduction). Социальное участие молодежи в развитии городов как исследовательская проблема связана с изменениями, которые происходят в молодежной среде. Она определяется запросом на понимание направлений трансформации институционально-закрепленных практик работы с молодежью в системе городского управления, управления конкретными организациями образования, культуры, социальной защиты, все чаще вступающих в противоречия с жизненным миром самой молодежи.

На фоне таких трансформаций социологи отмечают высокую готовность молодежи постсоветского пространства к участию в общественной жизни своих стран (Представления о будущем у молодёжи крупных городов в России, Украине и Беларуси, 2019). В России в последнее

двадцатилетие формируется особое молодежное пространство, отличающееся большой вариативностью, маргинализацией и периферизацией субкультурных групп и молодежных сообществ (Омельченко, 2019: 9). Одновременно происходит централизация молодежной политики, которая сфокусирована на объединение определенных групп проактивной молодежи и их вовлечение в общероссийские проекты и программы в рамках федеральных форумных компаний разной направленности (Silvan, 2019: 163). Такая политика способствует не только солидаризации в молодежной среде, но и избирательности в создании условий для молодежного участия. В такой ситуации углубляются средовые риски, имеющие системный характер и продуцирующие для некоторых групп молодежи среду исключенности. При относительно устойчивом уровне социальной солидарности, риски локализуются, принимая латентные формы (Зубок, Чупров, 2017: 15).

Массированный патриотический дискурс публичной политики современной России приводит к противоречивым последствиям. С одной стороны, формируется одобрение курса государственной политики среди значительной части молодежи. С другой – увеличивается ее протестный потенциал. Одной из мягких форм ухода от давления официально пропагандируемой системы гражданских ценностей является новый тип социальной вовлеченности молодежи, когда гражданское сознание и деятельность юных горожан проявляется через участие в различных формах городской жизни – от культурной активности до волонтерства, где для них важны социальная польза и справедливость (Омельченко, 2019). Исследовательский интерес в целом все чаще обращен на новые проявления гражданской вовлеченности городской молодежи. Он лишь частично охватывает те условия, в которых они рождаются и реализуются, включаясь в социокультурное развитие территорий либо исключаясь из него. Множественность исследований в этом направлении обусловила интерес к их системному обобщению и критическому обзору в контексте управления.

Цель данной статьи – обозначить существующие исследовательские ракурсы вовлеченности городской молодежи в социокультурное развитие городов для определения характеристик феномена социального участия и разработки теоретических положений концепции управления молодежным участием.

Методология и методы (Methodology and methods). Статья имеет теоретический характер. В основе реализованного исследования лежат результаты развернутого обзора научных публикаций российских и зарубежных социологов, посвященных теоретическим и практическим проблемам социального участия молодежи. Во-первых, проанализированы исследования социологов, посвященные изучению актуальных проблем молодежи. Во-вторых, систематизированы научные публикации по теориям участия, международные и российские социологические проекты, позволяющие критически оценить структуру и характер социального участия, разработанные методологические подходы к его социологическому измерению. В-третьих, в реализованном исследовании сделана попытка проблематизировать развитие городов и обозначить в нем границы активности горожан, условия и механизмы для ее активизации, возможные ракурсы включенности в эти процессы молодежи. Для достижения поставленной цели в статье определены теоретические границы феномена социального участия, выделена структура социального участия городской молодежи в контексте управления, на основе осмысления исследований сформулированы теоретические принципы концепции управления.

О теоретических границах феномена социального участия молодежи в социокультурном развитии городов. Интерес к проблеме участия растет с каждым годом. Научный дискурс участия расширяется за счет его теоретического встраивания в

контекст функционирования институтов публичного управления, в поле взаимодействия государственного и некоммерческого секторов, в решение локальных, национальных проблем через вовлечение людей в общественную активность для удовлетворения коллективного запроса. Кроме того, объективно расширение дискурса участия базируется на росте разнообразия реальных практик участия (Cornwall, 2008: 273). Термин общественное участие, предполагающий процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата, включает в себя взаимозависимые социальное (в пространстве повседневности), гражданское и политическое участие.

При такой интерпретации за гражданским участием закрепляется вертикальное участие, связанное с процессами со-управления и принятия решений. Социальное участие локализуется на горизонтальном уровне и трактуется как коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса (Никовская, Скалабан, 2017: 47).

Социальное участие как деятельность сопрягается с пространством (место жительства, работы, отдыха), определяющим в заданных границах структуру и характер социальных отношений. Участие молодых в общественной жизни однозначно связывается с их индивидуальными жизненными траекториями (Шаповалова, Генкин (Филонова), 2019: 91-102) и включенностью в контекст широкого, целенаправленного вовлечения молодежи в конкретные программы и проекты некоммерческого сектора (Cahill and Dadvand, 2018: 243-253). В структуре участия выделяются два взаимосвязанных компонента: институциональные возможности для реализации активности и реальные практики действующих людей (акторов), основанные на их ценностях, взаимном доверии, солидарности (Савельев, 2013: 64-71). Социальное участие в пространственных границах формирует сообщество через чувства общности вовлеченных людей, связанных с конкретным городом или сообществами единомышленников. Однако границы участия молодежи в производстве пространства города оказываются размытыми: молодые люди сужают их, а институциональные субъекты – расширяют. Молодые россияне стремятся к утверждению собственных ценностей, используя практику малых дел (Антонова, Абрамова, Полякова, 2020: 443-462). В этом контексте социологи, как правило, замеряют готовность людей быть активными для своего города, их чувство ответственности, а также изучают реальное участие в конкретных социальных, социокультурных инициативах в своем городе (Michels, 2012: 285-292).

Исследователи разграничивают четыре формы молодежного участия: гражданское участие, участие в межгрупповом диалоге и социально-политическом развитии, а также участие молодежи в деятельности местных НКО (Checkoway and Aldana, 2013: 1894-1899). В эмпирических исследованиях выделяют политические и социальные практики участия. К последним относят: волонтерство как оказание услуг сообществу в онлайн и оффлайн форматах; организацию онлайн-мероприятий с участием молодежи из разных стран по глобальным международным вопросам; молодежную журналистику в онлайн формате, в том числе новостные репортажи, освещение культурных проектов, документалистику; организацию мероприятий, поддерживающих культурное разнообразие; организацию активности, которая формирует ответственное поведение молодежи; молодежный активизм, помогающий выражать политические взгляды; медиаграмотность (Bachen, Raphael, Lynn, McKee and Philippi, 2008: 290-310).

В европейских исследовательских проектах социальное участие определяется как взаимодействие индивидов, социальных групп и сообществ в рамках НКО,

различных ассоциаций и объединений, как формальных, так и неформальных (Andersson, 2016). В интерпретации зарубежных исследователей гражданское и социальное участие оказываются тождественными, что во многом объясняется развитостью третьего сектора и определенной зрелостью гражданского общества в тех странах, где живут и работают социологи. В логике анализа российских ученых социальное и гражданское участие – это разные практики участия, но тесно сопряженные между собой в публичной сфере.

Социальное участие молодежи – это вовлеченность молодежи в конструктивные социальные практики как коллективную деятельность, осуществляемую в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественных интересов, потребностей самой молодежи, в том числе на правах партнерства и соуправления с различными акторами публичной сферы. К последним в российских реалиях можно относить как различные некоммерческие организации и неформальные гражданские объединения, так и органы местного самоуправления. Именно в таком контексте гражданское социальное участие рассматривается как совместная деятельность горожан с органами власти и управления по вопросам реализации политических, экономических и социальных прав (Мерзляков, 2007: 27). Такой подход во многом получил свое развитие из-за слабости гражданского общества и особого статуса местного самоуправления в РФ.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). *Структура социального участия городской молодежи: управленческий подход.* Исследование управления социальным участием предполагает изучение институциональной среды, организационных условий социального участия, особенностей социального взаимодействия в городской среде. В оценке потенциала социального участия молодежи заложено понимание культуры участия и культуры управлениям им в разных социокультурных условиях. Особенности разных городов наряду с глобальными тенденциями управления социальным участием определяют его успешные практики в различных институциональных средах, которые требуют научного осмысления наряду с оценкой потребностно-мотивационных и ценностно-нормативных характеристик городской молодежи как общности. Таким образом, для понимания управления социальным участием молодежи важно оценивать его конкретные практики, определяя особенности акторов, специфику их деятельности в пространственно-временных границах и институциональной среде.

Вариативность различных практик молодежного участия классифицируется по ряду критериев. Если оценивать социальное участие с позиции актора и его действий, то можно определить следующие типы социального участия. По содержанию, интенсивности и регулярности действий в различных практиках социальное участие может быть пассивным или активным, разовым или регулярным. По характеристикам упорядоченности и организованности действий – ситуативным (спонтанным, неформализованным) либо институционализированным участием. По степени самостоятельности субъекта и природы его выбора в отношении конкретной практики можно выделить автономное и мобилизационное участие.

Для осуществления социального участия и управления им необходима институциональная среда, которая формируется под воздействием комплекса социокультурных, исторических, экономических и политических факторов. Она функционирует на разных уровнях: от территориального (в границах страны, региона, города) до организационного (в рамках деятельности конкретной структуры, программы или проекта).

Для описания институциональной среды социального участия на уровне территории применима теория «инфраструктуры волонтерства», которую международное сообщество исследователей разра-

ботало, объединившись под эгидой ООН (Grandi, Lough and Bannister, 2018: 6). Волонтерство с каждым годом становится все шире представленным в вариативности форм социального участия. Например, по данным фонда «Общественное мнение», если в начале 2018 года в России насчитывалось от 5 000 000 до 7 000 000 добровольцев, а о своем участии в волонтерской деятельности говорили 15% взрослого населения страны, то за год эти цифры возросли примерно вдвое – до 14 000 000 волонтеров (Наследие года волонтера, 2019).

В логике данной теории раскрываются разные аспекты управления через оценку *инфраструктуры социального участия молодежи*. Последняя *определяется* как благоприятная среда, организационные структуры и возможности, обеспечивающие содействие для мобилизации молодежи и удержания ее в различных практиках. Эта среда включает в себя три ключевых элемента: совокупность политических решений и нормативно-правовых актов, которые защищают вовлекаемых людей и стимулируют их деятельность; организационные структуры и унифицированные алгоритмы, позволяющие мобилизовать молодых горожан, удерживать и поддерживать их; возможности, обеспечивающие содействие разным видам их конструктивной активности, а именно функциональные и технические ресурсы публичных организаций, в том числе некоммерческих, которые работают на адаптацию инфраструктуры к меняющимся обстоятельствам, позволяют функционировать в соответствии с высокими стандартами эффективности и достигать результатов.

В социально-ориентированном управлении молодежным участием благоприятную среду, где политические решения затрагивают интересы горожан и их активность, обеспечивают методы перманентной коммуникации. Для примера, в градостроительных проектах, которые трансформируют общественные пространства, представляющие определенную ценность для конкретных групп городских жителей, в это коммуникационное взаимодействие включаются не только сами горожане, но и экспертное сообщество (Дридзе, 1999: 8).

В оценке эффективности управления социальным участием в границах функционирования организации или реализации проекта, требующего добровольческой активности и определенной деятельности, применима теория «сопродуктивности» и «сокреативности». Она позволяет рассматривать участие молодежи в конкретном проекте или программе как индивидуальное действие, прямо или косвенно способствующее/не способствующее результативности любых социальных услуг, сквозь призму общественного блага с учетом пользы не только для общества, определенной организации или группы людей, но и для тех, кто соучаствует в социальных практиках, помогая специалистам и профессионалам из государственного или некоммерческого сектора (Brandsen, Steen and Verschuere, 2018).

В организации молодежного участия в конкретной программе или проекте учитываются два базовых элемента: усилия молодых людей по планированию программ с учетом их собственного выбора; вовлекающих молодежь организаторов их деятельности и результаты участия, а именно действительный позитивный эффект для самой молодежи от этого участия (Checkoway and Gutierrez, 2006: 4).

По социальной функции и по характеру взаимодействия организаторов с молодыми участниками практики социального участия могут быть номинальными, инструментальными, репрезентативными либо трансформирующими (White, 1996: 10).

В изучении позиции организаторов молодежных программ, и соответственно практики работы с молодежью, управления социальным участием в конкретных проектах можно выделить пять типов взаимодействия с привлеченными в проект молодыми участниками: их слушают; молодым оказывается поддержка в выраже-

нии своих взглядов; им оказывается поддержка в выражении своих взглядов и при этом учитываются их мнения; молодые участники вовлечены в процесс принятия решений; молодежь разделяет власть и ответственность за принятие решений в конкретных проектах (Shiery, 2001: 110).

Виды инфраструктуры для молодежного участия разнообразны. Они базируются на протополитической основе (школьное и студенческое самоуправление, молодежные парламенты, думы и т.д.), политической базе (членство в политической партии, молодежных общественных движениях и союзах), досуговых формах организации (группы по интересам, творческие клубы, учреждения культуры), на инфраструктуре местных сообществ (участие в деятельности НКО). Различия в средствах реализации молодежного участия позволяет выделить его реальные и виртуальные практики. Социальное участие молодежи в зависимости от уровня созданной для него инфраструктуры может быть включено как в глобальный (международная молодежная организация AIESEC), так и локальный контексты (местная некоммерческая организация, городской музей).

В городской среде наиболее динамична и рефлексивна в отношении социальных и экономических изменений, происходящих в мире, конкретных странах и городах, инфраструктура негосударственных некоммерческих организаций и системы образования. В школах, колледжах и вузах сосредоточена и сама молодежь, и аккумулируются ее интересы. В некоммерческом секторе при сокращении финансовых ресурсов значение молодежного участия как волонтерского труда становится все важнее, ярче проявляется переход к системе устойчивых отношений между профессионалами, реальными и потенциальными волонтерами (Meijs, 2010). В образовательной среде, особенно в университетах, инфраструктура для социального участия молодежи развивается параллельно с процессами организации волонтерских программ для студентов, расширением практико-ориентированного обучения, системной организации профессиональных стажировок, включенных как в учебный процесс, так и дополнительно предлагаемых студентам для развития профессиональных компетенций в свободное от обучения время. Исследователи отмечают, что студенческое волонтерство как ориентированное на общество (сообщество, конкретный город) участие идентифицируется с волонтерством даже в тех случаях, когда оно не является полностью добровольным (Holmes, Paull, Haski-Leventhal, MacCallum, Omari, Walker, Scott, Young and Maher, 2020: 4).

Рассматривая управление социальным участием городской молодежи как субъект-субъектное взаимодействие, можно определить его нацеленность на формирование гражданственности и солидарности молодого поколения горожан на основе территориальной идентичности. Именно идентичность выступает форматирующим признаком социокультурного пространства территорий, а чувство региональной тождественности, общности маркирует его границы (Авилов, Кранзеева, Яницкий, 2019: 114). В структуре городской идентичности можно выделить определенные компоненты: когнитивный (знаньевый), ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный. *Когнитивный компонент* включает представление и знания о материализованных образах городской среды. По мнению Е.В. Голованевой, они формируются на обыденном и профессиональном уровнях, и отражаются в «ментальных картах» территории. Ценностный компонент включает осознаваемые и переживаемые смыслы и ценности горожан: *чувственно-эмоциональный* – проявления эмоциональности (часто приписываемые), устойчивые состояния-переживания. *Регулятивный компонент* обеспечивает предрасположенность к определенным действиям, способам поведения, привязанным к пространству (Голованева, 2018: 38). В нацеленности управления социальным участием

крайне важна связка гражданственности и солидаризации, так как исследования российских социологов не смогли обнаружить значимую корреляцию между элементами городских идентичностей и склонностью жителей к солидаризации при том, что элементы городской идентичности являются потенциальными линиями, по которым возможно развивать солидаристкие тенденции в городских сообществах при определенных представлениях горожан о власти, распределении власти в городе и т.д. (Евстифеев, Задорин, Крупкин, Лебедев, 2016: 245-258).

О современных исследованиях, формирующих проблемное поле изучения управления социальным участием городской молодежи.

Межстрановые сравнительные исследования молодежи в последние годы становятся все популярнее. Социологи выявляют, что в условиях глобализации с разной скоростью трансформируется культурная среда различных стран, особенно в городах она формирует совершенно по-новому молодежный дискурс (Dwyer, 2018). При этом компаративные исследования развивают пространственную социологию молодежи, чувствительную к происходящим на различных территориях процессам. Исследователи все чаще заявляют о необходимости давать социокультурную оценку условиям и обстоятельствам, в которых молодые люди живут, учатся, работают и принимают решения (Nilan, 2011: 23), критически оценивать локальные практики реагирования молодежи на социальные изменения (Farrugia, 2013: 300). Компаративные социологические исследования доказывают необходимость активизации социального участия молодежи в европейских странах с «коммунистическим наследием», где фиксируются не только экономические сложности, но и слабость развития третьего сектора, трудности политического перехода к демократизации в процессе евроинтеграции этих государств (Hurrelmann and Weichert, 2016). Изучая молодежь в странах ЕС, социологи аргументированно доказывают, что гражданское, в том числе политическое и социальное участие, по-разному реализуется молодым поколением в странах с разным уровнем демократизации и культуры благотворительного участия населения в целом (Helve and Wallace, 2018: 346). В то же время, неформальное образование, в частности, в практиках социальной работы с молодежью и всех видах гражданского участия, а именно волонтерства и социальных услуг, играет первичную роль в построении соучаствующего сообщества граждан и в «перенастройке» солидарности между горожанами. Доказана результативность в формировании молодежной социальной и политической сознательности целевых городских программ молодежного лидерства и гражданского образования (Carreto, Hastle and Bermudez, 2016). Данные европейских исследовательских проектов последних двух лет убедительно доказывают, что образовательная активность в сфере культуры не только формирует у молодых важные компетенции для рынка труда, но и вдохновляет подростков и молодежь учиться, поддерживает демократические основы в общественных отношениях, межкультурный диалог, формирует активную гражданскую позицию молодых горожан (Petkovic, 2018: 15).

Социальное участие студентов университетов, особенно их волонтерская деятельность по оказанию общественных услуг, оказывает значимое влияние на личностное и профессиональное развитие молодых людей (Tikkakoski, 2012; Rhoads, 1998; Jardim and Marques da Silva, 2018). Институциональная среда для социального участия студенческой молодежи формируется при активном участии университетов в рамках внедрения в образовательный процесс практики «Service-Learning» и обязательных профессиональных стажировок (Hastings, Wall and Mantonya, 2018).

Исследования российских социологов связи ценностно-нормативных характеристик молодежи с социальной, национальной, локальной (городской) идентич-

ностью убедительно доказали, что высока связь смыслов жизни российской молодежи с ментальными чертами национального характера россиян: с любовью к Отечеству, с честью, достоинством, любовью к ближним и милосердием, что доминирующими чертами российской молодежи являются неравнодушное отношение к правам человека, сочувствие нуждающимся в помощи; отношение к стране как месту проживания; толерантность, открытость ко всему иностранному и рационализм (Зубок, Чупров, 2019). В пространстве повседневного взаимодействия в поведении российской молодежи доминируют типичные для нее стремление к объединению со сверстниками и желание быть непохожим на других, самовыражение своих личностных качеств (Зубок, Чупров, 2018). В самосохранительных стратегиях молодежи в приоритете оказывается ценность насыщенной жизни и самореализации в ней (Шаповалова, 2020).

Результаты социологической оценки самоорганизации и организации молодежных движений, функционирования организаций и ассоциаций демонстрируют устойчивость ограниченных по функционалу организационных практик общественной работы, сформированных в XX веке, как правило, на базе учебных заведений, и не претерпевших серьезных изменений в современный период (Меркулов, Малик, Бударина, 2015; Голобоков, Авадень, 2017). В управлении участием молодежи в России приоритет отдается организации общественно-политической активности, патриотическому воспитанию (Кочнев, Васильева, 2013), доминируют жесткие механизмы управления транзитом молодежи, а проекты НКО чаще ориентированы на массовость и разовое участие в них без каких-либо дальнейших перспектив (Смирнов, 2018). Молодежные сообщества с четко поставленными целями, сильной кураторской поддержкой более долговечны и эффективны (Юдашкина, 2017). Однако они ограничены по своей привлекательности для самой молодежи.

Российские социологи отмечают, что с конца первого десятилетия XXI века молодежное пространство вместе с широкой вовлеченностью молодежи в разнообразные формы социального и культурного участия в жизни общества характеризуется большей маргинализацией и периферизацией субкультурных групп. Вместе с тем, по мнению Е. Л. Омельченко, рождаются новые формы гражданственности, низовые практики «горожанства» и локального патриотизма: волонтерство и низовое добровольчество, поисковые практики, сетевая взаимопомощь (Омельченко, 2019). Фиксируется противоречивый характер политических настроений при низкой политической активности молодого поколения (Руденкин, 2019) и поляризация установок молодежи в отношении волонтерства (Кисиленко, 2018). При этом ценности гражданской ответственности, альтруизма и готовности к заботе об окружающих разделяют молодые люди и девушки из всех российских городов вне зависимости от групповых идентичностей и культурных выборов (Омельченко, 2019). Современная молодежь не устраняется от политики, но она создает новые формы участия в социальных медиа, проявляя слабый интерес к политическим организациям (Бродовская, Хуанг, 2019).

События последних лет показывают, что в развитии городов самоорганизация и активность горожан чаще всего сопряжена с городскими общественными пространствами и рекреационными городскими территориями, которые жители начинают защищать. Активно вмешивается молодое поколение в процессы благоустройства общественных зон, которые реализуют чиновники, не всегда согласовывая свои действия с интересами горожан (Желнина, 2015: 50). Уральские социологи отмечают, что студенческая молодежь готова стать субъектом преобразования пространства «вокруг себя», что не исключает противоречий между локальными инициативами людей и ориентациями действий чиновников на макроразвитие территории в целом

(Антонова, Абрамова, Полякова, 2020: 451).

Заключение (Conclusions). Систематизация научных работ по проблематике участия, оценка международных и российских социологических проектов позволила в данной статье описать структуру социального участия как исследовательского концепта. На основе обзора целого ряда молодежных исследований удалось определить методологические подходы и теории, позволяющие реализовать компаративное социологическое исследование управления социальным участием городской молодежи. Понятие «социальное участие» имеет все основания для его научной трактовки в широком значении как общественного или публичного феномена, включенного в сферу социального взаимодействия и проявляющегося в разных, часто взаимозависимых практиках участия молодежи. Мы определили данный феномен через вовлечение молодежи в конструктивные социальные практики, включенные в контекст повседневности и направленные одновременно как на удовлетворение общественных интересов в городском развитии, так и на потребности самой молодежи, артикулируемые ее разными группами и сообществами в публичной сфере.

Критическая оценка теоретических и эмпирических работ в предметном поле исследования стала основой для разработки следующих положений социологической концепции публичного управления социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов.

Молодежное участие в контексте управления городским развитием – континуум практик участия молодых людей и девушек как ответственных граждан и горожан, где социальные и политические действия молодежи находятся в определенном сопряжении. Заявляемое молодежью «право на город» обуславливает очевидную потребность в развитии условий для его реализации как в благотворительной (социальной), так и в политической (гражданской) активности, не исключающих, но серьезно усиливающих друг друга в условиях неопределенности.

Городское пространство для социального участия молодежи представляет собой динамично развивающуюся, вариативную среду, которая обеспечивает социокультурную жизнедеятельность разных групп молодых горожан, исходя из их возможностей, интересов, предпочтений и личных целей в сфере образования, дополнительного образования, культурного досуга, профессионального развития, творческой и политической деятельности.

Система публичного управления социальным участием городской молодежи формируется в процессе институционального взаимодействия органов местного самоуправления, образовательных учреждений, официальных организаций, создающих условия для реализации молодежной политики и разных видов социокультурной деятельности горожан, некоммерческих организаций, работающих с разными группами молодежи и реализующих городские проекты. Это открытая система сетевого, субъект-субъектного взаимодействия, где наряду с линейно-выстроенными направлениями организационной коммуникации для развития среды социального участия молодежи формируются каналы коммуникации с разными группами молодежи.

Городское пространство для социального участия молодежи как объект управления с ориентацией на его социальную эффективность продуцирует не только расширение вовлечения разных ее групп, но и динамику качественных характеристик молодежного участия как элемента культуры городской благотворительности горожан через воспроизводство постоянных городских повседневных практик, решающих досуговые и образовательные задачи молодежи и способных оказывать влияние на ее ценностные представления как граждан и горожан.

Вариативная среда социального участия молодежи на уровне управления го-

родом формируется через политику содействия инициативам, через механизмы для постоянного и публичного диалога городских политиков, муниципальных служащих, ответственных за реализацию молодежной политики, экспертного сообщества в конкретной проблемной области с самой молодежью.

Вариативная среда социального участия молодежи на уровне организации проекта или молодежной программы – среда сетевого взаимодействия и партнерства, где артикулируются цели каждой из взаимодействующих организационных структур, конкретизируются результаты, которые достигнут участники. В этой среде молодежные сообщества включаются в проекты, разрабатываемые для молодежи и самой молодежью на принципах рациональности и креативности, интегрируемые в повседневный жизненный мир молодежи с учетом ее прагматических интересов в сфере образования, профессионального развития и самореализации.

В развитии идеальной среды социального участия молодежи городские программы и проекты при их планировании ориентированы как на текущие организационные потребности и конкретные городские проблемы, так и на перспективы развития качества молодежного участия для города, конкретной организации и самой молодежи.

В управлении социальным участием молодежи формируется локальная городская идентичность молодежных сообществ под влиянием разных социокультурных факторов. Этот процесс связан с постепенным накапливанием молодыми людьми и девушками в различных практиках участия знаний о культуре и истории конкретной территории. Он сопряжен с влиянием повседневного опыта на смысложизненные ценности молодежи и смысловые основания их социальных взаимодействий друг с другом, а также с обществом в целом.

Создание открытого информационного поля, где разные группы молодежи из разных каналов и непосредственного общностного взаимодействия друг с другом получают информацию о возможностях социального участия обеспечивает расширение молодежной вовлеченности, трансформируемость практик участия по их качественным характеристикам, а именно от пассивного участия к активному.

Описанные выше положения безусловно требуют эмпирической апробации. Они определяют логику и содержание исследовательских гипотез при разработке методики эмпирических исследований. Широкий обзор актуальных исследований, который представлен в данной статье, в целом можно рассматривать в качестве основы для дальнейшей проработки и конкретизации методологии междисциплинарных проектов в обозначенном авторами проблемном поле, применять для обоснования исследовательских методик.

Список литературы

Авилов Г. М., Кранзеева Е. А., Яницкий Л. С. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 110-119.

Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443-462.

Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 3-18.

Голобоков А. С., Авадень Е. А. Роль молодежных общественных объединений в современной России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. № 6 (2). С. 305-307.

Голованева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2018. 38 с.

Евстифеев Р. В., Задорин И. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. Городские локальные идентичности и потенциал политической со-

лидаризации // Символическая политика. 2016. С. 245-258.

Дридзе Т. М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблема коммуникации и управленческого консультирования. 1999. № 2. С. 8-17.

Желнина А. А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 18 (2). С. 45-59.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. № 10 (4). С. 164-186.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4 (3). С. 3-13.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальности новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12-48.

Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4 (1). С. 63-71.

Кочнев С. В., Васильева Н. В. Участие детей и молодежи в принятии общественно значимых решений. М.: РУТА, 2013. 138 с.

Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 27 с.

Меркулов П. А., Малик Е. Н., Бударина К. А. Институционализация молодежных организаций и ассоциаций современной России: проблемы и перспективы // Власть. 2015. № 23 (4). С. 140-145.

Наследие года волонтера, 2019 г. URL: https://ria.ru/20190218/1550941898.html (дата обращения: 11.05.2020).

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.

Омельченко Е. Л. Протест миллениалов, но не только // Полит.ру. 2019. URL: https://polit.ru/article/2019/%2008/02/omelchenko/ (дата обращения: 24.06.2020).

Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3-27.

Представления о будущем у молодёжи крупных городов в России, Украине и Беларуси, 2019 г. URL: http://zukunftsbild.nemtsovfund.org/2018/survey-ru/ (дата обращения: 11.05.2020).

Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. // Социодинамика. 2019. № 2. С. 23-33.

Савельев Ю. Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 64-71.

Смирнов В. А. Молодежная тематика в публикациях российских исследователей: ключевые тренды и противоречия // Социология образования. 2018. № 2. С. 23-33.

Шаповалова И.С. Самосохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург. 2020. С. 181-188.

Шаповалова И. С., Генкин (Филонова) Ю. Ю. Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 4. С. 91-102.

Юдашкина В. В. Управление молодежным сообществом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 126-132.

Andersson B. PARTISPACE: Comparative Report. 2016. URL: http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:1194864/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 06.04.2020).

Bachen C., Raphael C., Lynn K., McKee K. and Philippi J. Civic Engagement, Pedagogy, and Information Technology on Web Sites for Youth // Political Communication. 2008. 25 (3). P. 290-310.

Brandsen T., Steen T., Verschuere B. Co-Production and Co-Creation: Engaging Citizens in Public Services. New York: Routledge, 2018.

Cahill H., Dadvand B. Re-conceptualising Youth Participation: A Framework to Inform Action // Children and Youth Services Review. 2018. 95. P. 243-253.

Carreto M., Hastle H., Bermudez A. Civic Education: Handbook of Educational Psychology. London: Routledge Publishers, 2016.

Checkoway B., Aldana A. Four Forms of Youth Civic Engagement for Diverse Democracy // Children and Youth Services Review. 2013. 35. P. 1894-1899.

Checkoway B., Gutierrez L. Youth Participation and Community Change // Journal of Community Practice. 2006. 14. P. 1-9.

Cornwall A. Unpacking 'Participation': Models, Meanings and Practices // Community Development Journal. 2008. 3 (43). P. 269-283.

Dwyer T. Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries. Singapore: World Scientific Publishing, 2018.

Farrugia D. Towards a Spatialised Youth Sociology: The Rural and the Urban in Times of Change // Journal of Youth Studies. 2013. 17 (3). P. 293-307.

Grandi F., Lough B., Bannister T. Global Trends in Volunteering Infrastructure a Background Paper for the 2018 State of the World's Volunteerism Report: The Thread that Binds. United Nations Volunteers (UNV). 2018. P. 6-39.

Hastings L. J., Wall M., Mantonya K. Developing Leadership Through Service Ship: Leveraging the Intersection Between Service-Learning and Professional Internship // Journal of Leadership Education. 2018. 17 (1). P. 141-151.

Helve H., Wallace C. Youth, Citizenship and Empowerment. New York: Routledge, 2018.

Holmes K., Paull M., Haski-Leventhal D., MacCallum J., Omari M., Walker G., Scott R., Young S. and Maher A. A continuum of University Student Volunteer Programme Models // Journal of Higher Education Policy and Management. 2020. 42 (3). P. 1-17.

Hurrelmann K., Weichert M. Lost in democratic transition? Political challenges and perspectives for young people in Southeast Europe. Friedrich Ebert Stiftung Regional Dialogue. Sarajevo, 2016.

Jardim C., Marques da Silva S. Young People Engaging in Volunteering: Questioning a Generational Trend in an Individualized Society // Societies. 2018. 8 (1). P. 8-21.

Meijs L. Reinventing Strategic Philanthropy: The Sustainable Organization of Voluntary Action for Impact. Rotterdam: Erasmus University, 2010.

Michels A. Citizen Participation in Local Policy Making: Design and Democracy // International Journal of Public Administration. 2012. 35 (4). P. 285-292.

Nilan P. Youth Sociology Must Cross Cultures // Youth Studies Australia. 2011. 30 (3). P. 20-26.

Petkovic S. Desk study on the value of informal education, with special attention to its contribution to citizenship education, civic participation and intercultural dialogue and learning, European citizenship, peacebuilding and conflict transformation. The European Union and the Council of Europe. Luxembourg, 2018.

Rhoads R. In the Service of Citizenship: A Study of Student Involvement in Community Service // Journal of Higher Education. 1998. 69 (3). P. 277-291.

Shiery H. Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations // Children and Society. 2001. 15. P. 107-117.

Silvan K. Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present // The Universe of Russia. 2019. 28 (1). P. 161-171.

Tikkakoski T. The impact of the EVS-volunteer to the culture identity of the members of their work community. Helsinki: Humak University of Applied Sciences, 2012.

White S. C. Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation // Development in Practice. 1996. 6 (1). P. 6-15.

References

Avilov, G., Kranzeeva, E. and Yanitskiy, L. (2019), "The regional identity of young people and the problem of formation of the regional image", *Professional Education in Russia and Abroad*, (1), 110-119. *(In Russian).*

Antonova, N., Abramova, S. and Polyakova, V. (2020), "The right to the city: Daily practices of youth and participation in the production of urban space", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 443-462. *(In Russian).*

Brodovskaya, E. and Huang, T. (2019), "Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 3-18. *(In Russian).*

Golobokov, A. and Avaden, E. (2017), "The role of youth public associations in modern Russia", *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, (6), 305-307. *(In Russian).*

Golovaneva, E. (2018), "The construction of regional identity in modern culture", Abstract

of Ph.D. dissertation, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. *(In Russian).*

Evstifeev, R., Zadorin, I., Krupkin, P. and Lebedev, S. (2016), "Urban local identities and a potential of political solidarity", *The Symbolic Politics*, 245-258. *(In Russian).*

Dridze, T. (1999), "Social management and social communication at the turn of the XXI century: overcoming the paradigm crisis in sociology", *In the Context of Conflictology: The Problem of Communication and Management Consulting*, (2), 8-17. *(In Russian).*

Zhelnina, A. (2015), "Urban creativity: reinterpreting the public space", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, (18), 45-59. *(In Russian).*

Zubok, Y. and Chuprov, V. (2019), "Self-regulation of life purpose values in youth cultural space", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (10), 164-186. *(In Russian).*

Zubok, Y. and Chuprov, V. (2018), "Life values in the cultural space of the Russian youth", *Research Results. Sociology and Management*, (4), 3-13. *(In Russian).*

Zubok, Y. and Chuprov, V. (2017), "Modern sociology of youth: Changing reality and theoretical approaches", *Russia is being reformed*, (15), 12-48. *(In Russian).*

Kisilenko, A. (2018), "Volunteering: the potential of self-organization of the Russian youth", *Research Results. Sociology and Management*, 4 (1), 63-71. *(In Russian).*

Kochnev, S. and Vasileva, N. (2013), *Participation of children and youth in making socially significant decisions*, RUTA, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Merzlyakov, A. (2007), "Civil social participation as a universal technology of social management", Abstract of Ph.D. dissertation, Institute of Sociology, Moscow, Russia. *(In Russian).*

Merkulov, P., Malik, E. and Budarina, K. (2015), "Institutionalization of the youth organizations and associations in modern Russia: problems and prospects", *The Authority*, (23), 140-145. *(In Russian).*

"Legacy of the volunteer's year" [Online], available at: https://ria.ru/20190218/1550941898.html (Accessed 11 May 2020). *(In Russian).*

Nikovskaya, L. and Skalaban, I. (2017), "Civic participation: Features of discourse and actual trends of development", *Polis. Political Studies*, (6), 43-60. *(In Russian).*

Omelchenko, E. (2019), "Millennials protest but not", [Online], available at: https://polit.ru/article/2019/%2008/02/omelchenko/ (Accessed 24 June 2020). *(In Russian).*

Omelchenko, E. (2019), "Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique?", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 3-27. *(In Russian).*

Volkov, D. and Goncharov, S. (2019), "Ideas about the future among young people in large cities in Russia, Ukraine and Belarus", [Online], available at: http://zukunftsbild.nemtsovfund.org/2018/survey-ru/ (Accessed 11 May 2020). *(In Russian).*

Rudenkin, D. (2019), "Protest sentiments of Russian youth a year after the meetings of 2017", *Sociodynamics*, (2), 23-33. *(In Russian).*

Saveliev, Y. (2013), "Main types of public life participation in European countries", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (12), 64-71. *(In Russian).*

Smirnov, V. (2018), "Youth topics in the articles of Russian researchers: Key trends and contradictions", *Sociology of education*, (2), 23-33. *(In Russian).*

Shapovalova, I. (2020), "Health-saving behavior of young people: and they lived happily ever after?", *Proceedings of the XXII Ural sociological readings. National projects and socio-economic development of the Ural region*, Ekaterinburg, Russia, 181-188. *(In Russian).*

Shapovalova, I. and Genkin (Filonova), Y. (2019), "Online perspective in educational trajectories of youth", *Research Results. Sociology and Management*, (4), 91-102. *(In Russian).*

Yudashkina, V. (2017), "Management of youth community", *Vestnik of Lobachevsky State University. Series: Social Sciences*, (3), 126-132. *(In Russian).*

Andersson, B. (2016), "PARTISPACE: Comparative Report" [Online], available at: http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:1194864/FULLTEXT01.pdf (Accessed 5 April 2020).

Bachen, C., Raphael, C., Lynn, K., McKee, K. and Philippi, J. (2008), "Civic Engagement, Pedagogy, and Information Technology on Web Sites for Youth", *Political Communication*, 25 (3), 290-310.

Brandsen, T., Steen, T. and Verschuere, B. (2018), *Co-Production and Co-Creation: Engag-*

ing Citizens in Public Services, Routledge, New York, USA.

Cahill, H. and Dadvand, B. (2018), "Reconceptualising Youth Participation: A Framework to Inform Action", *Children and Youth Services Review*, 95, 243-253.

Carreto, M., Hastle, H. and Bermudez, A. (2016), *Civic Education: Handbook of Educational Psychology*, Routledge Publishers, London, UK.

Checkoway, B. and Aldana, A. (2013), "Four Forms of Youth Civic Engagement for Diverse Democracy", *Children and Youth Services Review*, 35, 1894-1899.

Checkoway, B. and Gutierrez, L. (2006), "Youth Participation and Community Change", *Journal of Community Practice*, 14, 1-9.

Cornwall, A. (2008), "Unpacking 'Participation': Models, Meanings and Practices", *Community Development Journal*, 3 (43), 269-283.

Dwyer, T. (2018), *Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries*, World Scientific Publishing, Singapore.

Farrugia, D. (2013), "Towards a Spatialised Youth Sociology: The Rural and the Urban in Times of Change", *Journal of Youth Studies*, 17 (3), 293-307.

Grandi, F., Lough, B. and Bannister, T. (2018), "Global Trends in Volunteering Infrastructure a Background Paper for the 2018 State of the World's Volunteerism Report: The Thread that Binds", *United Nations Volunteers (UNV)*, 6-39.

Hastings, L. J., Wall, M., and Mantonya, K. (2018), "Developing Leadership Through Service Ship: Leveraging the Intersection Between Service-Learning and Professional Internship", *Journal of Leadership Education*, 17 (1), 141-151.

Helve, H. and Wallace, C. (2018), *Youth, Citizenship and Empowerment*, Routledge, New York, USA.

Holmes, K., Paull, M., Haski-Leventhal, D., MacCallum, J., Omari, M., Walker, G., Scott, R., Young, S. and Maher, A. (2020), "A continuum of University Student Volunteer Programme Models", *Journal of Higher Education Policy and Management*, 42 (3), 1-17.

Hurrelmann, K. and Weichert, M. (2016), *Lost in democratic transition? Political challenges and perspectives for young people in Southeast Europe*, Friedrich Ebert Stiftung Regional Dialogue, Sarajevo.

Jardim, C. and Marques da Silva, S. (2018), "Young People Engaging in Volunteering: Questioning a Generational Trend in an Individualized Society", *Societies*, 8 (1), 8-21.

Meijs, L. (2010), *Reinventing Strategic Philanthropy: The Sustainable Organization of Voluntary Action for Impact*, Erasmus University, Rotterdam.

Michels, A. (2012), "Citizen Participation in Local Policy Making: Design and Democracy", *International Journal of Public Administration*, 35 (4), 285-292.

Nilan, P. (2011), "Youth Sociology Must Cross Cultures", *Youth Studies Australia*, 30 (3), 20-26.

Petkovic, S. (2018), *Desk study on the value of informal education, with special attention to its contribution to citizenship education, civic participation and intercultural dialogue and learning, European citizenship, peacebuilding and conflict transformation*, The European Union and the Council of Europe, Luxembourg.

Rhoads, R. (1998), "In the Service of Citizenship: A Study of Student Involvement in Community Service", *Journal of Higher Education*, 69 (3), 277-291.

Shiery, H. (2001), "Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations", *Children and Society*, 15, 107-117.

Silvan, K. (2019), "Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present", *The Universe of Russia*, 28 (1), 161-171.

Tikkakoski, T. (2012), *The impact of the EVS-volunteer to the culture identity of the members of their work community*, Humak University of Applied Sciences, Helsinki.

White, S. C. (1996), "Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation", *Development in Practice*, 6 (1), 6-15.

Статья поступила в редакцию 27 августа 2020 г. Поступила после доработки 28 ноября 2020 г. Принята к печати 01 декабря 2020 г.

Received 27 August 2020. Revised 28 November 2020. Accepted 01 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета.

Maria V. Pevnaya, Doctor of Science (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Administration Technologies, Yeltsin Ural Federal University.

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета.

Elena A. Shuklina, Doctor of Science (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Public Administration Technologies of Yeltsin Ural Federal University.

Телепаева Дарья Фёдоровна, аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета.

Daria F. Telepaeva, PhD Student, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Yeltsin Ural Federal University.

Черникова-Бука Мариана, Ph. D., доцент факультета коммуникационных наук Политехнического университета в Тимишоара (Румыния).

Mariana Cernicova-Bucă, Ph. D., Associate Professor, Department of Communication and Public Relations, Faculty of Communication Sciences, Politehnica University Timisoara, Romania.

Каземирчик Ежи, Ph. D, доцент Департамента образования и развития персонала Государственного экономического университета в Познани (Польша).

Jerzy Kazmierczyk, Ph. D., Adjunkt, Department of Education and Personnel Development, Poznan University of Economics and Business, Poland.